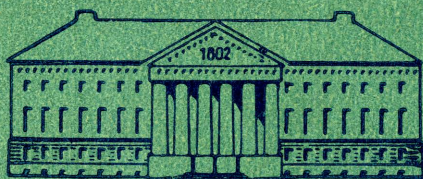

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 266 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
XVII

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

ТАРТУ 1971

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 266 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ
XVII
СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ**

Тарту 1971

Редакционная коллегия:

Б. Гаспаров, А. Метса, Х. Пак, С. Смирнов (ответственный редактор).

По техническим причинам в тексте произведены следующие замены букв:

А — л

Я — ъ

Е — ъ

У — ъ

Ю — ъ

е — ъ

я — ъ

г — ъ

ОПЫТ ТЕОРИИ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ (на материале современного русского языка)

Б. М. Гаспаров

Основной целью наших исследований является описание типов отношений между предложениями в связанном тексте¹. Однако прежде чем приступить к решению данной задачи, представляется необходимым рассмотреть вопрос о синтагматических отношениях языковых единиц в тексте в общем виде, то есть построить некоторую систему понятий, которая затем могла бы быть интерпретирована на различном конкретном материале, в том числе и материале синтагматики предложений. Построение такой общей модели синтагматических отношений и составляет задачу настоящей работы.

Необходимо оговориться, что предлагаемое здесь построение представляет собой лишь часть, точнее, один из разделов общей теории синтагматики. Синтагматические отношения между единицами рассматриваются нами лишь в одном аспекте, а именно постольку, поскольку они выражены в самих этих единицах. Именно из этого исходят вводимые ниже основные понятия и построенное на них исчисление типов. Избранный аспект интересует нас преимущественно перед другими потому, что при таком подходе синтагматические отношения оказываются тесно связанными с парадигматикой соотносимых единиц (так как данные отношения обычно находят выражение именно в выборе в определенном случае того или иного члена парадигмы). Можно сказать, что для единиц высоких уровней (слов, а в еще большей степени — предложений) во многих языках (в частности, в русском), обладающих весьма разветвленными парадигмами, данный аспект оказывается важнейшим. Это не исключает, конечно, необходимости учета других, «аналитических» аспектов синтагматической связи. Построение соответствующего общего исчисления типов для

¹ См., напр., нашу статью «О некоторых лингвистических аспектах изучения структуры текста». 3-я летняя школа по вторичным моделирующим системам, Тарту, 1968.

данных сторон позволит со временем прийти к полной синтагматической теории. Предлагаемая работа представляет собой шаг в этом направлении.

Чтобы облегчить построение модели, целесообразно сначала вести изложение, опираясь на некоторый замкнутый материал, и лишь затем, выйдя за его пределы, дать универсальное истолкование полученных понятий.

С этой целью обратимся первоначально к уровню слов, поскольку описание синтагматических отношений между словами имеет значительные традиции и оперирует целым рядом понятий, которые могли бы быть с успехом применены и при описании других уровней, в частности, интересующего нас уровня межфразовых отношений. По-видимому, некоторым функциональным понятиям теории словосочетания (синтагматики слов) могло бы быть придано универсальное значение. Таковы, в частности, понятия согласования, управления и примыкания как типов связи между словами.

Однако прежде чем произвести экстраполяцию данных понятий на более высокий уровень, представляется необходимым более детально рассмотреть эти понятия как с точки зрения их внутренней непротиворечивости, так и в плане выяснения их общего, «глубинного» смысла (не зависящего от того материала, к которому они приложены) с целью их дальнейшей универсализации. Рассматривая теорию словосочетания с этих позиций, приходится сделать вывод, что она нуждается в существенных дополнениях и уточнениях.

Прежде всего, недостатком этой теории является ее излишний прагматизм. Теория строится только для определенной узкой цели — описания некоторого ограниченного материала, а именно подчинительных словосочетаний. Соответственно все понятия строятся и определяются не в общем виде, а применительно к данному материалу. Правда, данная теория и не претендует на какое-либо иное применение, поэтому, казалось бы, данное обстоятельство не должно считаться ее недостатком. Однако принципиальная направленность на ограниченный материал приводит к тому, что построенная система понятий содержит целый ряд ничем не оправданных асимметрий, «пустых клеток». Например, значительное место в теории занимает противопоставление сильного и слабого управления (а также сильного и слабого примыкания). Но вопрос о возможности (хотя бы принципиальной) сильного и слабого согласования даже не обсуждается.

Однако главным недостатком разбираемой теории является ее внутренняя противоречивость, серьезно затрудняющая интерпретацию с ее помощью языковых фактов.

Традиционная теория словосочетания рассматривает все типы связи слов как подчинительные: зависимое слово согла-

суется, управляется или примыкает к главному. Такой подход, однако, вступает в серьезное противоречие с определением связи подлежащего и сказуемого как согласования. В самом деле, если согласование — это «такой вид синтаксической связи, когда формы сочетающихся слов объединены общими однозначными или однотипными морфологическими категориями...», причем определяющее слово всегда уподобляется в этом отношении определяемому², — то согласованием нельзя назвать связь подлежащего и сказуемого, связь, в которой оба главных члена взаимно предполагают друг друга. Ведь сам факт подобия двух слов в тексте еще ничего не говорит о том, какое из них является согласуемым: о словосочетании *большой дом* с этой точки зрения с равным успехом можно было бы сказать, что существительное *дом* требует постановки прилагательного в мужском роде, единственном числе и именительном падеже, и что прилагательное *большой* требует постановки при себе существительного мужского рода и т. д. Определить, какое из этих слов согласуется с другим, можно только исходя из отношений этих слов в структуре предложения. С этой точки зрения уже можно установить, что *большой дом* — конфигурация, ядерным элементом которой является слово *дом*, а распространителем — слово *большой*. Поскольку мы исходим из гипотезы о том, что предложение порождается горящим путем последовательного развертывания конфигураций, слово *дом* оказывается порождено на более раннем этапе, из чего уже с несомненностью вытекает, что форма слова *большой* подстраивается к форме существительного, а не наоборот. Но сочетание подлежащего и сказуемого не является конфигурацией ни подлежащего, ни сказуемого, а представляет собой несвертываемое ядро предложения³. Поэтому определение сказуемого как члена предложения, грамматически зависящего от подлежащего⁴, противоречит анализу структурного механизма предложения (даже оставаясь в рамках традиционных понятий, это противоречит определению сказуемого как главного члена предложения⁵).

² Грамматика русского языка, т. II, ч. I, М., изд. АН СССР, 1960, стр. 22.

³ Как известно, анализ структуры предложения исходит в настоящее время из двух гипотез о строении синтаксического ядра. Согласно одной (принимаемой нами), ядро предложения состоит из двух взаимозависимых главных членов. Другая же считает элементом ядерной структуры только сказуемое. В последнем случае можно было бы говорить о согласовании подлежащего со сказуемым (но, во всяком случае, не сказуемого с подлежащим).

⁴ Грамматика русского языка..., т. II, ч. I, стр. 384.

⁵ Понимание сказуемого как члена предложения, зависящего от подлежащего, восходит к логической и психологической трактовке сказуемого как элемента, выражающего предикат суждения или сопутствующее представление. Однако с точки зрения собственно структурно-грамматической гово-

Понимая это противоречие, создатели Академической грамматики исключили «предикативную синтагму» из разряда словосочетаний и стремились построить теорию грамматических связей только на базе действительно подчинительных словосочетаний. Однако это было, разумеется, лишь чисто внешнее решение вопроса, поскольку оно не снимало необходимости исследовать характер отношений между словами — членами предикативной синтагмы (независимо от того, признавать ли последнюю «настоящим» словосочетанием или нет). И действительно, когда дело доходит до такого анализа, авторы «Граматики» вынуждены квалифицировать связь между подлежащим и сказуемым как согласование⁶ и тем самым, в соответствии со своим определением согласования, рассматривать отношения главных членов как подчинительные (что и нашло отражение в определении главных членов). Но тогда непонятно, зачем было в теории словосочетания исключить этот случай из ряда других подчинительных словосочетаний.

Таким образом, определение типов связи слов как только подчинительных вступает в непримиримое противоречие с необходимостью применить данные понятия к случаям, явно выходящим за рамки подчинительных отношений.

Это серьезное противоречие стремятся устранить авторы Проспекта новой Академической грамматики русского языка. Значительным достижением этого труда является последовательное, уже без противоречий, признание связи подлежащего и сказуемого особым типом связи — координацией, принципиально не сводимым к понятиям согласования, управления и примыкания, которые по-прежнему мыслятся как характеризующие только подчинительные словосочетания⁷. Такая постановка вопроса позволяет избежать противоречий, однако оказывается не в состоянии объяснить бросающееся в глаза сходство типов связи между словами и в словосочетаниях — конфигурациях, и в координированном синтаксическом ядре. И в том, и в другом случае мы имеем некоторое уподобление словесных форм (согласование) либо их соотношенность, не выраженную формально (примыкание). Это сходство и послужило причиной традиционного определения связи главных членов как согласования. Отказавшись от этого определения, мы оказываемся более последовательными, но ценой серьезной и бросающейся в глаза асимметрии всей системы: получается, что

речь о зависимости сказуемого от подлежащего нет оснований. При построении ядерной структуры предложения формы его главных членов взаимно координируются.

⁶ В «Грамматике русского языка» данному вопросу посвящен целый раздел (см. т. II, ч. I, стр. 488—520).

⁷ Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка, М., «Наука», 1966, стр. 134 и сл.

среди детерминативных конструкций мы различаем типы, например, *большой дом* и *быстро бежать*, а координацию рассматриваем глобально и почему-то не фиксируем совершенно аналогичные различия (например, *он пришел* и *он — бежать*).

Более того, обычно соединения с сочинительной связью не рассматриваются в качестве словосочетаний (в этом старая Академическая грамматика и новый Проспект сходятся). Тем самым и вопрос о согласовании, управлении или примыкании по отношению к этому виду отношений не ставится. А между тем, здесь можно также наблюдать явления, представляющие собой известный аналог рассматриваемым здесь понятиям. Так, в примере *красные, синие, зеленые шары* обязательно не только согласование каждого из зависимых слов с главным, но и (тем самым) согласование форм зависимых слов между собой (по крайней мере по падежу). С другой стороны, в примере *большой дом с флигелем* подчиненные элементы не согласуются между собой, а «примыкают» друг к другу. О том, что здесь налицо именно разные отношения в пределах сочинительного сочетания, свидетельствует тот факт, что разные виды согласуемых сочинительных цепочек с неодинаковой легкостью могут быть трансформированы в примыкающие. Например, весьма естественна трансформация: *большой кирпичный дом* → *большой дом из кирпича*. Но гораздо менее обычной (хотя и не совсем невозможной) выглядит трансформация: *красные и синие карандаши* → *карандаши красные и синего цвета*⁸.

Следовательно, и здесь теория словосочетания обнаруживает резкую асимметричность, принципиально различным образом квалифицируя в разных случаях аналогичные явления.

Чтобы избежать этих недостатков, необходимо отказаться от традиционного ограничения явлений согласования, управления и примыкания сферой одних лишь подчинительных отношений. Понятия подчинения, сочинения и координации, с одной стороны, и понятия согласования, управления и примыкания, с другой, — это понятия принципиально разных планов, не сводимые одни к другим.

В самом деле, первый ряд понятий касается вопроса о том, каков характер структурных отношений между словами — подчиняется ли одно слово другому, или слова находятся между собой в определенных равноправных отношениях. Понятия второго ряда касаются вопроса о том, как выражены данные отношения — путем приведения в соответствие форм слов или

⁸ Мы не можем останавливаться здесь подробно на анализе содержательной основы этого формального различия⁹, поскольку это увело бы нас в сторону от темы нашего исследования. Но, по-видимому, данное различие имеет некоторое отношение к явлениям в языке, которые весьма приблизительно выражаются понятиями «однородных» и «неоднородных» определений.

каким-либо иным способом. Данные два ряда относятся друг к другу, как план содержания (внутренний) и план выражения (внешний). При этом поскольку в общем виде известно, что между единицами плана содержания и плана выражения нет одно-однозначного соответствия, нет оснований полагать и в данном случае, что некоторые средства плана выражения синтагматических отношений будут относиться к одной, и только одной, единице плана содержания (в частности, к понятию подчинительных отношений).

Итак, в теории, рассматривающей связи между словами, необходимо выделить два плана. Первый план — это отношения слов с точки зрения зависимости. Это, как мы уже сказали, внутренний план словесной связи, составляющий ее содержание и обнаруживаемый лишь после анализа структуры словосочетания. Здесь могут быть выделены три типа отношений⁹.

1) Взаимная зависимость, или координация. Это отношения, при которых оба элемента взаимно предполагают друг друга; поэтому их соединение в тексте оказывается несвертываемым:

$$\begin{array}{c} A + B \longrightarrow A + B \\ A \longleftrightarrow B \end{array}$$

Примером таких отношений между словами являются соединения подлежащего и сказуемого и некоторые другие несвертываемые словесные конструкции.

2) Односторонняя зависимость, или детерминация (подчинение). В этом случае один из элементов может быть свернут. Этот элемент и признается зависимым:

$$\begin{array}{c} A + B \longrightarrow A \\ A \\ \downarrow \\ B \end{array}$$

Данный тип отношений реализуется во всех конфигурациях.

3) Сочинительная связь (конstellация). Это — факультативная связь, скорее соединение, соположение элементов, взаимно независимых. Данное свойство конstellации проявляется в возможности произвести ее свертывание в обоих направлениях:

$$\begin{array}{c} A + B \longrightarrow A \quad \& \quad A + B \longrightarrow B \\ A, B \end{array}$$

⁹ Данные три типа отношений являются, разумеется, универсальными. Мы даем им ограниченную интерпретацию в соответствии с задачами нашего исследования. См. Л. Ельмслев, Пролегомены к теории языка, «Новое в лингвистике», вып. 1, М., 1960, стр. 81.

Данный тип реализуется во всех сочинительных сочетаниях слов.

Второй план словесных связей — внешний. Он касается формальных способов выражения отношений между словами. Если названные выше отношения характеризуют структурный план, структурную иерархию словесных соединений, то, соответственно, должны существовать некоторые формальные средства, которые служили бы сигналами данных отношений при линейном развертывании словесных цепочек, сигналами, которые показывали бы, какие слова в линейном тексте структурно связаны между собой. Роль таких сигналов в языке выполняет определенное соотношение форм слов, между которыми существуют некоторые структурные отношения. Видами этого соотношения и являются согласование, управление и примыкание. Например, в предложении *Веселый в этот день был у наших соседей праздник* мы опознаем структурную связь слов *веселый* и *праздник*, хотя линейно эти слова не сопоставлены, благодаря наличию согласования. Мы относим прилагательное *веселый* к существительному *праздник*, а не к другим существительным в этом предложении, только в результате рассмотрения, с чем прилагательное согласовано. Поскольку данные разновидности сигнализируют лишь о самом факте наличия связи между соответствующими словами, они используются при всех типах отношений. При этом механизм согласования (и других видов связи) зависит от характера отношений, которые в данном случае реализуются.

При детерминации зависимость односторонняя, поэтому и внешняя соотношенность связываемых слов носит односторонний характер: зависимое слово соотносится с главным. При координации, дающей взаимную зависимость, соответственно изменяется и механизм соотношения слов: последнее становится взаимным, перед нами как бы две детерминативные связи, направленные в противоположные стороны¹⁰. То же можно сказать и о констелляции, с той лишь разницей, что здесь перед нами не необходимая связь форм, а лишь их взаимное соотношение, которое легко может быть нарушено путем устранения одного из членов констелляции. Таким образом, детерминация форм (требование одной формы другой формой) является фундаментальным явлением в теории средств выражения связи между словами, которое имеет место не только при выражении собственно детерминативных, но и координативных и констеллятивных отношений. В последних двух случаях детерминация форм носит двусторонне направленный характер.

¹⁰ При этом, поскольку слова в координативном соединении могут обладать разными категориями, эти взаимно противоположные детерминации могут носить различный характер: каждое слово оказывается детерминировано с точки зрения тех категорий, которыми оно обладает.

Поэтому ограничение теории связи между словами сферой одних лишь детерминативных отношений представляется неправомерным. Более того, поскольку, как мы видим, соотношение слов в тексте имеет различный характер (двусторонний или односторонний) в зависимости от типа выражаемых отношений, мы должны каждое из средств связи рассматривать в трех измерениях, в трех разновидностях. Например, следует говорить, как о разновидностях согласования, о согласовании взаимосвязанном (координативном), взаимно-свободном (констеллятивном) и однонаправленном (детерминативном). То же самое относится, разумеется, и к управлению, и к примыканию.

Итак, каждое словесное соединение может быть определено в двух планах: с точки зрения типа структурных отношений между словами и с точки зрения способа, при помощи которого выражаются эти отношения. В общем виде мы должны поэтому ожидать наличия в языке девяти типов связей между словами.

средства выражения характер отношений	согласование	управление	примыкание
координация	координативное согласование	координативное управление	координативное примыкание
детерминация	детерминативное согласование	детерминативное управление	детерминативное примыкание
констелляция	констеллятивное согласование	констеллятивное управление	констеллятивное примыкание

Таким образом, говоря о зависимости форм слов в тексте, мы будем различать в качестве вариантов случаи, когда эта зависимость носит только однонаправленный характер (от одного слова к другому) или сопровождается встречной зависимостью.

Однако прежде чем интерпретировать полученные классы, необходимо более подробно остановиться на рассмотрении самих средств выражения связи. Дело в том, что обычно практикуемые в литературе определения страдают известной расплывчатостью (даже если ограничиваться сферой только детерминативных отношений, на которых они базируются) и потому нуждаются в ряде уточнений.

Начнем с того, что согласование и управление оказываются недостаточно четко отграничены друг от друга. Особенно расплывчатым выглядит определение управления как требования

постановки зависимого слова в определенной форме. Ведь и при согласовании налицо данное требование (вообще это характеризует не один из видов выражения отношений, а сами детерминативные отношения). Но, может быть, мы отличаем согласование как такой вид связи, при котором происходит формальное уподобление слов, от управления как такого типа, где уподобления не происходит? Однако и это не вполне справедливо; по крайней мере, данный признак не выдерживается последовательно при интерпретации данных понятий на материале. В частности, говорится, что в соединении *дом стоит* происходит согласование по лицу. Но как может быть здесь согласование, то есть «уподобление форм», если существительное вообще не имеет форм лица? Чему же «уподобляется» форма глагола? На данное противоречие уже обращалось внимание в литературе, в связи с чем предлагалось считать этот случай управлением¹¹. Но и это не спасает положения; поскольку существуют случаи управления, когда форма главного и зависимого слова подобны; в примере *книга жены брата* отношение слов *жены брата* характеризуют обычно как управление, но оба слова имеют форму родительного падежа; следовательно, если придерживаться буквы исходных определений, надо сказать, что в сочетании *жена брата* имеет место управление, а в сочетании *жены брата* — согласование¹².

Таким образом, последовательное применение даваемых грамматикой определений либо вообще не дает возможности интерпретации их на материале, либо приводит к результатам, значительно отличающимся от тех, которые закреплены традицией. Это позволяет нам утверждать, что квалификация типов связи в тексте основывается не на определениях (так как не может быть выведена из последних), а на заданных исходных списках явлений, квалифицируемых как согласование или как управление. Не случайно этот список (перечисление разрядов слов, объединяемых данным видом связи, и категорий, по которым она осуществляется), дается уже в общем определении типа связи как его составная часть¹³.

Аналогичным образом обстоит дело и при разграничении управления и примыкания. Хорошо известно, какие трудности

¹¹ См. С. И. Сятковский, К вопросу о грамматических категориях, ИДВШ. — «Филологические науки», 1966, № 1.

¹² Такое решение, впрочем, выглядит явно абсурдным лишь в силу своей непривычности. Грамматика русского языка знает «прецедент» совершенно аналогичного решения, которое будучи закреплено привычкой, не вызывает недоумения. Речь идет об отношениях числительного и существительного. Словосочетание *пять столов* признается управлением, а *пяти столов* — согласованием. Данный пример показывает наглядно, насколько шаткими являются критерии, на основании которых разграничиваются согласование и управление.

¹³ См. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 22—23.

возникают в связи с существованием в языке постепенной градации по силе управления. Невозможно установить, где кончается требование постановки зависимого слова в определенной форме (управление) и начинается свободное примыкание зависимого слова к главному.

В связи с этим делается иногда попытка рассмотреть примыкание как присоединение «слова, не имеющего форм словоизменения, к слову, имеющему такие формы»¹⁴. Однако этому определению опять-таки противоречит реальная интерпретация фактов, в частности, выделение именного примыкания, при котором в роли примыкающего оказывается слово с формами словоизменения¹⁵. Но даже если отказаться от понятия именного примыкания, проблемы это не решит: ведь именные конструкции в языке адвербиализуются, причем данный процесс также имеет постепенную градацию, так что во многих случаях нельзя сказать, застыла ли данная именная конструкция в форме наречия (то есть потеряла словоизменение, связь с другими формами), или еще принадлежит именной парадигме.

Итак, приходится констатировать, что для интерпретации согласования, управления и примыкания как универсальных понятий, характеризующих типы выражения синтагматических отношений, необходимо непротиворечивое определение данных понятий. Чтобы добиться этого, надо строить определения так, чтобы определяемые классы не пересекались и не образовывали «разрывов», то есть не оставляли бы случаев, не покрываемых этими классами.

Мы имели возможность убедиться, что обычно практикуемые определения интересующих нас явлений не удовлетворяют этому требованию. Их главный недостаток состоит в том, что определения не соотносятся друг с другом. Каждый тип связи определяется сам по себе, на основании какого-то своего собственного признака (согласование — как уподобление форм, управление — как требование определенной формы, примыкание — как отнесение неизменяемого зависимого слова), а не в противопоставлениях с другими типами. Именно этим объясняются обнаруженные пересечения и разрывы между классами, образующимися на основе данных определений. Следовательно, необходимы какие-то иные определения, в основу которых были бы положены другие признаки. Возникает вопрос — какие именно? Чтобы ответить на этот вопрос, построим наши рассуждения, отправляясь сначала от наиболее бесспорных, так сказать, классических случаев согласования, управления и примыкания, случаев, составляющих ядро данных типов. Такими случаями для русского языка можно считать, например, согла-

¹⁴ «Основы построения описательной грамматики», стр. 138.

¹⁵ Там же, стр. 141—142.

сование прилагательного с существительным, управление глагола косвенным падежом существительного, примыкание наречия к глаголу¹⁶. Интуиция явно подсказывает нам, что эти случаи различаются. На чем же основано это интуитивное определение различия?

Попытаемся построить модель типов связи так, чтобы определения были логически непротиворечивы, и в то же время с таким расчетом, чтобы с помощью данных определений можно было надежно показать различие между ядерными случаями.

Выше мы сделали вывод о том, что согласование, управление и примыкание — это средства, с помощью которых выявляются структурные отношения в линейной цепи фразы. В общем виде эти средства состоят в некотором внешне выраженном соотношении слов между собой. Следовательно, возникает естественный вопрос — как происходит такое соотношение, что именно соотносится у слов, связь между которыми выражена исследуемыми типами? Именно здесь, как нам кажется, заключаются фундаментальные различия последних.

При согласовании зависимыми оказываются формы слов. Изменение словоформы одного слова влечет за собой изменение формы другого слова (разумеется, этот процесс носит односторонний характер при детерминации и взаимный — при координации). Таковы взаимные изменения форм рода, лица, числа у личного местоимения и глагола, изменение числа и падежа у прилагательного при существительном. В других случаях форма одного слова зависит от лексико-грамматического разряда второго (согласование рода у существительного и глагола, прилагательного и существительного). Поскольку лексико-грамматический разряд слова, так же как и его форма, определяется грамматическим оформлением, можно сказать в общем виде, что при согласовании существенной, «работающей» частью слов, при помощи которой слова соотносятся друг с другом, является та его часть, которая несет грамматическую информацию. Несколько упрощая ситуацию, можно определить (по крайней мере для русского языка — языка, имеющего словоизменение), что согласование — это соотношение флексий¹⁷.

С другой стороны, при управлении соотношения формальных признаков не происходит. Форма одного слова может изменяться, но требуемая форма другого слова остается той же. Но если при согласовании лексическая характеристика слова была безразлична (соотносились пары флексий, к которым можно

¹⁶ Конечно, этим не исчерпывается список ядерных случаев, однако для нас сейчас важно то, что эти случаи бесспорно принадлежат к ядерным.

¹⁷ Это упрощенное определение не учитывает таких явлений, как нулевая флексия, супплетивизм, дефектные парадигмы. Учитывая эти случаи, согласование можно рассматривать как соотношение формальных признаков слов.

было присоединять любые возможные в этих случаях основы), то в случае управления картина меняется именно с заменой одного слова другим. Итак, управление — это вид связи, для которого существенны не грамматические, а лексические характеристики слова, не правила сочетаемости определенных грамматических форм, а правила сочетаемости отдельных конкретных слов. Если о согласовании в принципе можно было сказать, что зависимое слово соотносит свою форму с *флексией* главного, то в этом случае (тоже несколько упрощая ситуацию), можно констатировать, что форма зависимого слова соотносится с основой главного. «Субъектом» согласования выступала лишь одна из форм, образующих словоизменительную парадигму, но зато именно как абстрактная форма, в полном отвлечении от того, какому именно слову она принадлежит. «Субъектом» управления выступает уже слово в целом, слово-лексема во всей совокупности своих форм, однако во всей своей лексической конкретности¹⁸, с присущими только ему (в отличие от других слов этого же грамматического разряда) свойствами сочетаемости. Различия в согласовании и управлении могут быть продемонстрированы следующим образом.

<i>Веселая пародия на спектакль</i>	<i>Свежий порез на пальце</i>
<i>Веселой пародии на спектакль</i>	<i>Свежего пореза на пальце</i>
<i>Веселых пародий на спектакль</i>	<i>Свежих порезов на пальце</i>

и т. д.

Поскольку в наше определение согласования и управления не вошел, как видим, признак подобия форм главного и зависимого слова, вполне естественно предположить, что оба эти типа могут реализоваться как в сочетаниях с тождественными, так и с нетождественными формами слов. Мы уже видели, что среди управляющих конструкций это явление действительно наблюдается: ведь если главное слово может изменяться, оставляя зависимое неизменным, то неизбежен случай (если категории управляющего и управляемого слова совпадают), когда формы двух слов будут тождественны.

Менее очевидным выглядит вывод о том, что совпадение форм не обязательно при согласовании. Но это действительно может иметь место в данном случае, что и учитывается (бесспорно) традиционной грамматикой при квалификации

¹⁸ Здесь необходима важная оговорка, что все эти определения ограничены пределами некоторого одного грамматического класса (части речи). У слов разных частей речи механизм согласования может быть различным, даже если речь идет об общей для них категории. Так, механизм согласования по падежу у числительного с существительным и у двух существительных различен (о чем подробнее будет сказано дальше). Аналогично слова разных частей речи, даже принадлежащие к одному лексико-семантическому разряду (имеющие общую основу), могут иметь различное управление.

связи имени и глагола как согласования по лицу. Здесь нет, конечно, уподобления форм, так как у имени нет форм лица, но здесь налицо требование (в данном случае взаимное) определенной формой одного слова определенной формы другого слова. Такими взаимно тяготеющими формами являются именительный падеж существительного и третье лицо глагола. Изменение одной из этих форм делает необязательной (или даже невозможной) другую форму. Так, при постановке существительного в форме любого другого падежа (такого, при котором сохраняется его связь с глаголом) делается возможной постановка глагола в форме любого лица. И обратно — изменение формы лица у глагола ведет к возможности (или даже необходимости) замены именительного падежа у существительного¹⁹. То же можно сказать и о согласовании по лицу и числу глагола с местоименными существительными и числительными (*кто идет, двое идут*). Здесь именительный падеж сам по себе (поскольку у данных слов нет форм лица и числа) координируется с глаголом в форме третьего лица и единственного числа.

Сформулировав в явном виде то, что имплицитно присутствовало в интерпретации всех приведенных примеров традиционной грамматикой, а именно то, что при согласовании подобие форм необходимо, мы получаем возможность более логично интерпретировать некоторые другие явления среди словосочетаний русского языка. В частности, уже указывалось на парадоксальность традиционного взгляда на связь числительного и существительного в именительном и косвенных падежах. Согласно этому взгляду, получается, что одна и та же конструкция в зависимости от формы слова может быть согласованием либо управлением. С точки зрения исследуемого здесь критерия в данной конструкции имеет место всегда одна и та же связь — согласовательная: ведь числительное в именительном падеже (определенной форме) требует родительного падежа (тоже определенной формы) существительного²⁰.

¹⁹ Именительный падеж существительного может в этом случае сохраниться (при условии, что не разрушилась связь с глаголом) только при немногих словах — связке *быть*, глаголах *стать*, *оказаться* и некоторых других, Ср. *будет гость* и *(ты) будешь гость* и т. п.

²⁰ Парадоксальность этой конструкции, однако, заключается в том, что в именительном падеже числительное господствует над существительным, а в косвенном — зависит от него. Но данный парадокс в принципе объясним — ведь отношения зависимости выявляются в структуре фразы, и поэтому наши два случая, занимая различную позицию в структуре фразы, могут давать и различный механизм зависимости. Но едва ли можно считать, что выражение зависимости в словах может быть различно для одних и тех же слов в разных случаях. Поэтому интерпретация связи числительного с существительным как падежного согласования во всех случаях представляется более естественной.

Исходя из этого, едва ли целесообразно оставлять традиционные термины «согласование» и «управление», во-первых, потому, что эти термины прочно связаны с определенным содержанием, во-вторых, также потому, что сама этимология слова «согласование» наводит на мысль о необходимости уподобления форм. Кроме того, поскольку определения строятся в соотношении друг с другом, целесообразно и обозначить образуемые классы соотносительными терминами. Поэтому назовем данные два случая формальным и дистрибутивным управлением, поскольку механизм отнесения зависимого слова к главному оказывается связан в этих случаях со словоизменительной формой (обычно с флексией) и с дистрибутивными возможностями главного слова²¹.

Наконец, примыкание представляет собой вид связи, при котором равно несущественным является как форма, так и выбор лексического разряда главного слова²². В пределах одного формального класса (части речи) мы можем употребить любое слово в любой форме — форма примыкающего к нему слова не изменится²³. Наиболее очевидным образом это произойдет, если в роли примыкающего окажется неизменяемое слово. Но и слова изменяемые могут выступать в роли примыкающих, если они стоят в форме, которая оказывается «совместима» с любым словом (и любой формой) того класса, к которому они отнесены. Таковы многие конструкции с существительным, выражающие обстоятельственные отношения, то есть то, что называется обычно именовым примыканием.

Предлагаемая интерпретация различия между управлением и примыканием позволяет, во-первых, устранить парадокс, состоящий в том, что примыкание объявляется свойством неизменяемых слов, а затем в качестве примыкающих интерпретируются именные конструкции. Во-вторых, главное, при таком подходе управление и примыкание образуют два дискретных класса, различие между которыми не количественное (по силе требования постановки подчиненного слова в определенной форме), а качественное: форма управляемого слова меняется с изменением управляющего слова, форма примыкающего слова

²¹ В дальнейшем мы будем употреблять традиционные термины лишь тогда, когда будем иметь в виду придаваемый им обычно смысл.

²² Данный случай можно назвать, соответственно с предыдущими, нулевым управлением.

²³ Мы будем в дальнейшем называть лексическим, или дистрибутивным, классом такую группу слов в пределах одного грамматического класса (части речи), которая не отличается от других слов той же части речи своими грамматическими формами, но обнаруживает отличия в правилах сочетаемости с другими словами. Действительно, в пределах одного грамматического класса, члены которого не обязательно обладают абсолютно тождественной дистрибуцией, можно выделить подклассы полностью взаимозаменяемых слов. Эти группы и являются дистрибутивными классами.

при этом остается неизменной (если главное слово варьируется в пределах одной части речи)²⁴.

Например, конструкция Гл. + Сущ.^{Вин.} является случаем управления, так как постановка существительного в винительном падеже возможна не при всех глаголах. С другой стороны, конструкция Гл. + около + Сущ.^{Род.} является случаем примыкания, так как присоединение данной предложно-падежной конструкции возможно к любому глаголу.

Поскольку в нашем определении примыкания критерий неизменяемости зависимого слова отсутствовал, представлялось естественным наличие в роли примыкающих также и изменяемых слов. Однако не менее естественным образом из этого должно следовать, что при других видах связи в роли зависимого вовсе не обязательно должно выступать слово, имеющее формы, а вполне возможно также неизменяемое слово. В этом случае не форма, а сама возможность постановки зависимого слова в связи с главным определяется формой главного слова (формальное управление) или его дистрибутивными возможностями (дистрибутивное управление). Примером первого из этих двух случаев является сочетание именительного падежа с индикативом: сама возможность постановки индикатива в связи, например, с личным местоимением обусловлена формой именительного падежа последнего (*он — кричать*). Примером второго случая может быть сочетание глагола с инфинитивом, который возможен лишь при некоторых глаголах (в любой форме).

Последний случай интересен еще тем, что обычно он квалифицируется как примыкание, применение же предложенной здесь системы понятий заставляет поместить его среди случаев дистрибутивного управления. Нам представляется, что такая интерпретация имеет некоторые преимущества. Действительно, при этом мы избегаем неоправданного объединения инфинитивного оборота с наречными и именными конструкциями обстоятельственного характера, которые и по своим функциям (детерминативы), и по степени обязательности при главном слове резко от него отличаются, и в то же время объединяем инфинитивный оборот с объектными приглагольными именными конструкциями, с которыми он тесно связан (показателем чего является, в частности, возможность во многих случаях трансформации инфинитива в приглагольной позиции в существительное и обратно).

²⁴ Конечно, определение того, являет ли собой та или иная конкретная конструкция случай управления или примыкания, с учетом предложенного критерия, остается нелегкой задачей, так как решение ее (за исключением немногих очевидных случаев) должно сопровождаться «перебором» большого числа вариантов. Однако важно то, что в принципе данная задача становится выполнимой на твердой формальной основе.

Итак, соотносение зависимого слова с главным словом данной части речи может происходить:

1) с учетом грамматической (или лексико-грамматической) характеристики главного слова (формальное управление);

2) с учетом дистрибутивной характеристики главного слова (дистрибутивное управление);

3) независимо как от грамматической, так и от дистрибутивной характеристики главного слова (нулевое управление).

Теперь наши определения классов взаимно соотносены, строятся на основе одних и тех же функциональных признаков. В результате удается избавиться от одного недостатка традиционной классификации — пересечения классов. Действительно, все полученные нами до сих пор (на базе введенных определений) классы оказались дискретными. Однако сохраняется второй существенный недостаток — наличие разрывов между классами, случаев, не учитываемых классификацией. Собственно, те примеры связи, которыми мы оперировали до сих пор, назвав их ядерными, хорошо укладываются в систему введенных понятий. Однако недостатком данной системы как раз является то, что до сих пор мы строили ее не как логическое исчисление, а имея в виду конкретные (пусть и наиболее важные) случаи, стремясь, чтобы наши определения хорошо объясняли эти последние. В силу этого наша модель не является пока универсальной.

Этот первый шаг был, однако, необходим для того, чтобы задать фундаментальные признаки, лежащие в основу модели, с таким расчетом, чтобы построенная из них модель давала интерпретацию материала, хорошо согласующуюся с показаниями интуиции. Теперь же представляется возможным на основе полученного участка системы построить всю систему в целом уже как логическое исчисление, эксплицировав все те случаи, принципиальная возможность которых логически следует из введенных нами исходных признаков.

С этой целью произведем дальнейший анализ полученных уже нами понятий.

Представив отнесенность к форме и к дистрибутивному ряду как дифференциальные признаки, характеризующие типы связи, получим следующее распределение этих признаков по нашим типам:

1) формальное управление:	+ —
2) дистрибутивное управление:	— +
3) нулевое управление:	— —

Из этого с очевидностью вытекает возможность наличия четвертого типа (+ +), при котором форма зависимого слова определялась бы как выбором главного слова, так и его формой, то есть сочеталось бы формальное и дистрибутивное

управление. Такой случай действительно имеет место в русском языке. Данное явление мы наблюдаем, в частности, в отношениях количественного числительного и существительного по категории числа. Форма числа существительного определяется (по крайней мере в некоторых случаях) формой управляющего слова: *два стола*, но *двух столов*. Следовательно, перед нами формальное управление. Но форма числа у существительного определяется также самим выбором числительного: *два стола* — *пять столов*. Перед нами, следовательно, совмещение формального и дистрибутивного управления.

Однако и введение четвертого типа не заполняет всех клеток нашей системы, устраняя лишь наиболее очевидный пробел. В предложенном виде система из четырех классов имеет односторонний характер. Она ориентирована только на главное слово в его формах и дистрибутивных возможностях. Что касается «другой стороны» — зависимого слова, — то оно учитывается только с точки зрения селекции его форм, но не дистрибутивных возможностей. Тем самым данная классификация как бы молчаливо исходит из допущения, что зависимое слово может сигнализировать о связи с главным только своей формой, тогда как главное слово может относиться к зависимому и с точки зрения своей формы, и с точки зрения дистрибутивных возможностей. Поскольку, по-видимому, нет никаких специальных оснований для такой «асимметрии», необходимо дополнить нашу классификацию еще одним признаком — совместимостью зависимого слова с главным с точки зрения дистрибутивных возможностей первого, то есть с точки зрения зависимого слова как представителя некоторого лексико-дистрибутивного класса. До сих пор мы рассматривали, от чего зависит появление зависимого слова (причем любого слова данной части речи) в определенной форме. Теперь нам надо показать, от чего может зависеть появление некоторого определенного подчиненного слова (как лексической единицы, с присущими ей дистрибутивными возможностями) в любой его форме. Очевидно, это также в принципе может зависеть от двух факторов — от формы главного слова и его дистрибутивных возможностей. Следовательно, и в этом плане мы получаем четыре случая, параллельные исследованным ранее:

1) $\oplus \oplus$. И форма, и дистрибутивные свойства главного слова определяют выбор конкретного зависимого слова.

2) $\oplus \ominus$. Определенная форма главного слова предполагает выбор определенного зависимого слова. Изменение формы главного слова изменяет и данный выбор, но замена одного главного слова другим в данном случае не играет роли.

3) $\ominus \oplus$. Выбор главного слова определяет выбор некоторого соответствующего зависимого, форма же главного слова не играет при этом роли.

4) — —. Ни форма, ни выбор главного слова не определяют выбор зависимого: любое зависимое слово данной части речи может (в той или иной форме) присутствовать при любом главном слове данной части речи в любой его форме. Этот случай отличается от полученного нами ранее нулевого управления тем, что в последнем говорилось о принципиальной возможности появления данной формальной конструкции при любом управляющем слове, но ничего не сообщалось об ограничениях, накладываемых лексической сочетаемостью. Предполагалось, что какое-либо зависимое слово обязательно может быть употреблено при главном в данной форме. Здесь же, напротив, подчеркивается отсутствие дистрибутивных ограничений, но ничего не говорится об ограничениях формальных.

Итак, первый участок нашей системы строился на двух основных признаках — отнесенности формы и дистрибутивных свойств главного слова и формы зависимого. Второй полученный здесь участок строился на двух признаках — отнесенности формы и дистрибутивных свойств главного слова и выбора слова.

С учетом этого обстоятельства то, что мы прежде называли формальным управлением, расщепляется на следующие два класса.

1) Форма главного слова определяет форму зависимого ($\Phi \rightarrow \Phi$). Это уже знакомый нам тип, за которым можно оставить название «формальное управление» (или «собственно формальное управление»).

2) Форма главного слова определяет возможность появления некоторого лексического подкласса зависимого слова ($\Phi \rightarrow Д$). Назовем этот случай формально-дистрибутивным управлением.

В свою очередь, дистрибутивное управление распадается также на два класса.

3) Главное слово в целом (как лексема) определяет форму зависимого слова. Это — знакомый нам случай, который, однако, целесообразно назвать теперь, с учетом введенных новых типов, дистрибутивно-формальным управлением ($Д \rightarrow \Phi$).

4) Главное слово в целом определяет появление зависимого слова также в целом, как лексемы. Это и есть случай собственно дистрибутивного управления ($Д \rightarrow Д$).

Следовательно, всего имеется четыре элементарных и потому фундаментальных случая для нашей системы. Данными четырьмя случаями исчерпывается список элементарных классов, выводимых из тех двух бинарных противопоставлений, которые явились исходными для нашей модели (противопоставления слова как лексической и формальной единицы, с одной стороны, и противопоставления главного и зависимого слова, с дру-

гой). Исчислив все возможные комбинации этих элементарных случаев, мы получим полную систему синтагматических связей слов в тексте. Такая система не будет уже апеллировать к некоторым известным нам примерам, а явится логическим исчислением, носящим универсальный характер.

Четыре элементарных случая в принципе могут дать нам шестнадцать различных комбинаций²⁵.

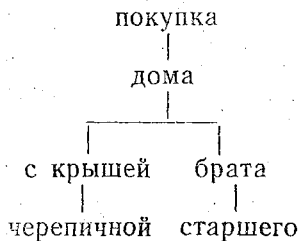
Обозначив наличие некоторого элементарного вида связи как +, отсутствие такой связи как —, мы можем теперь представить образующиеся типы в виде следующей таблицы.

- 1) $(\Phi \rightarrow \Phi) + (\Phi \rightarrow Д) + (Д \rightarrow \Phi) + (Д \rightarrow Д) +$
- 2) $(\Phi \rightarrow \Phi) + (\Phi \rightarrow Д) + (Д \rightarrow \Phi) + (Д \rightarrow Д) -$
- 3) $(\Phi \rightarrow \Phi) + (\Phi \rightarrow Д) + (Д \rightarrow \Phi) - (Д \rightarrow Д) +$
- 4) $(\Phi \rightarrow \Phi) + (\Phi \rightarrow Д) + (Д \rightarrow \Phi) - (Д \rightarrow Д) -$
- 5) $(\Phi \rightarrow \Phi) + (\Phi \rightarrow Д) - (Д \rightarrow \Phi) + (Д \rightarrow Д) +$
- 6) $(\Phi \rightarrow \Phi) + (\Phi \rightarrow Д) - (Д \rightarrow \Phi) + (Д \rightarrow Д) -$
- 7) $(\Phi \rightarrow \Phi) + (\Phi \rightarrow Д) - (Д \rightarrow \Phi) - (Д \rightarrow Д) +$
- 8) $(\Phi \rightarrow \Phi) + (\Phi \rightarrow Д) - (Д \rightarrow \Phi) - (Д \rightarrow Д) -$
- 9) $(\Phi \rightarrow \Phi) - (\Phi \rightarrow Д) + (Д \rightarrow \Phi) + (Д \rightarrow Д) +$
- 10) $(\Phi \rightarrow \Phi) - (\Phi \rightarrow Д) + (Д \rightarrow \Phi) + (Д \rightarrow Д) -$
- 11) $(\Phi \rightarrow \Phi) - (\Phi \rightarrow Д) + (Д \rightarrow \Phi) - (Д \rightarrow Д) +$
- 12) $(\Phi \rightarrow \Phi) - (\Phi \rightarrow Д) + (Д \rightarrow \Phi) - (Д \rightarrow Д) -$
- 13) $(\Phi \rightarrow \Phi) - (\Phi \rightarrow Д) - (Д \rightarrow \Phi) + (Д \rightarrow Д) +$
- 14) $(\Phi \rightarrow \Phi) - (\Phi \rightarrow Д) - (Д \rightarrow \Phi) + (Д \rightarrow Д) -$
- 15) $(\Phi \rightarrow \Phi) - (\Phi \rightarrow Д) - (Д \rightarrow \Phi) - (Д \rightarrow Д) +$
- 16) $(\Phi \rightarrow \Phi) - (\Phi \rightarrow Д) - (Д \rightarrow \Phi) - (Д \rightarrow Д) -$

Не все приведенные здесь классы будут интересовать нас в равной степени. Это связано с неравноценностью (с точки зрения целей нашего исследования) четырех показанных выше элементарных случаев. Один из них представляет меньший интерес по сравнению с другими для собственно грамматического описания. Имеется в виду случай собственно дистрибутивного управления ($Д \rightarrow Д$), регламентирующий лексическую сочетаемость слов без учета их формальных признаков.

²⁵ Мы могли бы получить эти шестнадцать комбинаций и иным путем, соотнося между собой полученные ранее два участка системы. Приняв, что каждый из четырех классов одного участка может в принципе сочетаться с каждым из четырех классов другого участка, получим те же шестнадцать случаев.

Правда, сам тот факт, что мы оказались перед необходимостью включения данного признака в чисто грамматическое описание, представляется нам знаменательным. Известно, что существует противопоставление «грамматической правильности» и правильности лексической сочетаемости²⁶. Однако сколько-нибудь удовлетворительно отграничить данные понятия не удастся²⁷. Предлагаемая модель, как нам кажется, дает возможность увидеть причину этого обстоятельства, заключающуюся в том, что лексическая сочетаемость слов тоже «грамматична», тоже может служить сигналом определенных грамматических отношений. Поэтому противопоставление лексической сочетаемости и «формальной», «грамматической» сочетаемости является неправомерным. Действительно, в ряде случаев именно правила лексической сочетаемости, и только они, сигнализируют о структурных отношениях. Рассмотрим такую фразу (или часть фразы): *покупка дома старшего брата (с черепичной крышей)*. Для любого говорящего структурное дерево подчинения данной цепочки слов, очевидно, представляется следующим:

На основании чего, однако, устанавливается конфигурация *дома с крышей*, а не *брата с крышей*? Очевидно, что форма слов здесь не оказывает никакого влияния (так как оба существительных, «претендующих» на роль главного слова, стоят в одинаковой форме). Ничто вне слов также не указывает на связь — более того, с точки зрения линейного расположения следовало бы предполагать второе решение. И если, несмотря на это, любой говорящий безошибочно отнесет предложенную конструкцию к словоформе *дома* (а это, по-видимому, именно так), то единственным сигналом, позволяющим принять такое решение, единственным средством выражения структурных отношений является «дистрибутивное управление» слов, правила их лексической сочетаемости.

²⁶ Н. Хомский, Синтаксические структуры, «Новое в лингвистике», вып. 2, М., 1961, стр. 416—421.

²⁷ См., напр., А. Хилл, О грамматической отменности предложений, ВЯ, 1962, № 4.

Итак, дистрибутивные свойства²⁸ соотносимых единиц являются одним из средств выражения структурных отношений, что заставляет включить их в сферу грамматики²⁹.

Однако использование данного критерия при грамматическом описании сталкивается с серьезными трудностями в связи с тем, что дистрибутивные классы слов внутри одной части речи не определены (как в общем виде, так и для конкретных языков) сколько-нибудь отчетливо, и не ясны критерии, на которых такие определения могли бы основываться. Поэтому делать утверждения о наличии или отсутствии в том или ином конкретном случае регламентации с точки зрения лексической сочетаемости оказывается по большей части затруднительно. Вот почему, строя в принципе систему из шестнадцати классов, мы будем считать различия между соседними парами (1 и 2, 3 и 4 и т. д.) не столь существенными, как другие различия, рассматривая их как бы в виде подклассов внутри восьми функциональных классов.

Каждый из полученных классов может сигнализировать о трех различных типах отношений (о чем говорилось выше), выступая тем самым в трех разновидностях. С учетом последней полная типология синтагматических связей слов должна охватывать 48 случаев.

Итак, попытавшись построить логически непротиворечивую и полную систему синтагматических связей слов, мы пришли, вместо трех исходных типов, от которых отправлялись в начале нашего исследования, к шестнадцати основным классам, каждый из которых выступает в трех разновидностях, трех функциях. Данная система (в пределах рассматриваемого пока уровня слов) носит, повторяем, универсальный характер. В различных языках она может интерпретироваться неполностью, оставляя те или иные клетки пустыми³⁰. В частности, и русский язык, материал которого будет нас интересовать в первую очередь, реализует не все указанные типы. Но в принципе здесь предусматриваются все возможные случаи отношений между словами.

²⁸ Имеются в виду, конечно, не только дистрибутивные свойства на уровне формальных классов (принадлежность которых к грамматике никто не отрицает), но и на уровне отдельных конкретных единиц (или дистрибутивных классов единиц в том смысле, как об этом говорилось выше).

²⁹ Ср. замечание Н. Хомского о том, что современная грамматика все больше включает в свою область то, что традиционно считалось относящимся к семантике (Н. Хомский, Логические основы лингвистической теории, «Новое в лингвистике», вып. IV, М., 1965, стр. 505—506). Построенная нами система может служить иллюстрацией этого положения, так как органически включила в себя фактор лексической сочетаемости.

³⁰ Поскольку перед нами система сигналов, применяемых в линейной цепи для опознания структурных связей, можно предположить, что чем беднее реализация системы в некотором языке, тем более прозрачным должно быть выявление структурных отношений в линейной цепи, тем более жестко

Поскольку могут существовать различные виды формального и дистрибутивного управления (в связи с наличием разных грамматических категорий, по которым может осуществляться формальное управление, и с различной группировкой на дистрибутивные классы слов, между которыми возникает дистрибутивное управление), в конкретных языках происходит дальнейшая спецификация указанных типов. Например, можно различать формальное управление по категориям лица, числа, рода и т. д. Это, в свою очередь, открывает возможность для различных комбинаций данных конкретных разновидностей. В одном словосочетании могут соединяться несколько случаев управления, базирующихся на различных категориях (или различных лексико-дистрибутивных расчленениях). Одно и то же слово, будучи носителем разных категорий, может различным образом формально управлять другими словами (или быть управляемым) по каждой из этих категорий; будучи членом разных (по разным признакам образуемых) дистрибутивных классов, это слово может также одновременно различным образом управлять дистрибутивно (или быть управляемым). Более того, это обстоятельство открывает возможность для комбинации в одном словосочетании разных типов отношений: например, одновременно координации (по одному признаку) и детерминации (по другому признаку), и т. д.³¹ Количество таких спецификаций (во всех их комбинациях), при своей множественности, является конечным и легко может быть исчислено. Но это исчисление должно осуществляться уже в рамках конкретных языков с учетом того набора категорий, которыми располагает каждый язык. Мы будем рассматривать в дальнейшем материал с точки зрения полученных универсальных классов, обращая внимание, где это необходимо, на случаи их комбинации, встречаемые в рассматриваемом материале.

Рассмотрим теперь более подробно возможную интерпретацию полученных классов. Поскольку в нашу задачу не входит систематическое описание синтагматических отношений между словами, а мы обратились к этому уровню лишь с целью бо-

линейный порядок должен соответствовать структурному порядку. Данное соображение подтверждается тем хорошо известным фактом, что аналитические языки (у которых система связей беднее из-за слабого развития формального управления) отличаются, как правило, более жестким порядком слов, чем языки с развитым словоизменением. Данное явление, известное сейчас лишь в самом общем виде, было бы интересно конкретизировать, соотнеся типологию синтагматических связей и типологию порядка слов в различных языках.

³¹ Последнее открывает возможность обнаружения сочтаний грамматически стабильных и нестабильных, у которых одновременно наличествуют разные типы отношений. Данные случаи представляли бы значительный интерес с точки зрения обнаружения заложенных в синтаксической структуре напряженностей, противоречий, являющихся импульсами ее развития.

лее удобного показа некоторых фундаментальных положений, наши интерпретации на данном уровне не претендуют на исчерпывающую полноту и будут носить иллюстративный характер.

1) $(\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) +$

Это случай полного, или абсолютного, управления. В нем сочетается одновременно все четыре известных нам элементарных вида управления: формальное, формально-дистрибутивное, дистрибутивно-формальное и дистрибутивное. Смысл этого случая состоит в том, что определенное управляющее слово (не любое слово данной части речи) в определенной форме требует постановки при себе также определенного управляемого слова в определенной форме. Примером такой связи (и притом координативной) в русском языке может служить соединение местоименного существительного и глагола в прошедшем времени (сослагательном наклонении). Местоимение *кто* (и только оно, в отличие от слова того же грамматического разряда *что*), будучи в форме именительного падежа, требует постановки глагола в форме мужского рода³², — и притом не всякого глагола, а лишь некоторых (невозможны, например, безличные глаголы — **кто рассветал*); местоимение *что* в именительном падеже, в свою очередь, требует постановки глагола в форме среднего рода (и притом также исключает возможность появления некоторых глаголов — например, глаголов речи — ср. **что сказало*).

Другой аналогичный пример — сочетание существительного и глагола *pluralia tantum* (или, соответственно, *singularia tantum* таких, у которых действительно не может быть образована форма множественного числа³³): *Сани едут*, — рассмотренное со стороны имени. Здесь, как и в предыдущем примере, требование постановки глагола в определенной форме возникает лишь при условии, что имя стоит в именительном падеже ($\Phi \longrightarrow \Phi$); некоторые из этих требований (в данном случае — требование определенной формы числа) связаны с выбором определенного существительного ($Д \longrightarrow \Phi$); сама форма этого существительного ограничивает характер его сочетаемости с глаголами (невозможны безличные глаголы — $\Phi \longrightarrow Д$); наконец, такие же ограничения обусловлены и лексическим характером имени ($Д \longrightarrow Д$).

2) $(\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) -$

Сочетание формального, формально-дистрибутивного и дистрибутивно-формального управления. Форма управляемого сло-

³² Заметим, что слова *кто* — *что* отнюдь не образуют родовой парадигмы (они вообще сами по себе не имеют форм рода), это именно слова с разными дистрибутивными возможностями.

³³ Ср. А. А. Зализняк, Русское именное словоизменение, М., «Наука», 1967, стр. 57—58.

ва указывается определенным управляющим словом в определенной форме. Но сама возможность постановки данного конкретного управляемого слова зависит только от формы управляющего.

Примером таких отношений может служить соотношение видовых форм глаголов (или инфинитивов) в констеллятивном ряду: *Мой Трезор остановился, попятился* (Тургенев). Здесь форма вида одного слова соотносится с формой вида другого, причем зависит не только от формы этого последнего, но и от выбора самого слова: не все глаголы могут указывать своим «соседям» форму определенного вида (этого не могут сделать, например, двувидовые глаголы). С другой стороны, форма одного слова определяет не только форму, но и сам выбор другого слова. Так, если бы глагол *остановился* стоял в форме несовершенного вида, то глагол *попятился* был бы рядом с ним невозможен, так как этот глагол не имеет формы несовершенного вида. В то же время это последнее требование исходит только от формы управляющего слова: любой глагол в форме совершенного вида требует после себя глагола, имеющего аналогичную форму. Остается добавить, что поскольку здесь мы имеем дело с констелляцией, данная связь имеет взаимный характер, то есть второй глагол выдвигает по отношению к первому аналогичные требования.

3) $(\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) - (Д \longrightarrow Д) +$

Сочетание формального, формально-дистрибутивного и дистрибутивного управления.

Определенное управляющее слово в определенной форме (и только в этой форме) требует совершенно конкретного управляемого слова. Но форма последнего определяется только формой управляющего слова.

Данные отношения в русском языке реализуются в таком тривиальном примере, как связь существительного и глагола (имеется в виду лишь одна сторона этой, в принципе координативной, связи — от существительного к глаголу). Действительно, например, существительное, обозначающее живое существо, в форме именительного падежа допускает при себе не любой глагол, в частности, невозможной оказывается постановка безличных глаголов (ср. невозможность сочетания **Человек светает*, при допустимости *свет светает*³⁴). Но форма (лица, рода, числа) глагола определяется не дистрибутивными свойствами существительного, а исключительно его формой: только при существительном в форме именительного падежа возникает

³⁴ Примеры подобного рода приводятся, в частности, в работе: Р. Ружичка, О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке, ВЯ, 1963, № 3.

требование постановки глагола в форме третьего лица, вернее, формы именительного падежа имени и третьего лица глагола оказываются скоординированными; аналогично происходит координирование форм рода и числа.

Другой пример подобной зависимости — соединение местоименного существительного и глагола, но рассмотренное уже со стороны последнего (ср. тип 1). Выбор слова *кто* или *что* определяется как формой рода, так и дистрибутивным классом глагола. С другой стороны, форма именительного падежа определяется третьим лицом глагола, то есть только формой последнего.

4) $(\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) - (Д \longrightarrow Д) -$

Перед нами случай формального управления в сочетании обоих его видов — собственно формального и формально-дистрибутивного. Этот случай можно было бы назвать полным формальным управлением.

Форма главного слова определяет как форму, так и выбор зависимого слова. Но при этом характер главного слова роли не играет; любое главное слово в данной форме выдвигает аналогичные требования.

Пример — соединение местоименного прилагательного и глагола (координативная связь). Местоимение в форме именительного падежа мужского или женского рода (или множественного числа) требует постановки после себя определенного глагола (не безличного) в определенной форме лица (а также рода и числа). Оба эти требования зависят от формы местоимения, так как местоимение среднего рода может, по-видимому, сочетаться с безличными глаголами, ср. *Это светает, Всё светит*. Но от самого слова данное требование не зависит — любое слово данного грамматического разряда в данной форме выдвигает аналогичные требования связи.

Такой же случай являет и сочетание личного местоимения первого и второго лица с глаголом. Здесь дистрибутивных ограничений со стороны местоимения нет по той простой причине, что данный грамматический разряд состоит всего из одной парадигмы.

Другой пример — также из области координативных отношений. Рассмотрим соединение местоименного существительного и связки. В данном случае оно нас интересует с одной стороны — со стороны связки, то есть с точки зрения тех требований, которые предъявляет связка по отношению к имени. Форма связки определяет как форму местоименного существительного (именительный падеж), так и выбор слова (в зависимости от формы рода у связки должно быть употреблено слово *кто* или

что). Но выбор той или иной конкретной связки при этом не играет роли.

$$5) (\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) - (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) +$$

Сочетание формального, дистрибутивно-формального и дистрибутивного управления.

Данное конкретное управляющее слово в определенной форме требует определенной формы управляемого слова. В то же время выбор управляемого слова зависит только от выбора управляющего, но не от формы последнего.

Таковы в русском языке сочетания числительного с существительным (детерминативные отношения) с точки зрения реализации категории числа у существительных; форма числа у существительного зависит как от формы, так и от выбора числительного: при числительных *два, три, четыре* в именительном падеже существительное принимает форму единственного числа, во всех остальных случаях (с заменой управляющего слова или изменением его падежной формы) существительное должно стоять во множественном числе. С другой стороны, выбор управляемого существительного зависит от выбора числительного (но не от его формы). Так, при собирательных числительных возможны только существительные, обозначающие живых существ: нельзя сказать, например, **Трое карандашей*³⁵.

Другим примером из области детерминативных отношений является сочетание типа *стакан чаю*, в котором вещественное существительное стоит в форме второго родительного падежа³⁶. Форма зависимого слова определяется выбором главного, но также и формой последнего (так, постановка главного слова в именительном падеже множественного числа исключает или во всяком случае затрудняет возможность появления формы второго родительного у зависимого слова. Возможности лексической сочетаемости двух существительных также ограничены (Д → Д).

$$6) \Phi (\longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) - (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) -$$

Сочетание формального и дистрибутивно-формального управления. Обратим внимание на то обстоятельство, что выбор зависимого слова не определяется ни формой, ни дистрибутив-

³⁵ Группа существительных, допустимых при собирательных числительных, не совпадает с классом одушевленных существительных. Так, едва ли могут быть признаны правильными сочетания вроде *трое мертвецов*. Их появление в тексте может быть оправдано только контекстуальными моментами. В то же время существуют неодушевленные имена, сочетающиеся, напротив, только с собирательными числительными. Таковы некоторые слова *pluralia tantum*, ср. *трое саней*.

³⁶ А. А. Зализняк, ук. соч., стр. 44—46.

ными свойствами главного. Это значит, что любое зависимое слово (данного формального класса) может быть употреблено в некоторой форме при любом главном слове (также определенного формального класса), стоящем в некоторой форме. Однако форма, в которой должно стоять зависимое слово, определяется как формой, так и дистрибутивными свойствами главного слова.

Примером подобных отношений может служить уже известное нам соединение местоименного существительного и связки, рассмотренное теперь со стороны первого. Любая связка возможна при любом местоименном существительном. Однако форма связки зависит как от формы местоимения (последнее должно стоять в именительном падеже, чтобы определять род, число и лицо связки), так и от выбора последнего (в зависимости от этого выбора меняется форма рода у связки).

$$7) (\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) - (Д \longrightarrow \Phi) - (Д \longrightarrow Д) +$$

Соединение собственно формального и собственно дистрибутивного управления. Этот случай можно назвать параллельным управлением: форма главного слова определяет форму зависимого и дистрибутивные свойства главного — дистрибутивные свойства зависимого.

Примером подобного рода отношений (носящих взаимный характер) может служить констеллятивное сочетание прилагательных, известное как случай «однородного определения». В этом случае взаимно соотносены оказываются и формы, и дистрибутивные свойства прилагательных. Этим данный случай отличается от «неоднородных определений», которые накладывают друг на друга только формальные, но не дистрибутивные ограничения³⁷.

$$8) (\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) - (Д \longrightarrow \Phi) - (Д \longrightarrow Д) -$$

Случай формального управления (один из наших элементарных случаев). Распределение главного и зависимого слова относительно друг друга не связано ни с какими ограничениями. Ограничения касаются лишь формы слов: форма главного слова определяет форму зависимого.

³⁷ Таким образом, в данной модели синтагматических связей оказывается формализованным различие между однородными и неоднородными определениями, состоящее в том, что при неоднородных определениях возможна замена любого прилагательного любым другим (в той же форме), тогда как при однородных определениях возможность такой замены ограничена не только грамматическими правилами, но и правилами лексической сочетаемости. Это различие не описывается традиционным понятием согласования, так как в обоих случаях прилагательные предстают как «согласованные».

Данный случай, в силу своей элементарности, имеет в языке широкое распространение.

Простейшим примером (из области детерминативных отношений) является сочетание прилагательного и существительного (управление по категориям рода, числа и падежа). Впрочем, данный пример не вполне достоверен: дело в том, что нельзя утверждать, что любое прилагательное может быть поставлено при любом существительном, но нельзя, с другой стороны, и сформулировать какие-либо хотя бы относительно четкие правила дистрибутивных ограничений для этого сочетания (подобно тем, которые мы формулировали в предыдущих примерах). Если такие правила удастся определить, то данный случай должен быть отнесен к явлению параллельного управления, то есть к предыдущему типу.

Другой пример — детерминативное сочетание существительного с существительным (приложение) и происходящее при этом управление по падежу.

Из области координативных отношений можно назвать сочетание существительного и связки: любое существительное может сочетаться с любой связкой, но формы их взаимно скоординированы (именительный падеж существительного — третье лицо связки, род и число у обоих слов).

$$9) (\Phi \longrightarrow \Phi) - (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) +$$

В данном типе сочетаются формально-дистрибутивное, дистрибутивно-формальное и собственно дистрибутивное управление. Выбор зависимого слова определяется как выбором управляющего слова, так и формой последнего. Но форма зависимого слова определяется только выбором главного.

$$10) (\Phi \longrightarrow \Phi) - (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) -$$

Этот случай (соединение формально-дистрибутивного и дистрибутивно-формального управления) можно назвать перекрестным управлением.

Форма управляемого слова зависит от выбора главного слова, выбор же управляемого слова зависит от формы главного.

Нам не удалось найти примеры для двух последних классов среди словосочетаний русского языка. Очевидно, в грамматической системе современного русского языка данные типы отношений (по крайней мере на уровне слов) образуют «пустые клетки». Это вполне соответствует ожидавшейся нами ситуации, при которой любой язык показывает лишь некоторую часть общей модели.

$$11) (\Phi \longrightarrow \Phi) - (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) - (Д \longrightarrow Д) +$$

Соединение формально-дистрибутивного и собственно дистрибутивного управления. Выбор зависимого слова определяется как выбором, так и формой главного слова. Обратим внимание на то обстоятельство, что форма зависимого слова никак не определяется главным. Такое положение может в принципе сложиться в трех случаях: либо если зависимое слово может выступать при главном во всех случаях их соединения в любой форме, либо форма зависимого слова определяется лишь исходя из правила сочетаемости данных двух формальных классов (то есть любое слово данной части речи в любой своей форме требует постановки зависимого слова также определенной части речи в некоторой форме), либо, наконец, зависимое слово вовсе не имеет форм, то есть является неизменяемым.

Таково сочетание глагола и слов категории состояния (координация) с точки зрения требований глагольной части: *оказалось жаль (пора и т. п.)*. Лишь после немногих глаголов возможно появление слов данного типа ($D \rightarrow D$), и к тому же глаголы должны стоять в определенной форме — форме среднего рода единственного числа или третьего лица единственного числа. В то же время форма категории состояния, как неизменяемого слова, не зависит ни от формы, ни от выбора глагола.

$$12) (\Phi \rightarrow \Phi) - (\Phi \rightarrow D) + (D \rightarrow \Phi) - (D \rightarrow D) -$$

Это — один из наших элементарных случаев — формально-дистрибутивное управление. Выбор управляемого слова зависит от формы главного, но независим от характера последнего. Форма управляемого слова независима от главного слова, то есть, как и в предыдущем случае, может быть либо свободно варьируемой, либо неизменяемой.

Пример на данный случай близок предыдущему. Это сочетание связки и тех же слов категории состояния. Поскольку формальный класс связок (чистых) представлен в русском языке лишь одним словом, лексических ограничений со стороны последнего, разумеется, не существует. Но форма связки обуславливает возможность или невозможность употребления при ней категории состояния.

$$13) (\Phi \rightarrow \Phi) - (\Phi \rightarrow D) - (D \rightarrow \Phi) + (D \rightarrow D) +$$

Этот случай можно назвать полным дистрибутивным управлением, поскольку здесь сочетаются обе разновидности последнего — собственно дистрибутивное и дистрибутивно-формальное управление. Обращает на себя внимание тот факт, что форма управляющего слова никак не соотносится с управляемым. В то же время и форма, и выбор управляемого слова зависят от

выбора управляющего. Это возможно в двух случаях — либо все формы управляющего слова сочетаются с управляемым совершенно единообразно, либо управляющее слово вообще не имеет форм.

Примерами обоих этих случаев могут служить детерминативные сочетания глагола в любой из его форм или инфинитива с косвенным падежом существительного (либо местоименного существительного), то есть случаи, известные как глагольное управление. Выбор глагола предопределяет падежную форму управляемого имени, а также (по крайней мере в некоторых случаях) накладывает известные ограничения на выбор последнего. Например, при ряде безличных глаголов, выражающих внутреннее состояние и управляющих дательным падежом, в форме последнего в нормальном случае должно выступать имя, обозначающее живое существо (и соответственно местоимение *кто*, а не *что*): *человеку нездоровится, кому нездоровится* и т. п.

14) $(\Phi \rightarrow \Phi) - (\Phi \rightarrow Д) - (Д \rightarrow \Phi) + (Д \rightarrow Д) -$

Перед нами один из элементарных случаев — дистрибутивно-формальное управление. Выбор главного слова определяет форму зависимого, но (в отличие от предыдущего случая) не накладывает никаких лексических ограничений на выбор последнего.

Пример: конструкция типа *кто, задумчивый и мрачный...* — то есть соединение местоименного существительного и подчиненных ему обособленных прилагательных (причастий). Форма рода последних зависит от выбора главного слова, но лексических ограничений, определяющих выбор прилагательного, по видимому, нет.

К последним двум классам следует отнести и случай соединения глагола (существительного, инфинитива) с зависимым инфинитивом. Правда, инфинитив не имеет форм, однако сама возможность его постановки зависит от выбора главного слова. При этом перед нами не лексические ограничения, поскольку возможность или невозможность постановки инфинитива при некотором управляющем слове решается для инфинитива в целом как грамматического разряда, а не определенных лексических групп инфинитивов³⁸. Следовательно, инфинитив соотно-

³⁸ Впрочем, возможно, тут присутствуют и некоторые лексические ограничения. Однако они могут рассматриваться как дополнительные: прежде всего решается вопрос о принципиальной возможности или невозможности постановки при данном глаголе (существительном) зависимого инфинитива; и лишь если этот вопрос решен положительно, можно выбирать, какие именно инфинитивы «подходят» к данному главному слову. Мы затрудняемся сейчас решить определенно вопрос о наличии или отсутствии таких дистрибутивных регламентаций. В зависимости от его решения рассматриваемая конструкция должна быть отнесена к 13-му или 14-му классу.

сится с главным словом своими формальными свойствами, то есть перед нами дистрибутивно-формальная зависимость.

15) (Ф → Ф) — (Ф → Д) — (Д → Ф) — (Д → Д) +

Это также один из элементарных случаев — дистрибутивное управление. Формы управляющего и управляемого слова никак не соотносены между собой. Из этого вытекает возможность реализации данного типа в случае, когда и управляющее, и управляемое слово не имеют форм (хотя это, конечно, не обязательно). Единственные ограничения, накладываемые на соединения данного типа, это ограничения, связанные с лексической сочетаемостью.

Примером могут служить отношения, возникающие между прилагательным и наречием степени. Последнее возможно не перед всеми прилагательными, а лишь некоторыми словами определенного разряда — качественными прилагательными. То же относится и к сочетанию двух неизменяемых слов — наречия степени и определительного наречия (*очень плохо*).

Другой пример¹ подобных отношений — уже рассматривавшийся случай «именного примыкания» (отнесения именной конструкции к глаголу или другому имени). Здесь зависимое слово имеет формы и присоединяется к главному в определенной форме. Однако эта форма не определяется ни формой, ни выбором главного слова, а предполагается правилами сочетания данных частей речи. Так, конструкции с предлогами *около*, *без* и соответствующим падежом существительного могут быть присоединены к любому глаголу в любой его форме.

В то же время лексически возможность сочетаемости глаголов и существительных, по-видимому, ограничена, что и предполагает помещение данного случая в 15-й класс.

16) (Ф → Ф) — (Ф → Д) — (Д → Ф) — (Д → Д) —

Это случай нулевого управления. Соединение главного и зависимого слова не связано ни с какими ограничениями. В пределах отношений данных формальных классов любое главное слово в любой форме (если оно имеет формы) может сочетаться с любым зависимым словом также в любой форме. Таковы, возможно, соединения глагола и наречия, хотя данный случай не является вполне достоверным с точки зрения отсутствия лексических ограничений.

Таковы основные типы управления слов в составе словосочетаний. В нашей классификации мы исходили из идеи управления как некоторого ограничения, накладываемого одним словом на другое. Это ограничение может исходить от определенной формы главного слова или его дистрибутивных свойств и ка-

саться, в свою очередь, также формы или выбора зависимого слова. Таким образом, разные виды управления — это разные способы зависимости. Чем больше комбинируется элементарных типов управления в одном случае, тем многообразнее зависимость подчиненного слова от главного. Максимальной степени данная зависимость достигает в первом из перечисленных типов, где соединяются все виды управления.

С другой стороны, чем меньше соединяется разных типов управления, тем менее регламентировано подчиненное слово, тем свободнее «поведение» подчиненного слова относительно главного. Так, при отношениях, представленных в типах 11, 12, 15, 16, совершенно не регламентированной оказывается форма зависимого слова. Зависимое слово выступает при главном в любой из своих форм, либо в тех из этих форм, выбор которых определяется только правилами сочетаемости данных частей речи, но никак специально не определяется характером или формой главного слова. Точно так же для типов 6, 8, 14, 16 полностью свободным оказывается выбор зависимого слова, то есть любое зависимое слово данной части речи может быть употреблено при любом главном, при всех формах этого последнего. Максимальной степени данная свобода подчиненного слова по отношению к главному достигает в типе 16, полярном по отношению к типу 1.

До сих пор мы характеризовали отношения между главным и зависимым словом только с точки зрения меры связанности, регламентированности последнего по отношению к первому, называя разные виды такой связанности типами управления. Однако эти же отношения могут быть охарактеризованы с противоположной точки зрения — с точки зрения степени свободы и непредсказуемости зависимого слова по отношению к главному. В зависимости от того, какая именно часть отношений главного и зависимого слова остается нерегламентированной, также можно выделить разные типы случаев. Эти типы, очевидно, будут прямо противоположны типам управления, так как будут показывать отсутствие той или иной разновидности управления.

Данное явление, противоположное управлению и характеризующее меру свободы в отношениях между словами, можно назвать примыканием. Этот традиционный термин вполне подходит здесь потому, что обычно он употребляется для выражения свободных, формально не регламентированных отношений между словами.

Понятия управления и примыкания в этом случае приобретают характер частной реализации таких общих, фундаментальных свойств всякого текста, как энтропия и избыточность; управление и примыкание показывают соответственно избы-

точность и энтропию синтагматических сочетаний с точки зрения избранных нами признаков — формы и дистрибутивного класса. Управление показывает, насколько эти показатели зависимого слова предсказуемы, если исходить из главного, то есть насколько они избыточны. Примыкание, напротив, показывает, насколько данные свойства зависимого слова остаются неопределенными при заданном главном слове (или его форме), насколько они допускают выбор, то есть насколько эти свойства информативны.

Итак, мы можем говорить о четырех основных, элементарных видах примыкания; соответственно четырем основным видам управления:

- 1) $(\Phi \longrightarrow \Phi)$ —. Формальное (собственно формальное) примыкание.
- 2) $(\Phi \longrightarrow Д)$ —. Формально-дистрибутивное примыкание.
- 3) $(Д \longrightarrow \Phi)$ —. Дистрибутивно-формальное примыкание.
- 4) $(Д \longrightarrow Д)$ —. Собственно дистрибутивное примыкание.

Комбинации этих четырех основных видов дают нам шестнадцать типов примыкания. Это — те же шестнадцать типов, которые мы характеризовали, говоря об управлении, только теперь они должны быть охарактеризованы с противоположной точки зрения. Имплицитно последняя содержалась в самой первичной классификации, так как в ее основе лежала возможность двух состояний для каждого из основных видов управления — состояний, которые мы обозначили как + и —. До сих пор, характеризуя полученные типы, мы специально останавливались лишь на явлениях, связанных с первым состоянием, то есть на управлении. Явления примыкания, характерные для того или иного типа, специально не отмечались, входя в характеристику в неявном виде.

Следовательно, мы можем сказать теперь, что в основе нашей модели лежат четыре основных типа связи, каждый из которых реализуется в двух образующих привативную оппозицию случаях — случае наличия данной связи (+, управление) и случае невыраженности, отсутствия данной связи (—; примыкание).

Рассмотрим теперь наши шестнадцать типов, давая им характеристику с точки зрения примыкания (примеры, разумеется, остаются те же).

- 1) $(\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) +$

Это нулевое примыкание — полное отсутствие свободы у зависимого слова с точки зрения как его формы, так и выбора.

- 2) $(\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) —$

Собственно дистрибутивное примыкание (один из элементарных случаев). Выбор подчиненного слова не зависит от выбора главного.

$$3) (\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) - (Д \longrightarrow Д) +$$

Дистрибутивно-формальное примыкание (также один из элементарных случаев). Форма подчиненного слова не зависит от выбора главного.

$$4) (\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) - (Д \longrightarrow Д) -$$

Сочетание дистрибутивно-формального и собственно дистрибутивного примыкания. Выбор главного слова никак не регламентирует зависимое — ни с точки зрения формы, ни с точки зрения дистрибутивных свойств.

$$5) (\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) - (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) +$$

Формально-дистрибутивное примыкание (один из элементарных случаев). Выбор подчиненного слова не зависит от формы главного.

$$6) (\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) - (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) -$$

Сочетание формально-дистрибутивного и собственно дистрибутивного примыкания. Выбор зависимого слова свободен и никак не регламентирован. Поэтому данный случай можно назвать полным дистрибутивным примыканием³⁹.

$$7) (\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) - (Д \longrightarrow \Phi) - (Д \longrightarrow Д) +$$

Сочетание формально-дистрибутивного и дистрибутивно-формального примыкания — случай, который можно назвать перекрестным примыканием. Выбор подчиненного слова не зависит от формы главного, форма подчиненного — от дистрибутивных свойств главного.

³⁹ При характеристике управления мы исходили из главного слова, показывая, насколько оно регламентирует подчиненное. При характеристике же примыкания мы исходим, напротив, из зависимого слова, показывая, насколько оно свободно по отношению к главному. Поэтому, если, например, полным дистрибутивным управлением мы назвали случай, когда дистрибутивные свойства главного слова полностью выполняют свои регламентирующие функции по отношению к зависимому, то есть $(Д \longrightarrow \Phi) +$ и $(Д \longrightarrow Д) +$, то полным дистрибутивным примыканием целесообразно назвать случай, когда выбор зависимого слова обнаруживает полную свободу по отношению к главному, то есть $(\Phi \longrightarrow Д) -$ и $(Д \longrightarrow Д) -$.

$$8) (\Phi \longrightarrow \Phi) + (\Phi \longrightarrow Д) - (Д \longrightarrow \Phi) - (Д \longrightarrow Д) -$$

Сочетание формально-дистрибутивного, дистрибутивно-формального и собственно дистрибутивного примыкания. Выбор подчиненного слова оказывается полностью свободным, и кроме того, форма подчиненного слова не зависит от выбора главного.

$$9) (\Phi \longrightarrow \Phi) - (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) +$$

Последний из элементарных случаев — собственно формальное примыкание. Форма подчиненного слова не зависит от формы главного.

$$10) (\Phi \longrightarrow \Phi) - (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) -$$

Сочетание собственно формального и собственно дистрибутивного примыкания — параллельное примыкание. Форма подчиненного слова не зависит от формы главного и выбор подчиненного слова — от выбора главного.

$$11) (\Phi \longrightarrow \Phi) - (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) - (Д \longrightarrow Д) +$$

Сочетание собственно формального и дистрибутивно-формального примыкания. Форма зависимого слова никак не регламентирована главным⁴⁰. Поэтому назовем данный случай полным формальным примыканием.

$$12) (\Phi \longrightarrow \Phi) - (\Phi \longrightarrow Д) + (Д \longrightarrow \Phi) - (Д \longrightarrow Д) -$$

Сочетание полного формального и собственно дистрибутивного примыкания. Форма зависимого слова никак не регламентирована главным, и кроме того, его выбор не зависит от выбора главного слова.

$$13) (\Phi \longrightarrow \Phi) - (\Phi \longrightarrow Д) - (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) +$$

Сочетание собственно формального и формально-дистрибутивного примыкания. Зависимое слово никак не регламентировано со стороны формы главного слова.

$$14) (\Phi \longrightarrow \Phi) - (\Phi \longrightarrow Д) - (Д \longrightarrow \Phi) + (Д \longrightarrow Д) -$$

Сочетание собственно формального и полного дистрибутивного примыкания. Выбор подчиненного слова полностью свобо-

⁴⁰ Если не считать регламентации, обусловленной правилами сочетаемости данных частей речи (а не специально некоторым главным словом или его формой).

ден, и кроме того, его форма не зависит от формы главного слова.

15) (Ф → Ф) — (Ф → Д) — (Д → Ф) — (Д → Д) +

Сочетание полного формального и дистрибутивно-формального примыкания. Форма подчиненного слова не регламентируется главным, и кроме того, выбор подчиненного слова не зависит от формы главного.

16) (Ф → Ф) — (Ф → Д) — (Д → Ф) — (Д → Д) —

Это — абсолютное примыкание, соединяющее в себе одновременно все виды примыканий. Оно выражает полную независимость подчиненного слова от главного (в рамках правил сочетаемости тех частей речи, которые представлены главным и подчиненным словом) ⁴¹.

Таковы основные, наиболее важные понятия нашей модели.

Приведенной классификацией описание синтагматических связей, однако, не исчерпывается. Выделенные основные классы, в свою очередь, могут быть разбиты на некоторые подклассы на основании других, побочных, признаков, которые тем не менее важно учитывать при полном описании. Эти признаки вытекают из некоторых свойств выделенных нами основных классов, поэтому их определение (и связанную с этим дополнительную классификацию) целесообразно производить на основании анализа уже полученной основной классификации.

С этой целью вернемся еще раз к четырем функциональным случаям, комбинации которых образуют построенную систему, и рассмотрим их определения с точки зрения того, какие варианты реализации предполагаются данными определениями.

До сих пор в каждом из этих четырех случаев мы исходили из абсолютного противопоставления управления и примыкания. Мы рассматривали лишь альтернативу — управление либо примыкание, так что отсутствие одного необходимо предполагало наличие другого.

Однако в действительности управление и примыкание, взятые в чистом виде (так, как мы их пока что рассматривали), представляют собой лишь крайние звенья в весьма сложной цепи переходных случаев. Наличие последних и определяет необходимость дополнительной классификации, дополнительных расчленений внутри основных типов. При этом все переходные случаи, к рассмотрению которых мы теперь приступаем, логически вытекают из сделанных выше определений.

Возьмем, например, явление формального управления (и,

⁴¹ Говоря о независимости, мы имеем в виду не отсутствие структурных отношений (тогда перед нами просто не будет словосочетания), а формальную невыраженность этих отношений в линейном ряду в тексте.

соответственно, примыкания). Оно состоит, как известно, в наличии или отсутствии регламентированности формы зависимого слова со стороны формы главного. На одном полюсе здесь оказывается случай, когда одной форме главного слова соответствует строго одна форма зависимого (управление). На другом полюсе — случай, когда любой форме главного слова соответствует любая форма зависимого. Если мы раздельно обозначим определенность формы главного и зависимого слова, то получим формулу управления — $(\Phi \rightarrow \Phi)++$, и формулу примыкания — $(\Phi \rightarrow \Phi)--$. Из этого явствует, что в принципе между управлением и примыканием возможны два переходных случая: $(\Phi \rightarrow \Phi)+-$ и $(\Phi \rightarrow \Phi)-+$. Рассмотрим эти случаи несколько подробнее.

а) $(\Phi \rightarrow \Phi)+-$. Возможна любая форма зависимого слова, но лишь при одной, строго определенной форме главного. При всякой другой форме главного слова сама часть речи, представленная зависимым словом (во всей совокупности его форм) невозможна. Этот случай можно назвать полуправлением, так как здесь существует зависимость подчиненного слова от главного, но лишь с точки зрения принципиальной возможности или невозможности присоединения к определенной разновидности главного.

Примером полуправления могут служить некоторые стороны отношения имени и глагола в координативной ядерной конструкции. Форма склонения, времени, вида глагола абсолютно независима от формы имени. Однако само присоединение глагола к имени (координация этих слов) возможно только при наличии у имени формы именительного падежа. При любой другой падежной форме сочетание глагола и имени либо вовсе невозможно, либо представляет собой уже детерминацию, в которой в роли зависимого слова выступает только имя.

б) $(\Phi \rightarrow \Phi)-+$. Зависимое слово в данной форме соединяется с любой формой главного слова. Однако к главному слову зависимое может быть в принципе присоединено только в одной данной форме. Этот случай можно назвать полупримыканием. Действительно, форма подчиненного слова не зависит от формы главного, но все же регламентируется правилами сочетаемости данных частей речи⁴².

Пример полупримыкания — примыкающие к глаголу или имени именные конструкции («именное примыкание» по традиционной классификации)⁴³.

⁴² Выше мы квалифицировали этот случай, не отделяя его от собственно примыкания. Теперь возникает возможность рассматривать чистое примыкание и полупримыкание как два различных подкласса одного явления.

⁴³ В отличие от этого, примером чистого примыкания могут служить отношения форм рода существительных в приложении или в сочинительном сочетании.

Все сказанное о формальной зависимости, разумеется, может быть распространено и на остальные три вида зависимости. Так, при формально-дистрибутивном полууправлении возможен выбор любого зависимого слова, однако сама постановка этого слова возможна лишь при одной определенной форме главного. При формально-дистрибутивном полупримыкании возможны в принципе лишь некоторые конкретные зависимые слова, однако они могут быть поставлены при любой форме главного слова и т. д.

Таким образом, выделение промежуточных случаев между управлением и примыканием дает возможность разбить каждое из данных основных явлений на два подкласса — чистое управление и полууправление, чистое примыкание и полупримыкание⁴⁴.

Данными явлениями, однако, отнюдь не исчерпывается список переходных случаев между управлением и примыканием и, соответственно, возможностей образования подклассов внутри данных основных категорий.

Следующая группа явлений подобного плана связана с различием в некоторых случаях управления и примыкания.

Обратимся вновь к примеру формального управления (примыкания). Мы помним, что при данном виде управления изменение формы управляющего слова влечет за собой изменение формы управляемого. Это — случай $(\Phi \rightarrow \Phi) +$. При наличии же формального примыкания, то есть при $(\Phi \rightarrow \Phi) -$, любое изменение формы главного слова не влечет за собой изменения формы зависимого.

Данное различие четко выявляется, однако, лишь при одном условии — что оба связываемых слова имеют различные формы. Только тогда можно четко определить, вызывает ли изменение формы одного слова изменение формы другого, или не вызывает. Задача усложняется, если это условие не соблюдено, и одно из двух слов, или даже оба они, не имеют форм, являются неизменяемыми. До сих пор мы рассматривали эти два случая нерасчлененно, глобально, в рамках соответствующих типов связи. Между тем, в последнем случае понятия «определенная форма» и «любая форма» оказываются неразличимы, так как слово всегда выступает только в одной форме. Вследствие этого невозможным делается и различение случаев формального управления и формального примыкания.

⁴⁴ Надо сказать, что эта группировка (равно как и названия, введенные нами для новых понятий) условна. В действительности как полууправление, так и полупримыкание равным образом являют собой промежуточную ступень, на которой сочетаются некоторые черты управления и примыкания, и поэтому равно отстоят от обоих этих явлений, располагаясь строго посередине между ними.

В самом деле, представим себе, что управляющее слово неизменяемо, а управляемое должно стоять при нем в определенной форме. (Например, в сочетании инфинитива и управляемого существительного). В этом случае можно сказать, что данная форма главного слова требует данной формы зависимого ($\Phi \longrightarrow \Phi$)⁺. Но с таким же успехом можно сказать, что данная форма зависимого слова возможна при главном слове данного класса независимо от его формы, то есть ($\Phi \longrightarrow \Phi$)⁻. Та же ситуация возникает, если неизменяемо зависимое слово, и оно может появиться только при определенной форме главного. Таков уже рассматривавшийся нами пример отношения связки и предикатива — последний возможен только при форме третьего лица (среднего рода) единственного числа связки. В этом случае также нельзя, разумеется, утверждать ни наличие зависимости одной формы от другой, ни обратное. Аналогичная ситуация, конечно, наблюдается и при соединении двух неизменяемых форм.

Перед нами случай, когда различия между управлением и примыканием оказываются нейтрализованными. Следовательно, если до сих пор мы исходили из четко разграниченных случаев управления и примыкания (или полууправления и полупримыкания), то теперь необходимо ввести третью ситуацию — когда из-за нейтрализации различия между перечисленными типами не выражены. Обозначим эту ситуацию символом О.

Явление нейтрализации свойственно, конечно, не только формальному управлению. При дистрибутивном управлении и примыкании ($D \longrightarrow D$) нейтрализация происходит в том случае, если формальный класс, представляемый главным или зависимым словом (либо и тем и другим), содержит только одну лексическую единицу. В этом случае с равным основанием можно говорить о свободном выборе лексики («любое слово») и о регламентации этого выбора («только данное слово»). Такова ситуация в соединении личного местоимения и связки — *он был*. И личное местоимение, и связка *быть* — слова, являющиеся единственными представителями соответствующих формальных классов. Поэтому вопрос о наличии или отсутствии здесь регламентации лексического выбора не может быть поставлен.

При дистрибутивно-формальной связи ($D \longrightarrow \Phi$) нейтрализация происходит, если главное слово является единственным представителем данного грамматического разряда, а зависимое слово не имеет форм. Наконец, при формально-дистрибутивной связи ($\Phi \longrightarrow D$) нейтрализация происходит, если главное слово не имеет форм, а зависимое не имеет лексических альтернатив в пределах своего грамматического разряда.

Рассмотрим теперь более подробно различные типы нейтрализаций. Наиболее радикальным представляется, конечно, слу-

чай, когда объектом нейтрализации выступают одновременно как главное, так и зависимое слово. Этот случай (его можно обозначить символом 00) назовем двусторонней, или полной нейтрализацией. При полной нейтрализации стирается наиболее глубокое различие, существующее между полярными типами — чистым управлением (+ +) и чистым примыканием (— —). Например, случай (Ф → Ф) 00 (сочетание двух наречий) не может быть квалифицирован ни как формальное управление, ни как формальное примыкание. Аналогично случай (Д → Д) 00 (личное местоимение и связка) не может быть назван дистрибутивным управлением или примыканием и т. д. Следовательно, полная нейтрализация является промежуточным случаем между управлением и примыканием и в этом смысле занимает такое же положение между основными категориями, как полууправление и полупримыкание. Отличие нейтрализации от последних в том, что при полууправлении и полупримыкании сочетаются черты как управления, так и примыкания, а при нейтрализации оказываются нерелевантны различия между этими типами связи.

Наряду с только что рассмотренным, существуют случаи, когда нейтрализация исходит лишь от одного из слов — главного или зависимого. Такие случаи можно назвать односторонней или частичной нейтрализацией.

При частичной нейтрализации различия между чистым управлением и чистым примыканием сохраняются, так что остается возможность говорить о данной связи как об управлении или примыкании. Но нейтрализуются различия между управлением (или примыканием) и промежуточными формами — полууправлением и полупримыканием. Возможны четыре случая такой нейтрализации.

а) + 0. Объектом нейтрализации является зависимое слово, главное же обнаруживает четкую регламентацию формы (то есть, например, при определенной форме главного слова возможен данный класс неизменяемых зависимых слов — пример указывался выше). Здесь стерто различие между чистым управлением (+ +) и полууправлением (+ —). Но данный случай остается в пределах отношений управления. Вот почему его можно назвать частично нейтрализованным управлением.

б) 0 +. Объектом нейтрализации является главное слово, зависимое слово регламентировано в своем употреблении. Это тоже случай частично нейтрализованного управления; в данном случае произошла нейтрализация различия между чистым управлением (+ +) и полупримыканием (— +). Пример для формальных отношений — связь инфинитива и зависимого от него управляемого (не примыкающего!) существительного.

Два следующих случая, напротив, являют собой примеры частично нейтрализованного примыкания.

в) — 0. Нейтрализация исходит от зависимого слова, главное же обнаруживает свободу употребления. Здесь стерта разница между чистым примыканием (— —) и полупримыканием (— +). Пример (опять-таки для формальных отношений) — сочетание глагола или существительного с зависимым инфинитивом.

г) 0 —. Нейтрализуется главное слово, зависимое употребляется свободно. Нейтрализация — между чистым примыканием (— —) и полууправлением (+ —). Примером может служить констеллятивное соединение инфинитива (в роли простого сказуемого) и личной формы глагола: *Он — бежать и кричит*. Последняя в этом случае обнаруживает свободу употребления с точки зрения форм наклонения и времени.

Итак, в пределах каждого из четырех элементарных видов связи мы вместо первоначально выделенных двух основных случаев (управления и примыкания) получили уже систему из девяти подклассов. При этом три из них относятся к сфере управления (чистое управление и два случая частично нейтрализованного управления), три — к сфере примыкания (чистое примыкание и два случая частично нейтрализованного примыкания), наконец, последние три случая не могут быть отнесены ни к управлению, ни к примыканию, образуя промежуточные явления (это — полууправление, полупримыкание и полная нейтрализация).

Однако и этим не исчерпываются возможности построения дополнительной классификации в рамках основной. Следующее усложнение картины подклассов, которое мы намерены предпринять, связано с понятиями сильного и слабого управления (и примыкания).

Поскольку данные понятия широко применяются традиционной теорией синтагматических отношений и в этой связи нами еще специально не обсуждались, целесообразно вначале проанализировать общепринятое истолкование данных понятий, с тем чтобы выяснить возможность их аппликации к построенной нами модели.

Общеизвестно, с какими трудностями сталкиваются попытки провести границу между сильным и слабым управлением. Эти трудности послужили источником мнения, согласно которому сильное и слабое управление принципиально не описываются как дискретные классы, а представляют собой непрерывную функцию⁴⁵.

Данное мнение является безусловно справедливым, если оставаться в рамках традиционных понятий. Однако при этом не учитывается, что невозможность дать дискретное и замкну-

⁴⁵ Ю. Д. Апресян, О сильном и слабом управлении (опыт количественного анализа), ВЯ, 1964, № 3.

тое описание вытекает не из свойств самого материала как такового, а является следствием неудовлетворительных (с логической точки зрения) исходных определений. Мы уже рассматривали в этом плане недостатки основных понятий (согласования, управления и примыкания). Аналогичные недостатки присущи и понятиям сильного и слабого управления.

Даже если оставаться в рамках традиционного описания, бросается в глаза несимметричность данных понятий. На это мы уже указывали выше. В самом деле, почему, различая сильное и слабое управление, а также сильное и слабое примыкание, мы не ставим вопрос о сильном и слабом согласовании? Нет ли в сфере согласования явлений, которые позволяли бы провести аналогию с понятиями сильного и слабого управления и тем самым придать различию между «сильной» и «слабой» зависимостями универсальный характер, что дало бы возможность рассмотреть общие основы этих различий, а не только связанные с одной их конкретной реализацией?

Другим серьезным недостатком традиционного подхода к понятию сильного и слабого управления является смешение двух планов — плана структурных отношений и плана сигнализации об этих отношениях в линейной цепи, то есть то самое смешение, которое характерно и для всего учения о согласовании, управлении и примыкании в целом. Вопрос о силе управления обычно подразумевает (хотя и в неявном виде) два, и притом существенно различных, вопроса. Первый касается характера структурных отношений между словами: насколько наличие одного слова в тексте предполагает наличие и другого, насколько данные слова «нуждаются» друг в друге при построении структурно полного высказывания. Второй вопрос — насколько жестко соотнесено внешнее оформление связываемых слов, по которому опознается их связь. Ответы на эти два вопроса определяются различными факторами и потому отнюдь не вытекают один из другого. Ответ на первый вопрос зависит от того, насколько устойчивы сочетания, в которые входит данное слово; ответ же на второй вопрос определяется особенностями валентности данного слова.

Насколько мало эти два фактора предполагают друг друга, свидетельствует то, что слова с приблизительно одинаковой степенью автосемантизма могут обладать резко различной валентностью, и напротив, слова с тождественной валентностью могут значительно различаться с точки зрения самостоятельности употребления. Так, глаголы *любить* и *писать*, по-видимому, мало отличаются с точки зрения самостоятельности — оба вполне могут употребляться без управляемых слов. Однако глагол *любить* обладает двухместной валентностью (*любить кого за что*), а глагол *писать* — четырехместной (*писать кому,*

что, чем, о чем)⁴⁶. С другой стороны, глагол *хотеть*, явно менее автосемантический, чем *любить*, обладает тождественной с этим последним валентностью.

Итак, при определении понятий сильной и слабой связи необходимо последовательное разграничение внутреннего и внешнего плана структурных отношений. Мы уже говорили о том, что внутренний план — это характер отношений между единицами в структуре (координация, подчинение, сочинение). Внешний план — это характер сигнализации о структурной связи, применяемой в линейной цепи. Соответственно и понятие сильной и слабой связи могут быть рассмотрены как во внутреннем, так и во внешнем плане.

Иными словами, необходимо говорить раздельно о сильной и слабой координации, детерминации и констелляции, с одной стороны, и о сильном и слабом управлении и примыкании (а если пользоваться традиционной терминологией, то и согласовании), с другой. Какие явления могли бы соответствовать данным понятиям, полученным пока путем логического рассуждения?

Чтобы ответить на данный вопрос, попытаемся представить понятие сильного и слабого отношений в общем виде. Очевидно, сильными можно считать случаи, когда данное явление реализуется в полной мере, слабыми, соответственно, случаи неполной или не вполне отчетливой реализации⁴⁷. Исходя из этого, можно считать сильными и слабыми структурными отношениями случаи, когда определенное структурное отношение выступает максимально ярко, максимально отчетливо противопоставляясь другим типам отношений. С другой стороны, слабыми данные отношения можно считать в том случае, если это противопоставления не столь отчетливы, если возникают некоторые переходные случаи. Поскольку признаками, по которым противопоставляются различные типы структурных отношений, являются взаимная зависимость, наличие зависимости с одной стороны и отсутствие ее с другой (детерминация) и взаимная независимость (констелляция), можно считать сильными случаи максимально четкого выявления данных признаков. Следовательно, сильной координацией является случай, когда оба слова совершенно необходимы взаимно и могут выступать лишь в связи друг с другом. Сильной детерминацией является случай, когда главное слово абсолютно независимо от подчиненного, но последнее, напротив, абсолютно зависимо от главного, то

⁴⁶ Мы будем здесь и далее считать принадлежащими валентности глагола все управляемые формы, отличающиеся от примыкающих как формы, присущие данному глаголу в отличие от других глаголов (в то время как примыкающие формы могут быть присоединены к любому глаголу).

⁴⁷ Ср. определение сильной и слабой позиции у Н. С. Трубецкого (Основы фонологии, М., 1960, стр. 114).

есть может появиться в данной позиции лишь при наличии главного. Наконец, сильной конstellацией можно считать случай полной взаимной независимости связываемых слов, проявляющейся в возможности для каждого из них выступать в данной позиции самостоятельно, при условии свертывания другого слова.

Неполное проявление этих признаков, ведущее к образованию переходных случаев, даёт нам слабые отношения. Так, ослабление обязательности одного из слов относительно другого или обоих одновременно относительно друг друга даёт нам слабую координацию: в первом случае образуется переходное явление по отношению к детерминации, во втором — по отношению к конstellации. Точно так же частичное нарушение одного из признаков даёт нам слабую детерминацию. Это может быть, с одной стороны, ослабление обязательности главного слова (невозможности зависимого слова появляться без главного), что даёт переходный случай по отношению к конstellации, во-вторых, напротив, усиление обязательности зависимого слова, появление некоторой «связанности» главного слова с зависимым, что создаёт переходный случай по отношению к координации⁴⁸.

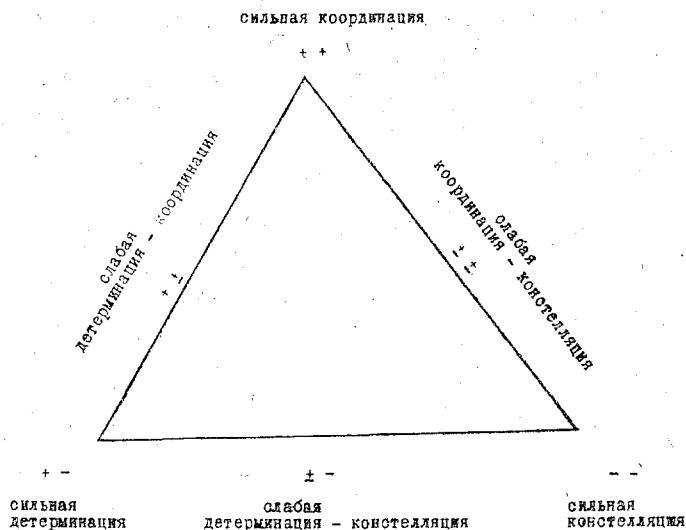
Наконец, слабая конstellация возникает при появлении некоторой связанности (односторонней или двусторонней) между словами, создающей переходные явления с детерминацией и координацией.

При этом степень ослабления признака и соответственно степень переходности явления от одного типа к другому может быть различной и допускает постепенную градацию. Из этого вытекает невозможность в некоторых случаях максимальной «переходности» отграничить один тип отношений от другого, что и составляет специфику слабого явления в отличие от сильного. Но определить дискретно случаи сильного и слабых отношений, как видим, оказывается возможным.

Обозначив, как обычно, наличие зависимости знаком +, отсутствие знаком —, мы можем представить сильные и слабые структурные отношения схематически следующим образом. (См. схему на стр. 47).

Приведем некоторые примеры. Примером слабой детерминации можно считать отношения глагола типа *мочь, хотеть* с зависимым словом (инфинитивом или существительным), поскольку здесь намечается (хотя и не проявляется категорически) двусторонняя зависимость, нарушающая принцип детерминации: не только зависимое слово «нуждается» в глав-

⁴⁸ Из этого вытекает, между прочим, что то, что обычно называется «сильным управлением», в нашей модели интерпретируется, напротив, как слабая детерминация, поскольку в этом случае ослабленной оказывается «идея» детерминации — подчинение одного слова другому.

ном, но и появление главного слова в известной (в данном случае довольно большой) степени обусловлено наличием зависимого. С другой стороны, конструкции типа *идти без шапки* или *большой корабль* можно было бы назвать сильной детерминацией.

В качестве примера сильной и слабой координации (или, вернее, более и менее слабой координации, потому что сильной координации в строгом смысле в русском языке на уровне слов, по-видимому, не существует) можно назвать соответственно сочетание местоимения с глаголом и существительного с глаголом. Местоимение (в именительном падеже) почти не употребляется без связки⁴⁹. Существительное же изолированно употребляется более широко (в вывесках, восклицаниях, обращениях и т. д.). Следовательно, координация существительного с глаголом (или связкой) является менее обязательной и потому представляет собой случай менее сильной связи.

Наконец, существуют разные виды констеллятивных сочетаний с точки зрения обязательности сцепления их элементов. Так, можно предположить (хотя данный вопрос требует специального рассмотрения, не входящего в настоящее время в нашу задачу), что констеллятивное соединение существи-

⁴⁹ Мы исходим здесь из того, что в номинативных предложениях (образуемых местоимениями так же свободно, как и существительными) присутствует нулевая форма связки, входящая в одну парадигму с формами *был*, *буду* и т. д.

тельного и местоименного существительного (*взгляд и нечто*) гораздо менее продуктивно, а потому и менее «связанно», чем соединение двух существительных. Поэтому первое можно было назвать сильной констелляцией, второе — слабой констелляцией. То же можно сказать, соответственно, о соединении глагола и инфинитива (*он упал и кричать*) и двух глаголов.

В свою очередь, внутри рассмотренных конструкций для различных лексических групп могут быть выделены разные случаи по степени силы их связи. Данные отношения полезно было бы представить в виде некоторой шкалы, устанавливаемой на основании статистического обследования (как это и предлагает Ю. Д. Апресян). Необходимо, однако, помнить, что, во-первых, данная шкала будет характеризовать обязательность структурных отношений, а не внешних сигналов об этих отношениях, и потому не может быть отнесена к понятию управления; во-вторых, данная шкала характеризует все виды отношений, а не только детерминацию⁵⁰.

Итак, мы выяснили, что явление, рассматриваемое обычно как «сильное управление», в действительности отражает совершенно иной план отношений — характер структурной связи, совершенно не зависящий от средств ее выражения (в частности, управления). Это, однако, не снимает самой возможности постановки вопроса о наличии сильной связи для явлений внешнего плана синтагматических отношений. Поэтому обратимся теперь к данному плану. До сих пор мы исходили (если не считать случаи нейтрализации) из двух возможностей — жесткой заданности определенного показателя слова (его формы или дистрибутивного класса) в данной конструкции (+) или полной свободы выбора по данному показателю, отсутствия каких-либо ограничений (—). Однако между этими случаями возможно переходное явление — выбор соответствующего показателя слова (формы или дистрибутивного класса) оказывается не полностью произволен, в чем-то ограничен, но и не однозначно предсказуем. Некоторые ограничения имеют место, но и остается некоторая свобода выбора. Мы можем обозначить этот случай как \pm . Это случай, когда данный тип связи проявляется, но не полностью, а лишь в виде некоторой тенденции. Такое явление естественно интерпретировать как слабую связь, в отличие от случаев + или —, являющихся сильными.

Поскольку мы здесь сформулировали понятие слабой связи в общем виде, естественно предположить, что данное явление

⁵⁰ Очевидно, если мы представим шкалу по убыванию зависимости, то на одном полюсе будет находиться сильная координация, на другом — сильная констелляция. Промежуточное положение будет занимать детерминация и все виды слабой связи.

ние может в принципе иметь место для всех типов связи. Рассмотрим некоторые примеры слабой связи для различных типов.

Прежде всего, легко прослеживаются случаи слабой связи при формальном управлении. Это случаи, когда требование уподобления формы зависимого слова налицо, но это требование не носит категорического характера, и его выполнение не столь обязательно, как при сильном формальном управлении, оставляя возможность частичного варьирования. Примеров таких явлений русская грамматика знает немало⁵¹. Таково соотнесение форм числа в сочетании числительного с существительным, с одной стороны, и глагола, с другой (*три офицера прошли — три офицера прошло*), или даже просто числительного (в этом случае — собирательного) и глагола: *трое шли — трое шло*. Сравним сильную связь прилагательных с этими же числительными: *эти трое*. Таково, далее, соотнесение прилагательного с существительным, зависимым от числительного: *два храбрых офицера — два храбрые офицера* (при этом нельзя сказать, что прилагательное во втором случае согласуется с числительным, так как в изолированном положении, без существительного, прилагательное в постпозиции может стоять только в родительном падеже — *двое храбрых*). Далее, упомянем возможность постановки глагола как в единственном, так и во множественном числе при существительном собирательном единственного числа (*большинство требует — большинство требуют*). Слабое формальное управление присуще не только координативным и детерминативным сочетаниям, но и констелляциям. Например, если ряд однородных членов относится к слову в форме единственного числа, то управление между однородными членами по числу сильное — они все должны стоять в форме единственного числа. Но если однородные члены относятся к слову, стоящему во множественном числе, то управление становится слабым и допускает постановку слов в любой форме числа. Ср. *красный, синий, зеленый карандаш*, но *красные, синие, зеленый* (или *зеленые*) *карандаши*.

Приведенные примеры касались возможности варьирования зависимого слова при фиксированной форме главного. Однако возможен и обратный случай, когда существует некоторое (частичное) варьирование формы главного слова при фиксированной форме зависимого. Данная ситуация возникает в том случае, когда несколько форм главного слова требуют одной и той же формы зависимого. Наконец, возможно сочетание обоих рассмотренных случаев, когда частичные ограниче-

⁵¹ Этот случай уже не относится, правда, собственно к управлению, а является переходным между управлением (+ +) и примыканием (— —), о чем см. ниже.

ния касаются как формы главного, так и формы зависимого слова, то есть при некоторой части форм главного возможна некоторая часть форм зависимого слова. Таково в русском языке сочетание связки и именной части. Падежная форма последней может частично варьироваться (именительный или творительный падеж) при некоторых формах связки (но не всех) — при формах будущего и прошедшего времени, но не настоящего; в последнем случае (за редкими исключениями) возможна лишь форма именительного. Ср. *он был (будет) студент (студентом)*, но *он — студент*⁵².

Все эти случаи (равно как и некоторые другие, также относящиеся к данному явлению) сами по себе хорошо известны. Однако они квалифицируются обычно совершенно изолированно от традиционных понятий сильного и слабого управления, хотя представляют полную аналогию с последним.

В случае дистрибутивно-формального управления (Д → — → Ф) мы имеем сильную связь, когда слова определенного дистрибутивного класса (то есть слова с одинаковыми дистрибутивными свойствами), и только эти слова, требуют определенную форму зависимого слова, и только таковую.

Примером может служить знакомое уже нам сочетание местоименного существительного и глагола. Управление родовыми формами глагола здесь сильное — каждый дистрибутивный класс местоименного существительного (*кто* или *что* с производными словами) сочетается только с одной родовой формой глагола (соответственно с формой мужского или среднего рода).

Случаи слабого управления возникают здесь в связи с тем, что одну форму зависимого слова могут требовать разные дистрибутивные классы главных слов. Именно этот случай является наиболее обычным при глагольном управлении именами. Например, творительным предикативным существительного управляют глаголы разных дистрибутивных классов. Ср. *он казался чудачком* и *он прослыл чудачком*, где глаголы *казался* и *прослыл* принадлежат к различным дистрибутивным классам, так как обладают неодинаковой сочетаемостью (например, у первого глагола есть управление дательным падежом, отсутствующее у второго).

Другой случай ослабления данного типа связи представлен ситуацией, когда некоторый дистрибутивный класс главных слов допускает варьирование форм зависимого слова. Наконец, частичное варьирование может быть взаимным. Так, в сочетании *говорить о чем* возможно частичное варьирование

⁵² Появление в последнем случае творительного падежа связано с дополнительными формальными ограничениями. См. об этом в нашей статье, помещенной в настоящем сборнике.

как дистрибутивного класса главного слова (*думать о чем*, где *думать* — слово другого дистрибутивного класса, ср. отсутствие у него сочетания с дательным падежом имени), так и формы зависимого — *говорить про что*⁵³. Именно данный случай, пользуясь традиционной терминологией, было бы логично интерпретировать как слабое управление (в отличие от явлений другого плана, рассмотренных выше, которые мы называли слабой детерминацией).

Аналогичные варианты возможны и для двух других типов управления — формально-дистрибутивного и собственно дистрибутивного. Они также связаны с возможностью частичного варьирования формы и дистрибутивного класса связываемых слов.

До сих пор мы говорили о сильной и слабой связи, имея в виду управление. Но эти понятия равным образом могут быть отнесены и к явлению примыкания. Какой может быть их интерпретация в данном случае?

Понятие управления связано с регламентацией некоторых признаков в соотносимых словах. Ослабление данной регламентации мы рассматривали как случай слабого управления. Соответственно, поскольку понятие примыкания связано со свободой выбора показателей соотносимых слов, мы должны считать ослаблением примыкания случаи частичного ограничения данной свободы. Так, если при сильном формальном примыкании любая форма главного слова допускает любую форму зависимого, то при слабом примыкании любая форма главного слова допускает лишь некоторые (не все) формы зависимого, или, напротив, лишь некоторые формы главного слова допускают любые формы зависимого. Так, отношение глагола и существительного по категории числа является сильным примыканием: при любой форме числа глагола возможна любая форма числа существительного. Но отношения этих же слов по категории падежа являются собой пример слабого формального примыкания: при любой форме глагола возможны не все, а лишь некоторые формы косвенных падежей (именительный падеж невозможен при любой форме глагола)⁵⁴.

Поэтому мы можем сформулировать теперь понятие сильной и слабой связи в общем виде, имея в виду как управление, так и примыкание. Сильная связь — это случай оптимального выявления данного вида отношений. Для управле-

⁵³ Мы понимаем здесь под вариантами такие формы, из которых возможен свободный выбор, но которые не могут сосуществовать в одной позиции. Так, в словосочетании *говорить о чем кому* формы дательного и предложного падежа не рассматриваются в качестве вариантов: они не образуют альтернативный ряд, не могут сосуществовать в одной позиции.

⁵⁴ Напомним, что именительный предикативный в современном русском языке уже невозможен при глаголах, а лишь при связке.

ния это — случай максимально четкой регламентации. Для примыкания, напротив, случай наибольшей свободы. Слабой же связью назовем случай, когда данный тип отношений вы-
является не с максимальной четкостью⁵⁵.

Таким образом, для каждого типа управления в принципе оказываются возможными следующие разновидности в зависимости от силы связи.

1) Между связанными показателями главного и зависимого слова во всех случаях устанавливается одно-однозначное соответствие, исключающее возможность свободного варьирования. Это — сильное управление, которое можно обозначить $++$. Соответствие главного и зависимого слова оказывается жестко регламентировано с обеих сторон.

2—3) Соответствие главного и зависимого слова жестко регламентировано только с одной стороны, с другой же допускается частичное (но не полное) варьирование. Случай, когда такое варьирование допускается только для главного слова, можно обозначить как $++$; аналогичный случай для зависимого слова выглядит как $++$. Оба эти случая можно назвать слабым управлением. Последнее, следовательно, выступает в двух разновидностях⁵⁶.

4) Соотнесение главного и зависимого слова частично регламентировано как со стороны главного, так и со стороны зависимого слова. В пределах некоторого ряда вариантов оказывается возможной свободная сочетаемость главного и зависимого слова, но эта свобода распространяется не на все в принципе возможные случаи. Так, некоторые формы главного слова сочетаются с некоторыми формами зависимого. В пределах данного набора возможны свободные комбинации форм главного и зависимого слов, но за этими пределами такая свобода уже невозможна (примеры приводились нами выше). Этот случай можно обозначить как $++$. Он занимает промежуточное положение между управлением и примыканием и не принадлежит уже ни к тому, ни к другому типу (или, что то же самое, равным образом относится к обоим). Мы можем назвать его слабой связью (соответственно с введенным выше понятием нейтрализованной связи).

5—6) Это случай, когда одно из связываемых слов никак не ограничено в своем соотнесении с другим словом, послед-

⁵⁵ С этой точки зрения рассмотренные выше явления нейтрализации также представляют собой случаи слабой (в широком смысле слова) связи. Следовательно, нейтрализация и собственно слабая (в узком смысле) связь — это два разных проявления одного и того же процесса — стирания границ между управлением и примыканием, образования промежуточных классов между данными явлениями.

⁵⁶ Мы будем называть эти разновидности — «слабое управление $++$ » и «слабое управление $++$ ».

нее же допускает неполное варьирование, то есть случаи слабого примыкания. Обозначим их как $\pm-$ и $- \pm$.

7) Наконец, случай полной независимости соотносимых слов — сильное примыкание ($--$).

Заметим, что так же как и при нейтрализации, двустороннее ослабление связи ($\pm \pm$) стирает грань между основными видами отношений — управлением и примыканием. В то же время одностороннее ослабление связи стирает грань между каждым из этих основных видов, с одной стороны, и некоторыми промежуточными, а именно, полууправлением и полупримыканием, — с другой. Так, слабое управление $\pm \pm$ является переходным случаем между собственно управлением (сильным управлением, $++$) и полууправлением ($+-$). Слабое управление $\pm \pm$ есть переходный случай между сильным управлением и полупримыканием ($- \pm$). Соответственно слабое примыкание занимает промежуточное положение между случаями полууправления и полупримыкания и сильным примыканием.

Такова в общих чертах шкала, построенная по убыванию регламентации при соотнесении связываемых слов. На одном полюсе этой шкалы оказывается максимальная регламентация (сильное управление, $++$), на другом — полное отсутствие каких-либо ограничений (сильное примыкание, $--$). Данная шкала, однако, должна быть дополнена еще несколькими классами, поскольку понятия сильной и слабой связи распространены не только на случаи чистого управления и примыкания, но и на случай нейтрализованного управления и примыкания.

Действительно, нейтрализованное управление ($+0$ и $0+$) может выступать не только в указанной сильной разновидности, но и в слабой (± 0 и $0 \pm$). Данный случай уже не оказывается собственно управлением, поскольку здесь стирается грань между нейтрализованным управлением ($+0$ или $0+$) и нейтрализованным примыканием (-0 или $0-$). Этот случай можно назвать слабой частично нейтрализованной связью.

Примером именно такой связи является сочетание глагола с зависимым инфинитивом с точки зрения дистрибутивно-формальных отношений. При некоторых различных (но не всех) дистрибутивных классах глагола возможен инфинитив, формальная зависимость которого нейтрализована, так как он не имеет форм (случай ± 0).

Таким образом, данная шкала выделенных нами подтипов включает 16 классов. На противоположных полюсах, как было уже сказано, находятся сильное ненейтрализованное управление ($++$) и сильное ненейтрализованное примыкание ($--$). Промежуточное положение между ними занимают все случаи, которые не являются ни собственно управлением, ни собственно

примыканием. Таких случаев шесть: нейтрализованная связь (0 0), частично нейтрализованная слабая связь (два случая: ± 0 и $0 \pm$), слабая связь ($\pm \pm$), полууправление ($+ -$) и полупримость ($- +$). Наконец, между управлением и данными промежуточными классами, с одной стороны, примыканием и этими же классами, с другой, возникает также ряд переходных случаев, представляющих собой неполную, редуцированную — частично ослабленную или нейтрализованную реализацию управления и примыкания. С каждой стороны насчитывается четыре таких случая. Со стороны управления это два вида частично нейтрализованного управления ($+ 0$ и $0 +$) и два вида слабого управления ($+ \pm$ и $\pm +$). Соответственно, имеются случаи частично нейтрализованного примыкания ($0 -$ и $- 0$) и слабого примыкания ($- \pm$ и $\pm -$). Схематически данную систему можно представить следующим образом:

		$+ -$		
	$0 +$	$0 \pm$	$0 -$	
	$+ 0$	$0 0$	$- 0$	
$+ +$	$\pm +$	$\pm \pm$	$\pm -$	$- -$
	$+ \pm$	± 0	$- \pm$	
		$- +$		

Остается добавить, что все сказанное относится, конечно, ко всем четырем основным видам связи: формальной, формально-дистрибутивной, дистрибутивно-формальной и дистрибутивной. Внутри каждого этого основного вида образуются (или, вернее, могут в принципе образоваться) данные шестнадцать подтипов. Естественно, что любая разновидность одного типа связи в принципе может в системе сочетаться с любой разновидностью других типов, поскольку в сочетаемости данных типов не существует, как мы видели выше, каких-либо принципиальных ограничений. Это многократно увеличивает набор возможных вариантов синтагм (в пределах шестнадцати главных типов)⁵⁷.

В заключение нашего обзора типов синтагматической связи рассмотрим еще некоторые вспомогательные подразделения, не играющие уже столь существенной роли, как проанализированные выше, но все же могущие оказаться полезными при описании.

Рассматривая соотношение слов между собой, мы ничего не говорили о конкретных проявлениях того или иного признака у главного и зависимого слова. Нас интересовало лишь наличие (или отсутствие) самого факта соотношения слов, то, что реализация некоторых признаков одного слова поставлена

⁵⁷ Точное число этих вариантов составляет $16^4 = 65536$. Разумеется, ни один язык не дает реализации всех данных разновидностей.

в соответствии с реализацией определенных признаков другого слова, без обязательного уточнения того, между какими именно конкретными реализациями данных признаков устанавливается связь. Такой подход в принципе представляется разумным, так как нас интересуют не слова сами по себе, а соотношение между ними. Однако может оказаться не лишним некоторого интереса также описание конкретных форм, которые в различных случаях может принимать такое соотношение.

С этой точки зрения могут быть разделены случаи, когда связываемые слова оказываются подобными по некоторому признаку (имеют одинаковую форму или принадлежат к одному и тому же дистрибутивному классу), и случаи, когда такое подобие не имеет места. Первый случай можно назвать ассимилятивной связью, второй — неассимилятивной. Так, примерами ассимилятивного формального управления является сочетание существительного с прилагательным по категориям числа и падежа, или сочетание (координативное) существительного с глаголом по формам числа. Неассимилятивным формальным управлением является, например, то же соединение существительного с глаголом, рассмотренное с точки зрения управления имени формой лица глагола и управления глагола формой падежа имени. Другой пример — соединение числительного в именительном падеже с существительным (по категориям падежа), а также подобное соединение числительного с существительным по категории числа.

Примеры неассимилятивного дистрибутивного управления очевидны и составляют преобладающее большинство данных случаев. В качестве примера ассимилятивного дистрибутивного управления можно привести случай однородных определений (требуются слова того же дистрибутивного класса) или конструкции типа *говорить-то говорю* и т. д.

Противопоставление ассимилятивного и неассимилятивного управления является релевантным далеко не для всех клеток нашей модели. Прежде всего, оно «работает» по существу только для двух названных основных видов связи. Что касается двух других (формально-дистрибутивного и дистрибутивно-формального), то сама специфика их, заключающаяся в соотношении разных признаков у слов, делает выделение ассимилятивной и неассимилятивной связи бессмысленным⁵⁸.

⁵⁸ В принципе такое выделение возможно. Можно, например, сказать, что при управлении глагола существительным (дистрибутивно-формальная связь), в тех случаях, когда формы (например, числа) совпадают, мы имеем ассимилятивную связь, если же формы не совпадают, то связь неассимилятивная (например, *говорит о птице, говорят о птицах — говорит о птицах, говорят о птице*). Но поскольку в действительности здесь формы слов между собой не соотношены и их совпадение или несовпадение носит чисто случайный характер, бессмысленно было бы строить на этом классификацию.

Но и в пределах формальной и дистрибутивной связи наше последнее противопоставление оказывается существенным далеко не во всех случаях. Строго говоря, действительно существенным оно может быть только при сильном управлении, то есть при жестком соотнесении слов. В этом случае важно знать, является ли данное соотнесение уподоблением, или нет. Во всех других случаях, начиная от слабого управления и кончая всеми видами примыкания, речь может идти лишь о наличии уподобления у одного из целого ряда равновозможных вариантов, в результате чего граница между ассимилятивной и неассимилятивной связью оказывается «размытой».

Правда, мы знаем еще некоторые примеры жесткого соотнесения слов, кроме сильного управления. Таковы случаи частично нейтрализованного сильного управления (+0 и 0+) и случай полностью нейтрализованной связи (00). Но в первых двух заведомо не может быть ассимилятивной связи, так как сочетаются слова разных разрядов (изменяемое и неизменяемое). В последнем случае уподобление двух неизменяемых слов имеет чисто морфологическую причину и поэтому не является существенным при характеристике связи между ними. Строго говоря, в этом случае нельзя говорить об уподоблении, так как вообще отсутствует возможность варьирования.

Таким образом, только две клетки нашей системы оказались в результате расщеплены на случаи ассимилятивной и неассимилятивной связи: ($\Phi \rightarrow \Phi$) ++ и ($D \rightarrow D$) ++. Тем не менее, поскольку это очень широко распространенные случаи, такое разделение является вполне целесообразным.

Другое расчленение основных типов, которое может быть сделано на основе рассмотрения конкретной реализации соотносимых признаков, основывается на том, что последние могут в принципе осуществляться по разным категориям, разным признакам; мы выделим в этом плане простую связь (по одной категории) и смешанную связь (когда один и тот же тип отношений реализуется в разных категориях). Так, отношение прилагательного и существительного являет пример смешанной связи (формальное управление по категориям рода, числа и падежа), управление глагола падежом зависимого существительного — простая связь (дистрибутивно-формальная). В случае дистрибутивных отношений смешанной связью можно назвать наличие одновременно нескольких дистрибутивных ограничений. Следовательно, данное понятие, в отличие от предыдущего, оказывается универсальным. Оно охватывает не только все основные типы отношений, но и все подразделения внутри этих типов⁵⁹. При этом если понятия простого и сме-

⁵⁹ Исключение составляет лишь случай 00, где полное отсутствие категорий не дает возможности различить простую и смешанную связь.

шанного управления базируются на наличии соотнесения по одному или нескольким признакам, то понятия простого и смешанного примыкания базируются на отсутствии соотнесения, на свободе связи также по одному или нескольким признакам. Так, соотношение двух существительных типа *'дом брата* — это смешанное формальное примыкание: независимы от главного слова род, число и падеж подчиненного. В случае же приложения — простое формальное примыкание, так как независимыми (у слов, не имеющих собирательного значения) оказываются лишь формы рода.

Наконец, некоторые подразделения синтагматических связей могут быть введены на основании анализа взаимного расположения связываемых слов в линейной цепи. В этом плане можно выделить, во-первых, контактную и дистактную связь (то есть связь между соседними и не-соседними формами) и, во-вторых, прогрессивную и регрессивную. Прогрессивной связью назовем такую, в которой главное слово предшествует зависимому (стрелка зависимости направлена вперед), а регрессивной — такую, в которой главное слово следует за зависимым.

Мы рассмотрели общую теорию синтагматических отношений между словами. Подведем итоги полученной классификации. Итак, мы выделяем виды синтагматических отношений по следующим признакам.

I Характер структурных отношений (внутренний план, или план содержания синтагматики).

1) Основные типы отношений *⁶⁰.

- а) координация,
- б) детерминация,
- в) констелляция.

2) Разновидности основных типов с точки зрения отчетливости их выявления:

- а) сильная связь,
- б) слабая связь.

II. Способ выражения структурных отношений в линейной цепи (внешний план, или план выражения синтагматики).

1) Типы соотнесения слов *.

- а) собственно формальная связь,
- б) формально-дистрибутивная связь,
- в) дистрибутивно-формальная связь,
- г) собственно дистрибутивная связь.

⁶⁰ Знак * означает, что в пределах выделенных в данной рубрике классов возможны их комбинации без каких-либо ограничений.

2) Разновидности основных типов с точки зрения характера их выявления.

- а) сильное управление,
- б) сильное частично нейтрализованное управление ± 0 ,
- в) сильное частично нейтрализованное управление $0 \pm$,
- г) слабое управление $\pm \pm$,
- д) слабое управление $\pm \pm$,
- е) слабая связь,
- ж) полностью нейтрализованная связь,
- з) частично нейтрализованная слабая связь ± 0 ,
- и) частично нейтрализованная слабая связь $0 \pm$,
- к) полууправление,
- л) полупривыкание,
- м) слабое притыкание $\pm -$,
- н) слабое притыкание $- \pm$,
- о) сильное частично нейтрализованное притыкание $0 -$,
- п) сильное частично нейтрализованное притыкание $- 0$,
- р) сильное притыкание.

3) Разновидности с точки зрения характера реализации соотносимых признаков*.

- а) ассимилятивная — неассимилятивная связь,
- б) простая — смешанная связь,

4) Разновидности с точки зрения положения в линейной цепи*.

- а) контактная — дистактная связь,
- б) прогрессивная — регрессивная связь.

Такова система синтагматических связей слов. Преимущество данной модели перед традиционным описанием состоит в выделении двух планов синтагматических отношений — внутреннего и внешнего, что позволяет избежать противоречий, возникающих при неразличении типа структурной зависимости слов, с одной стороны, и характера их соотношения в линейной последовательности, с другой. Далее, важной отличительной чертой данной модели является ее универсальный характер, в силу чего она может стать основой для интерпретации языковых фактов. Различные языки, как уже указывалось, способны заполнить лишь часть клеток данной системы, что создает также возможность для типологического описания синтагматики.

Наконец, немалое значение имеет системный характер построенной модели. Различные типы определяются не автономно, независимо друг от друга (как традиционные понятия согласования, управления и притыкания), они соотношены друг с другом, даются во взаимных связях и противопоставлениях. Это можно сказать и о шестнадцати основных типах связи

слов, и о подклассах внутри каждого из данных типов. Поэтому, интерпретируя факты языка на основе данной модели, мы получаем возможность не просто поставить те или иные факты в соответствие с некоторыми клетками системы, но и установить связи между ними. Если традиционное описание довольствуется перечислением групп явлений, характеризующихся как согласование, управление и примыкание, то данное описание предполагает установление близких и далеких отношений между всеми явлениями, поскольку их определение предполагает друг друга. Так, если рассматривать четыре вида управления/примыкания в качестве дифференциальных признаков, характеризующих словосочетания, последние могут быть поставлены в системные противопоставления по этим признакам. Это позволяет установить, какие словосочетания образуют между собой корреляции, то есть противопоставляются по одному признаку, а какие входят в более далекие противопоставления. Так, среди наших шестнадцати основных типов обнаруживаются следующие корреляции.

а) По признаку ($\Phi \rightarrow \Phi$): 1—9, 2—10, 3—11, 4—12, 5—13, 6—14, 7—15, 8—16.

б) По признаку ($\Phi \rightarrow Д$): 1—5, 2—6, 3—7, 4—8, 9—13, 10—14, 11—15, 12—16.

в) По признаку ($Д \rightarrow \Phi$): 1—3, 2—4, 5—7, 6—8, 9—11, 10—12, 13—15, 14—16.

г) По признаку ($Д \rightarrow Д$): 1—2, 3—4, 5—6, 7—8, 9—10, 11—12, 13—14, 15—16.

Оказывается также возможным определить случаи нейтрализации данных коррелятивных противопоставлений. Так, если какой-либо из перечисленных дифференциальных признаков реализуется в таких разновидностях, как 00, $0\pm$, ± 0 , $\pm\pm$, $\pm-$, $-+$, происходит нейтрализация корреляций по данному признаку.

С другой стороны, существуют словосочетания более далекие, различающиеся большим числом дифференциальных признаков. Например, пары 1—4, 1—13, 6—16 и т. д. различаются двумя признаками, пары 1—12, 2—16 и т. д. — тремя. Наиболее далеким является отношение 1—16, где противопоставление осуществляется по всем четырем признакам.

Все сказанное создает предпосылки для описания словосочетаний некоторого языка как системы, показа целостной картины синтагматики этого языка.

В нашу задачу, однако, не входит подробная и систематическая интерпретация в полученных категориях словосочетаний русского языка, в силу чего введение соответствующего материала ограничилось лишь необходимыми примерами. Построенная система была необходима для того, чтобы на базе

понятий, полученных первоначально применительно к уровню синтагматики слов, перейти далее к интересующему нас уровню синтагматики предложений. Для этого необходима дальнейшая универсализация полученной модели: если до сих пор мы говорили о ней как об исчислении принципиально возможных случаев на уровне слов, то теперь следует сделать модель приложимой и к любым другим уровням (поскольку последние связаны с синтагматикой).

С этой целью зададим исходные понятия нашей модели так, чтобы они не были связаны преимущественно с уровнем слов, а носили универсальный характер⁶¹.

Сделать это нетрудно, если учесть, что при показе синтагматических отношений мы исходили из двух признаков слова — его формы и дистрибутивного класса. Оба эти признака свойственны не только слову, но и единицам других уровней. Последние также обладают парадигмами вариантов, аналогичными парадигме словоформ, и образуют дистрибутивные классы. Поэтому рассматривавшиеся нами типы связей могут быть использованы и на других уровнях языковой системы. Вот как могут выглядеть общие определения этих типов.

1) Формальная связь (Ф → Ф) — соотнесение определенного варианта одной единицы с определенным вариантом другой, независимо от характера самих этих единиц. Наличие такого соотнесения является формальным управлением, отсутствие его — формальным примыканием⁶². Например, прилагательные с основой, оканчивающейся на к-, и безударной флексией, в исходной форме имеют два варианта: -к'ый и —к'ый. Здесь выбор варианта морфемы, к которой присоединяется флексия, и выбор варианта флексии взаимно предполагают друг друга, причем данный выбор вовсе не зависит от характера конкретной морфемы основы или конкретной флективной морфемы (поскольку аналогичные отношения существуют и в именительном падеже множественного числа).

2) Формально-дистрибутивная связь состоит в том, что определенный вариант одной единицы соотносится с выбором другой единицы. Типичный пример подобной связи на уровне морфем мы находим в отношении основы⁶³ и флексии в падежной парадигме существительного и личной парадигме гла-

⁶¹ Последнее, впрочем, относится только к понятиям плана выражения, так как классы плана содержания (координация, детерминация, констелляция) уже обладают необходимой универсальностью и в принципе могут быть применены на любом уровне.

⁶² Разумеется, данное общее определение предполагает и все другие частные случаи (слабую связь, нейтрализацию и т. д.).

⁶³ Строго говоря, здесь рассматривается отношение флексии не ко всей основе в целом, а к той морфеме, к которой она непосредственно присоединяется. Для простоты мы будем оперировать примерами, в которых основа равна корню.

гола. Так, каждый из вариантов корневой морфемы *бег-* или *беж-* предполагает определенный выбор флективной морфемы: *бег-у*, но *беж-ишь*. Данное соотношение никак не зависит от характера самой корневой морфемы как таковой, поскольку сохраняется и при других корневых морфемах (*мог-/мож-* и т. п.), а исключительно от характера выбранного варианта. Точно так же варианты именной основы с твердым и мягким согласным предполагают выбор впопьяне определенных падежных флексий: *вод-а*, но *вод-е*⁶⁴.

Оба рассмотренных примера являют собой тип слабого формально-дистрибутивного управления (+±), поскольку определенный вариант одной морфемы предполагает лишь частичное ограничение выбора у другой морфемы. В случае отсутствия соответствующих вариантов (например, при глагольных основах, не оканчивающихся на заднеязычный) происходит нейтрализация данной связи.

Аналогичные отношения на уровне фонем складываются в русском языке между гласной и согласной фонемой: определенный вариант любой непредней гласной фонемы (с аккомодацией или без нее) предполагает выбор определенной согласной фонемы (твердой или мягкой). Это тоже отношения слабого управления (+±), так как в пределах классов «твердые» и «мягкие», которыми ограничивается выбор согласного, сосуществуют, очевидно, различные дистрибутивные подклассы (например, сонанты и шумные, глухие и звонкие).

3) Дистрибутивно-формальная связь. Определенный выбор одной единицы соотношен с выбором определенного варианта другой единицы. Таково соотношение глагольных основ с вариантами флексий первого и второго спряжения: в примерах *строишь* и *падаешь* выбор варианта флексии обусловлен исключительно выбором основы. При этом речь идет именно о конкретных основах, соотносимых с вариантом любой флексии.

На уровне фонем данное отношение выявляется, например, в сочетании гласных фонемы с лабиализованным или нелабиализованным вариантом согласной: при некоторых гласных (о, у) избирается лабиализованный вариант согласной (и при том любой фонемы), при других гласных — нелабиализованный вариант (слабое управление типа ±+).

4) Дистрибутивная связь: между собой оказываются соотношены определенные единицы некоторого уровня. Данный тип связи широко распространен на самых различных уровнях.

⁶⁴ Мы не касаемся здесь (как и в последующих примерах) вопроса о том, является ли здесь управление односторонне направленным или взаимным, то есть сигнализирует ли о детерминативных или координативных отношениях, поскольку решение данного вопроса связано со специальным исследованием механизма порождения морфемных (а при рассмотрении фонемного уровня — фонемных) цепочек.

Примером подобных отношений среди морфем может служить сочетаемость определенных корневых морфем (или основ) и определенных аффиксов, например, требование при образовании отвлеченных существительных от прилагательных суффикса *-от-а* или *-ость*, в зависимости от конкретного образуемого слова (*темнота*, но *яркость*). Среди фонем это случаи различных ограничений фонемной комбинаторики (например, невозможность в русском языке появления твердой согласной фонемы перед передней гласной). Вообще, как кажется (хотя мы можем высказать данное соображение лишь в виде предварительного предположения), разновидности отношений, связанные с дистрибутивной характеристикой, на низших уровнях играют большую роль, чем формальная связь, хотя последняя также распространена достаточно широко. С другой стороны, при переходе на более высокие уровни, в связи со все более усложняющейся структурой парадигм, возрастает значение формальных отношений.

Универсальный характер интерпретации рассмотренной модели позволяет рассчитывать на то, что и на уровне предложений данная модель будет действовать и может быть положена в основу систематического описания. Действительно, любое конкретное предложение может быть охарактеризовано с точки зрения своей формы, как определенный член синтаксической парадигмы, в отвлечении от конкретного лексического наполнения. С другой стороны, предложение может быть охарактеризовано во всей конкретности своего лексического наполнения, отличающей его от других предложений. Оба эти показателя оказывают влияние на сочетаемость данного предложения с другими в тексте, а следовательно, каким-то образом соотносятся с соответствующими показателями других предложений. Из этого вытекает принципиальная возможность исследования синтагматической структуры связного текста на уровне предложений в категориях рассмотренной модели.

Таким образом, построенная система синтагматических отношений может служить основой для описания синтагматики на всех языковых уровнях.

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ФОРМАЛЬНЫХ КЛАССОВ СЛОВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Б. М. Гаспаров

Данная работа является составной частью общего исследования, посвященного описанию уровня предложений с точки зрения присущих ему синтагматических и парадигматических отношений. При построении синтаксической парадигмы мы исходили из формулы ядерной структуры предложения, представленной в терминах морфологических классов слов.

Следовательно, для описания парадигматики предложения в предлагаемом аспекте мы должны располагать, во-первых, набором формальных классов, в терминах которых можно было бы представить ядерную структуру любого предложения, и, во-вторых, сведениями о строении морфологической парадигмы каждого из формальных классов. Поскольку от того, как мы определим данные понятия, зависит весь ход дальнейшего описания, представляется необходимым попытаться задать их с максимально возможной строгостью.

Между тем, обратившись к литературе, нетрудно обнаружить в рамках интересующей нас проблемы немало нерешенных и спорных вопросов.

В связи с этим можно было бы каждый раз останавливаться на определенной концепции, которая почему-либо представляется нам наиболее приемлемой или удобной с точки зрения задач настоящего описания. В итоге мы получили бы определенный набор формальных классов и структуру их парадигм. Однако такое решение, по нашему убеждению, страдало бы рядом серьезных недостатков. Прежде всего, оно не было бы обязательным, поскольку мы во многих случаях выбирали бы один вариант из ряда возможных: считать личные местоимения разными словами или парадигмой по лицу; считать ли единственное и множественное число существительных и местоимений членами парадигмы; какие видовые и залоговые пары квалифицировать как грамматические противопоставления и какие — как отдельные слова; рассматривать ли инфи-

нитив в качестве члена глагольной парадигмы, а краткое прилагательное и причастие — в составе парадигмы прилагательного и причастия; выделять ли парадигму степеней сравнения у прилагательных и наречий; наконец, какие из присвященных форм типа *был дома, было тихо, был красив, был солдатом, будут летать* — рассматривать в качестве «аналитических» в составе соответствующей парадигмы, а какие — как сочетание двух различных грамматических элементов, — все эти вопросы, как известно, допускают различные решения. Между тем, в зависимости от сделанного здесь выбора мы будем определять и формулу предложения, и характер его парадигматического варьирования, то есть структурная классификация предложений находится в непосредственной зависимости от того, как мы ответим на перечисленные выше вопросы. Например, если мы будем считать личные местоимения *я, вы, он* разными словами, предложения типа *я иду* и *человек идет* будут иметь одинаковое строение парадигмы (по склонению, времени, виду — впрочем, относительно вида тоже требуется, как видим, особое решение — и числу), а значит, рассматриваться как один структурный тип. Если же мы будем считать, что местоимения образуют парадигму по лицу, то эти предложения попадут в разные классы, но зато второе окажется объединено с типом *Иду*.

Итак, вся классификация, являющаяся целью настоящего описания, зависит от того, как мы зададим исходные элементы. Если это будет сделано произвольно, то тем самым придется признать, что и само описание носит произвольный необязательный характер¹. Ссылки на «удобство описания» в таких случаях ничуть не помогают ликвидировать этот недостаток и зачастую представляют не что иное, как замаскированную попытку так задать исходные понятия, чтобы получить заранее ожидаемый результат. Так (вернемся к нашему примеру), мы, по-видимому, ожидаем, что двусоставные предложения должны оказаться в одной «клеточке» и быть противопоставлены односоставным. Поэтому вполне естественно, исходя из «удобства описания», принять то решение, которое обеспечивало бы именно такую классификацию, — то есть рассматривать личные местоимения как различные слова.

¹ Говоря об обязательном характере описания, мы не имеем, разумеется, при этом в виду, что оно должно быть вообще единственно возможным и соответствующим некоей единственной «истине». Но получаемое описание должно с необходимостью вытекать последовательно из исходных принципов исследования, а не быть результатом произвольного выбора из равновозможных вариантов. Именно в этом смысле мы говорим об обязательности описания. Идеалом в данном плане представлялось бы описание, целиком вполне однозначно вытекающее из некоторых максимально простых и потому всеобщих, имеющих универсальный характер исходных посылок.

Нетрудно увидеть, что при подобном положении мы приходим к порочному кругу, превращая описание в простую тавтологию: исходные понятия задаются так, чтобы получить определенный ожидаемый результат, последний же получается на основании исходных понятий. А так как ожидание определенного результата связано с предыдущим опытом, знаниями исследователя, то закономерным следствием является тривиальность получаемых выводов.

Но однозначность решений не является единственным требованием к такой структуре. Главное — она должна вытекать из задач и целей всего анализа (целей не в смысле ожидаемого результата, а с точки зрения избранного аспекта рассмотрения).

Вот почему вопрос о системе формальных классов, существующих в русском языке, и характере их парадигм представляется нам заслуживающим специального рассмотрения. Вследствие этого нами будет предпринята попытка уточнить имеющиеся представления об этой системе, исходя из функциональных свойств различных групп слов. Мы исходим при этом из предположения, что в тексте эти свойства проявляются в сочетаемости слов, характере их распределения. Следовательно, в основу модели формальных классов, в терминах которых будут затем представлены синтаксические структуры, будет положена дистрибутивная характеристика данных классов. Применение этого приема позволит, во-первых, сделать описание более строгим, чем при простом выборе из нескольких существующих точек зрения; главное же — это позволит нам задать систему исходных понятий — а таковыми для нашего описания являются формальные классы слов, образующие схему предложения, — на основании принципов, изоморфных общим принципам данного описания. В самом деле, ведь конечной целью последнего является изучение сочетаемости синтаксических структур и на основе этого выделение их функциональных типов.

Однако в русском языке дистрибутивное определение формальных классов слов неразрывно связано со второй частью поставленной нами задачи — определением границ лексем, структуры парадигм.

Необходимость построения парадигматической схемы для выделения формальных классов обусловлена тем очевидным обстоятельством, что без знания границы лексем, то есть без знания того, какие словоформы представляют собой разные единицы, а какие — варианты одной единицы, невозможно выделение формальных классов лексем. В самом деле, словоформы — варианты, принадлежащие к одной парадигме, обладают различным распределением, поскольку выбор того или иного варианта бывает обусловлен требованиями позиции.

Например, словоформа *большая* невозможна в позиции... *дом*, здесь требуется только словоформа *большой* и т. д. Если мы не будем знать, что эти две словоформы суть варианты одного слова, члены его парадигмы, мы не сможем показать круг позиций, которые это слово (в совокупности своих вариантов) способно занимать, а значит, не сможем выделить функциональный тип (формальный класс), реализованный в данном слове.

Следовательно, мы должны прежде всего определить принцип, на основании которого сможем каждый раз устанавливать, какие из встречающихся в тексте словоформ представляют собой варианты одной лексемы, ее парадигму (их дистрибутивные показатели должны будут суммироваться), а какие представляют разные единицы, разные слова. Только в этом случае мы получим возможность рассматривать сочетаемость слов (а не отдельных вариантов) и выделить их функциональные классы. В этом, кстати, наш подход будет также изоморфен общему принципу описания, поскольку построение парадигм предложений также будет служить необходимой отправной точкой для рассмотрения типов их сочетаемости.

Обратимся поэтому прежде всего к рассуждениям, которые помогли бы нам прийти к определению понятия парадигмы.

На основании чего мы можем квалифицировать некоторый ряд словоформ в качестве членов парадигмы, то есть в качестве вариантов одной лексемы — единицы, принадлежащей к определенному формальному классу? С одной стороны, поскольку речь идет о вариантах одного функционального класса, — все эти словоформы должны обладать свойствами данного формального класса, то есть характеризоваться определенной сочетаемостью с другими формальными классами. Но почему тогда перед нами оказывается, как правило, не один элемент, а парадигма вариантов? Это происходит потому, что в тексте мы встречаем не простое соположение элементов, а определенную связь между ними, причем показателями связи в русском языке (языке с развитым словоизменением) являются сами эти элементы. Система вариантов каждой функциональной единицы, таким образом, существует в связи с необходимостью показать связи с другими единицами. Последние выражаются в том, что определенное состояние одного элемента предопределяет некоторое соответствующее состояние другого элемента, связанного в тексте с первым. Иначе говоря, выбор одного из членов парадигмы первого элемента предопределяет выбор соответствующего члена парадигмы второго элемента.

Мы можем, следовательно, считать вариантами одной лексемы — членами ее функциональной парадигмы те словофор-

мы, которые служат показателями согласовательных² связей, то есть такие словоформы, которые, будучи равно возможны в сочетании с некоторым формальным классом, выбираются — всегда или по крайней мере в некоторых случаях — в зависимости от того, в каком из вариантов реализуется соседний элемент. С другой стороны, словоформы, выбор которых никогда не бывает предопределен согласовательными связями, мы не можем рассматривать в качестве вариантов; такие словоформы представляют разные лексемы — члены одного формального класса (если эти лексемы обладают тождественной сочетаемостью), либо разных формальных классов (если их сочетаемость нетождественна).

Итак, мы будем считать тождественной позицию при некотором формальном классе (во всех его вариантах). Соответственно те словоформы, которые сочетаются хотя бы с некоторыми вариантами данного класса, будем рассматривать как занимающие тождественную позицию. Из этих словоформ мы будем считать вариантами, в свою очередь, те, выбор которых хотя бы в некоторых случаях вызывается требованиями согласования, то есть выбором определенного варианта соседнего формального класса. Если же выбор словоформ никогда не вызывается этими требованиями, а является свободным, они рассматриваются как отдельные слова³.

Может показаться, что предложенный здесь исследовательский прием основан на порочном круге. В самом деле, чтобы определить, являются ли некоторые словоформы вариантами, мы должны уже решить этот вопрос относительно сочетающихся с ними элементов. Предположим, мы говорим о словоформах *хороший*, *хорошего*, *хорошему* и т. д. как о вариантах на том основании, что они сочетаются с представителем одного формального класса (например, со словом *дом*), но их выбор автоматически вытекает из выбора варианта последнего элемента, то есть от того, какую словоформу мы в свою очередь употребим — *дом*, *дома*, *дому* и т. д. Но для того, чтобы сделать этот вывод, мы должны предварительно знать, что последний ряд словоформ, в свою очередь, представляет из

² Мы понимаем здесь данный термин широко, как всякое корректирование формы одного элемента относительно какого-то другого элемента (а не только собственно согласование).

³ Легко увидеть связь предлагаемого здесь критерия с понятием «синтаксической формы» и трактовкой ее как формы словоизменительной в трудах Ф. Ф. Фортунатова и его школы. В настоящей работе данное понятие лишь несколько видоизменяется в том смысле, что выдвигаются более слабые требования: считается достаточным наличие хотя бы некоторых позиций, в которых выбор из данного ряда форм обусловлен согласовательными связями, чтобы признать этот ряд словоизменительным. Такое уточнение оказалось необходимым в связи с тем, что для любой пары форм можно найти в тексте случаи, когда выбор из них осуществляется свободно (хотя бы при изолированном употреблении этих форм).

себя парадигму вариантов и может рассматриваться как один диагностический элемент.

Данное затруднение, однако, может быть преодолено благодаря существующей иерархии элементов в тексте. Мы знаем, что одни элементы выступают как подчиненные другим, что всякое предложение имеет ядро и распространение этого ядра. Поэтому не всякие соседние (или вообще связанные между собой) элементы могут выступать в качестве определителей парадигмы (будем называть их в этом случае диагностическими элементами) по отношению друг к другу. Роль диагностического выполняет только господствующий элемент по отношению к подчиненному, но не обратно.

Вернемся к нашему предыдущему примеру. Перед нами два ряда словоформ: с одной стороны — *хороший, хорошего, хорошему*, с другой — *дом, дома, дому*. На первый взгляд, выбор словоформы одного ряда обуславливает выбор из другого ряда, причем действие это взаимно. Так, выбрав (свободно) словоформу из второго ряда *дому*, мы уже автоматически выбираем из первого ряда словоформу *хорошему*. Но и обратно, выбрав свободно одну из словоформ первого ряда, мы тем самым предопределяем наш выбор из второго ряда. Таким образом, казалось бы, мы с равным успехом можем считать как второй ряд диагностическим по отношению к первому, так и обратно, то есть действительно оказываемся перед проблемой порочного круга. Но в действительности словоформы первого и второго ряда занимают неодинаковое положение. Первые всякий раз выступают как подчиненные по отношению ко вторым, служат их распространением. Следовательно, мы вправе заключить, что только второй ряд является диагностическим для первого. В самом деле, поскольку в принятой нами модели предложение строится путем распространения ядра, сначала выбирается форма ядерного элемента, а уже затем его распространителя, следовательно, первый выбор способен предопределять второй, но не обратно.

Существуют, однако, случаи взаимной зависимости между сочетающимися элементами. Таковы отношения между членами ядерной структуры предложения.

В этом случае определение парадигмы обоих элементов оказывается взаимным, то есть мы одновременно относительно обоих элементов должны решить, считаем ли мы ограничения на их сочетаемость между собой согласовательной связью, или нет (и, соответственно, определяем мы два ряда словоформ, образующих разные варианты данной структуры, парадигмами).

Такую взаимную связь разумно также считать согласовательной (поскольку налицо характерная для последней координация выбора словоформ). Следовательно, оба ряда слово-

форм при взаимной связи можно также квалифицировать как парадигмы.

Однако при этом следует оговориться, что взаимной связью мы можем считать лишь те случаи, когда действительно оказывается возможной только одновременная квалификация двух рядов элементов, их определение друг через друга. В случае же, если один из таких рядов может быть в каком-либо другом контексте определен как согласовательный (парадигматический) без помощи другого, соотнесенного с ним, такое соотнесение мы не можем признать взаимной связью. В этом случае появляется возможность определить оба ряда независимо друг от друга. Так, согласовательный (и, следовательно, вариантный) характер форм *шел, шла* может быть показан в ряде контекстов. Это не позволяет определять связь типа *Иванов шел, Иванова шла* как взаимную и заставляет квалифицировать элементы данного сочетания отдельно. Поскольку данный контекст, таким образом, не является диагностическим для словоформ *Иванов, Иванова*, и ни в каком другом контексте они не могут также быть представлены как согласовательный ряд, мы вправе заключить о принадлежности данных словоформ к различным лексемам⁴.

Итак, разработаны правила построения словесных парадигм, вернее, правила вычленения этих парадигм из наблюдаемых рядов словоформ. Эти правила построены на понятии выбора, являющемся исходным в нашем исследовании. Парадигма строится на основании того, является ли выбор словоформ в некоторой позиции свободным или производится автоматически в результате согласования. Данный критерий, таким образом не является внешним по отношению к избранному аспекту исследования, напротив, он вытекает из задач исследования — представить процесс построения речи с точки зрения проблемы выбора говорящим на разных уровнях некоторых элементов из общего арсенала имеющихся в его распоряжении элементов.

⁴ Следует различать два аспекта рассмотрения данного вопроса — синтаксические отношения и морфологическое варьирование (структуру парадигмы). С точки зрения первых приведенный пример, безусловно, является конструкцией с взаимным согласованием (координацией) форм рода. В этом аспекте имя и глагол выступают как взаимозависимые элементы: выбор формы рода в конкретной синтаксической конструкции у одного невозможен без одновременного выбора формы рода у другого (взаимно). Но с точки зрения диагностирования вариативности форм рода имя и глагол находятся в неравноправном положении: относительно форм глагола уже известна (из других конструкций) их вариативность, вхождение в глагольную парадигму, для форм имени (*Иванов—Иванова*) это ни в каких иных конструкциях не может быть показано. Следовательно, в морфологическом аспекте, в отличие от синтаксического, перед нами процесс, так сказать, несимметричный: один из членов глагольной парадигмы выбирается в соответствии с некоторым именным словом.

Теперь оказывается возможным произвести анализ позиционного распределения словесных единиц в тексте, поскольку мы можем установить в каждом случае, какие ряды словоформ образуют один функциональный элемент, являясь вариантами последнего, и какие окружения могут быть рассмотрены в качестве вариантов одной позиции.

Рассматривая возможные окружения лексем в предложении в соответствии со сформулированным только что принципом, будем выделять функционально однородные группы лексем — формальные классы.

В основе выделения формальных классов может лежать следующее правило: если между двумя лексемами А и В существует такое отношение, что во всех позициях, занимаемых вариантами одной лексемы, возможна их замена по крайней мере одним из вариантов другой лексемы, данные лексемы принадлежат к одному формальному классу.

Смысл данного правила заключается в следующем. Наиболее очевидным и бесспорным показателем однофункциональности является, безусловно, полная взаимная заменяемость лексем, то есть возможность во всех позициях подстановки как А вместо В, так и, наоборот, В вместо А. Однако требование взаимной заменяемости в качестве условия принадлежности к одному формальному классу было бы слишком сильным. В частности, при этом оказались бы неправомерно обособлены многие случаи так называемых дефектных парадигм: например, слова *pluralia tantum* оказались бы отделены от других существительных, поскольку они не могут заменить формы единственного числа последних. Сформулированное же выше правило выдвигает менее сильное ограничение, согласно которому к одному классу причисляется пара лексем, если хотя бы одна из них способна всегда заменять другую, то есть не только в случае тождества дистрибуций, но и в случае, когда дистрибуция одной лексемы составляет часть позиционных возможностей другой (то есть находится с последней в отношении включения). Действительно, в этом случае мы не можем рассматривать включаемый элемент как представителя особого функционального типа, поскольку во всех случаях своего появления в тексте он может быть заменен включающим элементом. Речь может, следовательно, идти лишь о «слабом» подтипе внутри основного типа, поскольку его появление в тексте связано с некоторыми дополнительными условиями сверх общих условий, обязательных для всего функционального типа в целом.

Таким образом, в пределах одного формального класса могут быть объединены элементы, обладающие разным объемом парадигмы. Это обстоятельство, в свою очередь, выдвигает перед нами задачу установления структуры парадигмы уже не

отдельных лексем, а формального класса лексем в целом. В парадигмах отдельных лексем те или иные противопоставления вариантов могут быть нейтрализованы (вследствие омономии представляющих эти варианты словоформ) или даже могут совсем отсутствовать (вследствие дефектности парадигмы). В то же время в парадигме формального класса, естественно, должны быть учтены все противопоставления вариантов, свойственные членам этого класса. Поэтому последняя может быть построена лишь на основе сопоставления парадигм отдельных лексем и выявления таким образом всех противопоставлений, встречающихся между элементами внутри данных частных парадигм⁵.

При этом, как уже говорилось выше, в дальнейшем мы будем описывать предложения в терминах формальных классов и вследствие этого оперировать парадигмами последних, игнорируя отклонения от общей структуры парадигмы, встречающиеся у отдельных слов или групп слов.

Рассмотрим теперь формальные классы современного русского языка и структуру их парадигм.

Прежде всего, легко выделяются так называемые самостоятельные и служебные слова. Существует немало критериев, по которым эти две большие группы слов противопоставляются обычно друг другу. В частности, с точки зрения дистрибутивного анализа это противопоставление состоит в том, что самостоятельные слова (все без исключения) могут употребляться изолированно, образуя отдельное самостоятельное предложение. Правда, многие из таких предложений квалифицируются обычно как неполные, однако все они являются вполне возможными и употребительными в речи. В то же время служебные слова, как правило, не могут употребляться в роли отдельных предложений. Если в исключительных случаях такие предложения и могут встретиться, то они будут производить эффект явно «отклоняющихся» от нормы⁶. Поскольку квалификация данного типа слов для нас не существенна (они не занимают самостоятельных синтаксических позиций в предложении), мы не будем на ней останавливаться.

Далее, среди «полных» (автосемантических) слов может быть выделен класс слов, употребляемых только в позиции отдельного предложения. Слова этого класса не способны соче-

⁵ Образцом такого построения можно считать исследование структуры падежной парадигмы имени в русском языке в книге А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение», М., «Наука», 1967.

⁶ В рамках данной статьи нет возможности специально обсудить вообще чрезвычайно важный для нашего описания вопрос о правильности рассматриваемых предложений. Ограничимся здесь лишь ссылкой на понятия нормального и «отклоняющегося» высказывания в работе: Х. Путиам. Некоторые спорные вопросы теории грамматики, «Новое в лингвистике», вып. 4, М., 1965.

таться с какими-либо другими словами, занимающими самостоятельную синтаксическую позицию. Поэтому образуемые ими предложения всегда оказываются нечленимыми. Это — слова типа *да, нет*, то есть слова, употребляющиеся только в качестве так называемых «слов-предложений».

Наконец, все остальные полные слова могут быть разбиты на следующие формальные классы с точки зрения их дистрибутивных возможностей и структуры парадигмы.

1) Имя существительное, или субстантивный класс⁷.

Данный тип характеризуется парадигмой, включающей противопоставления восьми падежных⁸ и двух числовых грамм⁹. Нет необходимости показывать, что выбор той или иной падежной формы, по крайней мере в некоторых случаях, определяется позицией в предложении, характером связи с другими словами. Менее очевидным это кажется относительно числовых форм. Действительно, согласовательные связи в большинстве случаев не ограничивают выбора числовой формы существительного: можно сказать и *дом отца*, и *дом отцов*, и *учить язык*, и *учить языки*. Тем не менее, в некоторых позициях в полной мере проявляется вариативный характер числовых форм. В качестве примера могут быть приведены аппозитивные конструкции, где числовая форма зависимого слова обычно определяется соответствующей формой главного слова: *дом-великан*, *человек-амфибия*. Немногие исключения из этого правила, к тому же наблюдаемые лишь в обособленных конструкциях (ср. *Ивановы, дружная семья... , скифы, воинственный народ*), явно связаны со смысловыми особенностями соответствующих слов (их «собирательностью») и потому могут не приниматься здесь во внимание.

Что касается форм рода существительных, то здесь наблюдается иная картина. В частности, в тех же аппозитивных конструкциях выбор соединяемых слов не ограничен их родовыми формами — ср. *человек-амфибия*, *кит-рыба*, *король-солнце* и т. п. Вот почему родовые формы существительных нельзя считать членами одной парадигмы. Однокоренные существитель-

⁷ Хотя, как увидим, предлагаемое здесь разбиение слов на формальные классы не всегда совпадает с известными традиционными классификациями по частям речи, сохранение традиционной терминологии представляется разумным там, где это возможно.

⁸ См. А. А. Зализняк, ук. соч., стр. 42—46.

⁹ Мы сохраняем также общепринятое наименование грамматических категорий, хотя, строго говоря, выделение последних (например, отделение числа от падежа) также должно быть формально обосновано, поскольку в действительности, например, в данном случае мы имеем лишь парадигму из ряда словоформ: *стол, стола, столу, столом, столе, столы, столов, столам* и т. д. Мы прибегаем к традиционным наименованиям категорий, чтобы не быть вынужденными каждый раз приводить полный образец рассматриваемой парадигмы.

ные разных родов должны поэтому рассматриваться как разные слова¹⁰.

Мы ограничиваемся здесь лишь описанием структуры парадигмы существительного. Полное описание дистрибуции этого класса было бы нецелесообразно, так как заняло бы много места и в то же время не дало бы ничего нового, поскольку границы данного класса слов не вызывают сомнений. В дальнейшем мы также будем ссылаться на дистрибутивные показатели только там, где это действительно необходимо.

2) Имя прилагательное, или адъективный класс.

Сюда должны быть отнесены не только собственно прилагательные (в традиционном понимании), но и некоторые другие разряды адъективных слов, дистрибутивная характеристика которых не отличается от прилагательных, то есть причастия и порядковые числительные.

Прежде всего, у слов данного класса легко выделяется парадигма по категориям рода, числа и падежа. Вариативный характер данных форм может быть определен в контекстах, в которых в качестве диагностического элемента выступает существительное.

С другой стороны, можно показать, что все другие категории, приписываемые обычно прилагательному (а также причастию), не входят в состав парадигмы этого класса слов.

Прежде всего это относится к полным — кратким формам. Употребление этих форм там, где они обе возможны (то есть в позиции именной части сказуемого), является свободным. Выбор в указанной позиции одной из двух данных форм факультативен и не определяется согласовательными связями¹¹. Можно равно сказать *он красив* и *он красивый*. Данные две формы, следовательно, нужно рассматривать как разные слова, а не как члены одной парадигмы. Это в полной мере относится, разумеется, и к причастиям. При этом, поскольку дистрибутивные характеристики полных и кратких форм, а также строение их парадигм не совпадают, нет оснований для отнесения их к одному классу. Следовательно, краткие формы не должны рассматриваться в разряде адъективных слов, что является логичным и с чисто содержательной стороны, поскольку краткие формы не выступают никогда в качестве атрибутов.

Далее, это же следует сказать о степенях сравнения прилагательных. Выбор степени сравнения (в позиции, где все данные формы возможны, то есть опять-таки в позиции ска-

¹⁰ Вследствие этого в качестве разных слов будут рассматриваться и варианты, имеющие разные формы рода: *зал—зала* и др.

¹¹ Разумеется, мы не рассматриваем здесь отдельные фразеологизмы, в составе которых краткая форма выступает в качестве определения; речь идет только о грамматически оформляемых, т. е. свободных соединениях.

зуюмо) также не определяется согласовательными связями. Следовательно, «сравнительную» и «превосходную» степени надо рассматривать как самостоятельные слова по отношению к исходной форме. При этом, в соответствии с изложенным выше принципом, сравнительная степень не может рассматриваться в ряду адъективных слов, превосходная же будет рассматриваться как самостоятельный член адъективного класса.

Итак, ряд типа *красивый, красив, красивее, красивейший* будет рассматриваться нами как четыре разные слова, два из которых (*красивый* и *красивейший* входят в состав адъективного класса.

Аналогичные соображения заставляют рассматривать формы залога, времени и вида причастий не в качестве элементов одной парадигмы, а в качестве разных слов. Действительно, выбор причастия действительного или страдательного, совершенного или несовершенного вида, настоящего или прошедшего времени никак не зависит от формы связанных с причастием слов и не отражает поэтому согласовательных связей. Ср. *Это был строящийся (строившийся, построенный) дом*. Все эти формы, следовательно, являются разными самостоятельными словами, принадлежащими к одному классу.

Итак, парадигма адъективного класса включает только формы рода, числа и падежа. В состав данного класса входят, повторяем, собственно прилагательные (исключая краткую форму и сравнительную степень), формы превосходной степени прилагательных, порядковые числительные, различные залоговые, временные и видовые разряды причастий.

3) Особую группу слов составляют местоименные прилагательные. Их дистрибутивная характеристика не совпадает со свойствами других адъективных слов¹². Так, местоименные прилагательные, так же как и адъективные слова, могут выступать при субстантивах, согласуясь с ними, в качестве присвязочного члена в сказуемом, в обособлениях. Но они не могут определяться другими адъективными словами (нельзя сказать **хороший этот*, **бегущий весь* и т. д., ср. возможность таких оборотов, как *первый бегущий* и т. п.) и, как правило, наречиями; с другой стороны, они могут выступать в позиции подлежащего в двусоставной структуре, что не свойственно адъективным словам (в тех случаях, когда адъективное слово оказывается в позиции подлежащего, оно переходит в разряд субстантивов, показателем чего, в частности, является свертывание родовой парадигмы; действительно, согласование по роду с другими субстантивами в этом случае оказывается не обязательным — ср. *женщина-рулевой сказала*; местоимен-

¹² К этому же классу следует присоединить слово *один*, поскольку и его дистрибутивная характеристика, и структура его парадигмы оказываются подобны.

ные прилагательные не утрачивают родовой парадигмы и в этом случае, о чем свидетельствует невозможность нарушения согласовательных связей по роду: *этот сказал — эта сказала*).

Итак, местоименные прилагательные (местоименные адъективы) могут быть выделены в особый формальный класс. Структура парадигмы данного класса, как легко можно показать, не отличается от структуры парадигмы собственно адъективных слов и определяется категориями рода, числа и падежа.

4) Личные местоимения.

Отличие дистрибутивных показателей личных местоимений от субстантивного класса хорошо известны. Важнейшими из них являются следующие:

а) невозможность постановки перед личным местоимением согласованного необособленного определения;

б) невозможность постпозитивного употребления личных местоимений в форме родительного определительного;¹³

в) сюда можно добавить также малую употребительность именительного предикативного (хотя данная форма с личными местоимениями все же возможна).

В состав парадигмы данного класса слов входят, прежде всего, формы падежа, поскольку выбор падежной формы личного местоимения, так же как и существительного, в большинстве случаев определяется контекстом. Формы числа и рода также можно рассматривать в составе парадигмы. Об этом свидетельствуют такие сочетания, как *Человек — он зол*, *Дерево — оно уход любит*, *Мы дураки надеялись* и т. п., то есть аппозитивные конструкции, где род и число существительных определяет соответствующую форму местоимения.

Наконец, выбор формы лица у местоимений координируется с соответствующим выбором у глагола. Однако вариантность форм лица у глагола может быть показана и в других контекстах (как увидим ниже), в то время как согласовательная зависимость местоименных форм лица устанавливается только в данном контексте. Следовательно, в соответствии с принятыми нами ранее правилами, мы не можем считать формы *я*, *ты*, *он* парадигмой по лицу. Категория лица в данном случае (подобно категории рода у существительных) является лексико-грамматической. Это подтверждается и поведением личного местоимения в аппозитивных конструкциях с существительным, где оно обнаруживает зависимость от существительного по роду и числу, но не лицу.

В литературе принято противопоставлять местоимение третьего лица местоименным формам первого и второго лица.¹⁴

¹³ См. В. В. Виноградов, *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, Учпедгиз, М., 1947, стр. 333—334.

¹⁴ Обзор соответствующей литературы см. в кн.: К. Е. Майтинская, *Местоимения в языках различных систем*, М., 1969.

Действительно, с точки зрения семантики оппозиция здесь является весьма отчетливой. Существуют и некоторые формальные отличия, в частности, в русском языке (супплетивное — несупплетивное образование множественного числа, отсутствие — наличие родовой парадигмы¹⁵). Однако у всех данных форм имеется и ряд общих формальных свойств; с точки зрения семантики также, наряду с указанным противопоставлением, может мыслиться противопоставление первого лица первому.¹⁶ Главное же — если отвлечься от генезиса данных слов и рассматривать их синхронно с точки зрения их функциональных свойств в современном русском языке, — они образуют один формальный класс, представляя в принципе один тип сочетаемости. То обстоятельство, что данные слова сочетаются с разными личными формами глагола, не препятствует такому определению: ведь и существительные согласуются с разными родовыми формами других слов, что не мешает им образовать единый класс (ср. сформулированное нами правило на стр. 70).

Итак, личные местоимения имеют парадигму по роду, числу и падежу, совпадая в этом с адъективными словами, но отличаясь от последних наличием лексико-грамматической категории лица.¹⁷

5) Следующий класс образуют все так называемые местоименные существительные (кроме уже рассмотренных личных местоимений). От последних данную группу слов отличают следующие признаки: а) возможность постановки необособленного согласованного определения (в препозиции или постпозиции): ср. *хороший кто?*, *некто странный*, *что-то новое*, *таинственное ничто*; б) возможность употребления абсолютного большинства этих слов в форме родительного определительного; в) наконец, более широкое (с рядом слов даже преимущественное) употребление именительного предикативного¹⁸.

С другой стороны, от существительных (и опять-таки от личных местоимений) данная группа слов отличается невозможностью образования аппозитивных конструкций без обособления.

Итак, перед нами самостоятельный формальный класс

¹⁵ Впрочем, о местоимениях *я* и *ты* скорее можно сказать, что они обладают дефектной родовой парадигмой.

¹⁶ См. К. Е. Майтниская, *ук. соч.*

¹⁷ К данному классу слов (в качестве включаемого подкласса) относится возвратное местоимение *себя*, обладающее той же сочетаемостью, что и личные местоимения в формах косвенных падежей.

¹⁸ См. R. Røed; *Zwei Studien über den prädikativen Instrumental im Russischen*, «Avhandlingar utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo», *Hist.-Filos. Klasse*, N 12, 1966.

слов¹⁹. Структура парадигмы данного класса весьма проста и включает лишь падежные противопоставления. По этому признаку также, как видим, данная группа слов оказывается противопоставленной как существительным, так и личным местоимениям.

6) Класс числительных.

В этот класс не входят, разумеется, ни субстантивы, ни атрибуты, имеющие числовое значение. Данный класс составляют лишь так называемые количественные и собирательные числительные, то есть слова, обособление которых в отдельный грамматический разряд обусловлено своеобразием их связей в предложении.

Данный разряд, так же как и предыдущий, обладает лишь падежной парадигмой. Правда, два слова этого разряда — *оба* и *два* — как известно, имеют еще и парадигму по роду, причем в обоих случаях выбор форм обусловлен согласовательными связями, что дает нам полное основание рассматривать их как варианты. Но сама единичность этих случаев, их явно реликтовый и отчасти отмирающий характер заставляет нас в данном случае отступить от «буквы» избранной исследовательской процедуры и не считать парадигмы всех остальных слов данного класса дефектными (на том формальном основании, что они «вкладываются» в парадигму слова *два* и *оба*). Мы будем поэтому рассматривать формы *два-две*, *оба-обе*, подобно родовым вариантам существительных, как отдельные слова.

7) Глагол.

Прежде всего необходимо заметить, что не все формы, традиционно относимые к глагольным, оказываются объединены в выделяемом нами классе. Не говоря уже о причастиях и деепричастиях (о последних см. ниже), за пределами «глагольного слова» в данном описании оказывается инфинитив. Нетрудно показать, что в соответствии с принятыми нами принципами анализа инфинитив не может быть квалифицирован как один из членов глагольной парадигмы. Действительно, единственной позицией, в которой пересекается употребление инфинитива и личных форм глагола, является позиция сказуемого. И в этой позиции выбор инфинитива или какой-либо другой формы факультативен, не обусловлен согласовательными связями. Ср. *я читаю, ты читаешь, они читают* и *я (ты, они) — читать*. Следовательно, инфинитив может рассматриваться как особое слово, не входящее в состав глагольной парадигмы, и в качестве такового он не может быть отнесен к

¹⁹ Идея объединения данного класса с предыдущим в один разряд «предметно-личных местоимений», или «местоименных существительных», представляется нам поэтому неудачной: перед нами два различно функционирующих (имеющих разное распределение в речи) класса).

классу глагола, поскольку в целом его дистрибуция резко разнится с другими глагольными формами.

То же можно сказать о причастиях (которые мы уже упоминали, рассматривая класс атрибутов) — ср. *я читал* и *я — читавший*, и о деепричастиях, не имеющих с личными формами вообще ни одной общей позиции.

Экскурс 1. Квази-императив

От собственно глагольной парадигмы должна быть отделена еще одна форма, несмотря на ее внешнее сходство с некоторыми членами этой парадигмы. Речь идет о формах, появившихся в контекстах типа *а он и скажи*. Совпадение данной формы с императивом чисто внешнее, поскольку выбор формы императива обусловлен согласовательными связями (по лицу и числу), выбор же данной формы всегда оказывается свободным. Сравним, с одной стороны, *я иду, ты иди, вы идите* (императив оказывается возможен только при некоторых определенных членах парадигмы личного местоимения. Кроме того, присходит координация форм и по числу), с другой же стороны, *я иди, ты иди, вы иди*, где возможность постановки данной формы не ограничивается никакими требованиями согласования. Поэтому целесообразно данную форму считать омонимом императива и рассматривать как особое слово. Дистрибутивные возможности данной формы отличаются и от соответствующих возможностей личных глагольных форм. В частности, рассматриваемая форма не может быть употреблена в изолированном положении; можно сказать *он упади*, но не *упади* (в этом последнем случае форма неизбежно принимает значение императива).

Наконец, в случае однородных сказуемых эти две формы по-разному сочетаются со спрягаемыми формами глагола. Императив допускает рядом с собой формы будущего времени (простого или аналитического), реже — настоящего, но ни в коем случае не прошедшего. Омоним же императива свободно сочетается с любыми спрягаемыми формами глагола. Этим, в частности, данные формы различаются в позиции при местоимении *ты*, где другие их дистрибутивные различия нейтрализуются (ср. выражение типа *а ты крикни и упал*, возможное только для омонима императива)²⁰. Кроме синтаксической сочетаемости, между данными омонимами наблюдается и чисто морфологическое различие: «настоящая» форма императива варьирует число (*упади — упадите*), а ее омоним имеет только одну форму (невозможны конструкции типа *я, мы* и т. д. — *упадите*), то есть не различает форм числа (так как эта единственная форма свободно сочетается и с единственным, и с множественным числом имени).

Наконец, формальные различия оказываются здесь фундаментом и чисто смысловых различий: омоним императива не имеет значения повеления, а выражает в разговорной речи неожиданное действие, либо (в формах несовершенного вида) долженствование (*я тут с ним возись*), наконец, употребляется в препозиции к имени со значением ирреального условия (*крикни я, все бы обошлось*).

Все это дает основание выделить данную форму, не отделяемую обычно грамматиками от глагольного императива, в особый формальный класс.

Какие же формы включает собственно глагольная парадигма? Прежде всего следует назвать формы лица, числа и рода. Формы числа координируются с соответствующими формами существительных, личных местоимений, а также в кон-

²⁰ Исключение (впрочем, лишь подтверждающее правило) составляют случаи, когда прошедшее время употреблено в значении будущего, здесь их соединение с императивом оказывается возможно (ср. *ты крикни и — побежал*).

струкциях типа *возьму (и) скажу, пойдём принесём*. Формы лица также координируются с соответствующими формами личных местоимений и в указанных конструкциях.

Выбор форм рода определяется соответствующей формой существительного или личного местоимения (*он, она, оно*).

Но, кроме вариантных форм рода, лица и числа, по-видимому, глагольная парадигма включает также обычно признаваемые «несинтаксическими» формы наклонения, времени и вида.

Экскурс 2. К вопросу об аппозиции

Пристальное внимание заслуживают глагольные конструкции особого рода, типа *пойду посмотрю, возьму спрошу* и т. д. Данные конструкции, широко распространенные в разговорной речи, весьма напоминают одно явление в сфере имен, а именно приложение. Действительно, перед нами аналогичная ситуация — два слова в одинаковых синтаксических формах (для существительных — формы числа и падежа, для глагола — лица, числа, рода, наклонения, времени и, как увидим ниже, вида), образующие, однако, не сочинительную конструкцию, а сочетание особого рода, в котором морфологическая тождественность слов (слова одного формального класса в одинаковых формах) парадоксально соединяется с синтаксическим неравноправием (поскольку одно из слов выступает как главное, другое — как зависимое). Правда, существуют и некоторые отличия этих конструкций от именных. В частности, смысл данных сочетаний не изменяется даже с постановкой союза и или разделяющей паузы (*пойду и спрошу, пойду — спрошу*). Кроме того, мы видим, что в приложении имена могут различаться по формам рода. Это облегчает установление структурной иерархии: родовое согласование глагола относится всегда к главному слову (ср. *Король-солнце сказал...*). В рассматриваемых конструкциях глагольные формы оказываются абсолютно тождественными, а следовательно, и одинаково согласуемыми с другими словами, в силу чего определение структурно главного слова здесь затруднительно; им, очевидно, можно считать первое слово (по аналогии с именной конструкцией, где почти всегда главным оказывается именно первое слово; то же можно сказать, впрочем, и о тех именных конструкциях, где различие главного и зависимого слова нейтрализовано из-за совпадения у них родовых форм, напр., *город-герой*).

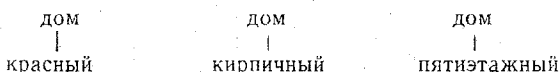
Несмотря на эти частичные различия, принципиальное сходство данных явлений позволяет нам назвать рассматриваемый случай глагольным приложением (глагольной аппозицией) в соответствии с субстантивным приложением (субстантивной аппозицией).

Наличие аппозиции в сфере глагола заставляет предположить, что данные отношения присущи и другим частям речи. И действительно, кроме уже названных субстантивной и глагольной аппозиции, легко можно указать на аналогичные явления в сфере местоименных прилагательных (местоименно-адъективная аппозиция, ср. *этот сам, весь этот* и т. п.), наречий (наречная аппозиция — *направо вверх*), наконец, прилагательных (адъективная аппозиция). В последнем случае имеются в виду так называемые «неоднородные определения» (*медленный тихий вальс*). Данный случай заслуживает того, чтобы рассмотреть его несколько подробнее.

Вопрос о разграничении однородных и неоднородных цепочек прилагательных относится к нерешенным в грамматике. Обычно данное разграничение пытаются обосновать ссылками на семантическую «однородность» или «неоднородность» слов. Этому, однако, явно противоречат случаи трансформации одного типа в другой. Известно, что любая неоднородная конст-

данной цепочки относится непосредственно к существительному. Следовательно, двойное понимание конструкции и в связи с этим возможность нарушения числового согласования здесь исключены. И действительно, нельзя сказать: * *мы увидели красный кирпичный пятиэтажный дом*.

Данный случай (определения в единственном числе, определяемое слово — во множественном) является диагностическим для описанных конструкций: здесь они формально различаются²¹. Однако при сочинительной связи варьироваться, в силу указанных причин, могут не только формы числа у определяемого слова, но и у самих прилагательных. А именно, если определяемое слово стоит во множественном числе, то некоторые из определяющих могут принять форму единственного, другие же — форму множественного числа: *мы увидели красный, кирпичный, пятиэтажные дома*. Отсутствие согласования между прилагательными в этом случае объясняется опять-таки тем, что они относятся к главному слову каждое отдельно и независимо от других:

Разумеется, и в этом случае аппозитивные отношения исключают возможность подобного варьирования, так как прилагательные согласуются одно с другим в структурной иерархии. Следовательно, мы можем теперь в общем виде сформулировать правило, согласно которому возможность нарушения согласований по числу в конструкции с несколькими определениями-прилагательными, относящимися к одному слову, свидетельствует о том, что между определениями устанавливается сочинительная связь (это «однородные определения»); невозможность подобных нарушений свидетельствует о наличии между прилагательными аппозитивной связи (случай «неоднородного определения»).

Обычно, если указанные нарушения согласования маркируют данную конструкцию, позволяя дать ей однозначное структурное определение, то случаи, когда согласование соблюдается, открывают возможность двойного понимания. Эти случаи можно поэтому рассматривать как немаркированные, в которых происходит нейтрализация противопоставления сочинительной и аппозитивной структур. Таким образом следует еще раз подчеркнуть, что разница между сочинением и аппозицией (и, в частном случае с прилагательными, между так называемым «однородным» и «неоднородным» определением) имеет структурно синтаксическую природу, а ни в коем случае не выводится из семантических свойств самих слов, образующих эти конструкции. Поэтому и различение данных конструкций возможно только в результате рассмотрения характера синтаксических отношений, а не семантики составляющих их слов как таковых.

Глагольная аппозиция (так же, как именная) является важным диагностическим контекстом для определения парадигмы. Действительно, все уже названные глагольные формы — лица, рода, числа — обнаруживают здесь свою согласовательную природу: ср. *пойду посмотрю, пойдём посмотрим, пошел посмотрел* и т. д. Но и категории времени и наклонения в данном контексте «ведут себя» аналогичным образом. Ср. *пойди посмотри, пошел посмотрел, пошел бы посмотрел* (или *пошел посмотрел бы*, где частица *бы*, следовательно, относится к обоим глаголам). Таким образом, по крайней мере в некоторых

²¹ Аналогичные отношения наблюдаем в соответствующих субстантивных конструкциях в их отношениях к глаголу. Ср. возможность постановки глагола во множественном числе при однородных существительных единственного числа (*были куплены диван, кровать...*) и обязательность числового согласования при аппозиции (*был куплен диван-кровать*).

позициях формы времени и наклонения зависят от связи с другими словами, что позволяет считать эти формы членами одной парадигмы²².

Согласование наблюдается здесь также относительно видовых форм.

Аналогичное корректирование видовых форм глаголов наблюдается в сочетаниях с глаголами *стоять, сидеть, лежать*, встречающихся также преимущественно в разговорной речи, типа: *я стою смотрю, я лежу читаю, я сижу пишу* и соответственно *я постою посмотрю, полежу почитаю, посижу напишу* и т. д.

Так, в сочетании типа *возьму и скажу* обязательна форма совершенного вида для обоих глаголов. Здесь выбор видовой формы зависимого слова согласован с видовой формой главного. Исключением являются случаи, когда форма настоящего времени несовершенного вида у главного (первого) слова употреблена в значении будущего времени. В этом случае зависимое слово может стоять либо в форме будущего простого совершенного вида, либо в форме настоящего времени несовершенного вида, также употребленной в значении будущего. Ср. *иду позову или иду зову* (в значении — «сейчас пойду и позову»). Если последнее употребление для зависимого глагола невозможно, то он обязательно ставится в форме будущего простого, ср.: *иду почитаю*. Как видим, данное исключение также относится к разряду тех, которые подтверждают правило: здесь главное слово употреблено в значении будущего простого совершенного вида (ср. невозможность для будущего сложного совершенного вида — *буду ходить смотреть*²³), что и вызывает здесь согласование с ним совершенного вида зависимого слова (или аналогично переосмысленного несовершенного вида²⁴). Иными словами, принцип видо-временного согласования здесь не нарушается.

²² Сравним полную невозможность (или, в некоторых случаях, малую вероятность) аналогичных конструкций с причастиями; нельзя сказать **шедший спросивший* и т. п. Малоестественно звучат также конструкции типа *взявший спросивший*. Это свидетельствует о том, что формы времени глагола и причастия различаются по характеру — последние, как уже было сказано, во всех случаях не определяются связями слова в предложении, и, следовательно, не могут рассматриваться как варианты одного слова.

²³ В конструкции *буду ходить посмотреть* глагольная аппозиция распадается, и второй инфинитив выступает по отношению к первому в роли обстоятельства цели.

²⁴ Аналогичные примеры обратного порядка (возможность появления переосмысленной формы несовершенного вида зависимого слова при совершенном виде главного) встречаются чрезвычайно редко и находятся обычно на грани правильности: ср. *приду смотрю*. Косвенным образом это свидетельствует о механизме зависимости в данной конструкции, состоящем в подчиненном характере второго слова по отношению к первому — его свободное переосмысление (как в случае с первым словом) обычно оказывается невозможным.

Все сказанное позволяет считать также и формы вида членами одной парадигмы, поскольку, как видим, в некоторых позициях выбор этих форм обусловлен синтаксическими связями.

Таким образом, спорный вопрос о характере видовых форм, по которому, как известно, существует большая литература, мы склонны решать в пользу признания данной категории словоизменительной.

Однако, как известно, далеко не все глаголы имеют соответственные видовые пары. Случаи с отсутствующими видовыми парами естественно рассматривать как явления дефектной парадигмы, приписывая, таким образом, глагольной парадигме в целом два видовых варианта.

Наконец, употребление возвратной формы не обусловлено, по-видимому, синтаксическими связями. В тех случаях, где оказывается возможно употребление как возвратной, так и невозвратной формы, выбор из них никогда не бывает предопределен требованиями позиции. Это позволяет не считать залоговые противопоставления элементами глагольной парадигмы и рассматривать данные формы как отдельные самостоятельные слова того же грамматического класса.

Итак, глаголу приписывается парадигма по следующим категориям: наклонения, времени, вида, рода, лица и числа.

8) Инфинитив.

Выше уже говорилось о том, что инфинитив представляет собой грамматический класс. В пределах этого класса наблюдается варьирование видовых форм. Показателем этого варьирования могут служить те же контексты, что и для личных форм глагола, то есть соединения с глаголами *взять*, *стоять*, *сидеть* и некоторыми другими. Здесь в случае употребления инфинитива также происходит взаимное корректирование видовых форм у двух слов:

взять и сказать; (он мог часами) сидеть писать, ср. посидеть пописать т. п.

Таким образом, классу инфинитивов может быть приписана видовая парадигма. В этом случае, так же как и у глаголов, дефектной может считаться парадигма слов, не имеющих соответственных видовых пар.

9) Квази-императив.

Этим наименованием мы обозначили формы, омонимичные глагольному императиву второго лица единственного числа, но употребляемые, в отличие от последнего, без координации форм лица и числа. Относительно данной формы можно сказать то же, что было сказано об инфинитиве: она обнаруживает в контекстах, аналогичных инфинитиву и глаголу, ограничение сочетаемости видовых форм, что позволяет и для данного класса говорить о видовой парадигме. Ср.:

а он *возьми и упади*, (я) *сиди (себе) и пиши*, но он *сядь и напиши*.

10) Связка.

Особый класс представляет собой, по-видимому, совокупность форм от *быть*. Дистрибутивные возможности этих форм отличаются от дистрибутивных возможностей глагола. Действительно, специфика этих форм определяет их употребление, в частности, в составе аналитических конструкций. Аналитической конструкцией можно в данном случае считать сочетание слов, являющихся позиционным вариантом, членом парадигмы одного слова и противопоставляемое в парадигматическом ряде словоформам этого слова. Так, сочетание слов *буду летать* является в этом смысле аналитической конструкцией, так как входит в парадигму слова *лечу*, противопоставляясь его отдельным словоформам как позиционный вариант. Например, в контекстах *взял и летал* — *возьму и буду летать* замена словоформы целой конструкцией оказывается позиционно обусловленной. С другой стороны, словосочетание, например, *начну летать* не является аналитической конструкцией, так как не может быть представлено как позиционный вариант одной словоформы: ср. *взял и начал летать* — *возьму и начну летать*.

Далее, связка может сочетаться с классом предикативов, что невозможно для глаголов: *пора было*²⁵. Наконец, связка может сочетаться с именительным предикативным субстантивных слов, тогда как глагол допускает в современном русском языке только форму творительного падежа субстантива: ср. *был сторож (сторожем)*, но *служил сторожем*.

С другой стороны, некоторые глагольные позиции оказываются невозможными для рассматриваемых связочных форм. Так, большинство глаголов сочетается с зависимым инфинитивом: *начал писать, приехал учиться* и т. д. Связка с инфинитивом не сочетается²⁶ (за исключением, конечно, тех случаев, когда она входит в состав аналитической конструкции).

Наличие особых позиций позволяет рассматривать связочные формы как отдельный класс. Какие же формы образуют парадигму данного класса? Прежде всего, это формы времени

²⁵ Ввиду обычной соотносительности предикативов и наречий (сочетающихся с глаголами) данное различие можно показать только на примере предикативов, не являющихся производными от наречий.

²⁶ Впрочем, соединение связки с инфинитивом встречается в некоторых конструкциях разговорной речи: *было (бы) ему оглянуться*. Но данные конструкции малоупотребительны, а главное, даже в этом случае связка оказывается соединенной с инфинитивом только в безличной форме, тогда как большинство глаголов сочетается с инфинитивом во всех формах. (В безличной форме, кстати, соединяются с инфинитивом и те глаголы, которые в принципе не обладают данным типом сочетаемости: *случилось ему идти*... — ср. *случилось такое происшествие*, где инфинитив невозможен).

и склонения. Позиционно обусловленный характер этих форм выявляется в таких, например, контекстах: *он был (будет) студентом — он студент*. Здесь форма имени (именительный или творительный предикативный) оказывается позиционным определителем временной формы связки. При этом в качестве одного из членов парадигмы (соответствующего настоящему времени) в данном случае выступает нулевой показатель. Последний, следовательно, может быть представлен как позиционный вариант форм *был/будет*.

Правда, в русском языке в некотором (весьма ограниченном) числе случаев оказывается возможным употребление творительного предикативного при нулевой связке. Однако такое употребление связано с дополнительным позиционным условием, в нормальной речи являющимся обязательным, — наличием частиц типа *здесь* или *всё*.

Мне в сумерках ты всё пансионеркою,
Все — школьницей (Б. Пастернак).

Таким образом, выбор форм *был/буду*, с одной стороны, и «нуль», с другой, в ряде случаев позиционно обусловлен. Вследствие этого и формы типа *был — буду*, как равно образующие вариативный ряд с нулевой формой, могут рассматриваться в качестве членов одной парадигмы.

Наконец, еще одна форма, *есть*, также оказывается позиционно обусловленным вариантом нулевой формы. А именно, творительный предикативный в сочетании с частицами *здесь*, *всё* является той позицией, в которой из этих двух форм возможна только последняя; форма же *есть* употребляется только при именительном предикативном. Следовательно, выбор и из этих двух форм в некоторых случаях диктуется требованиями позиции.

Итак, временную парадигму связки образуют четыре формы (вернее, четыре группы форм): *был* (и др.) — *есть*²⁷ — (нуль) — *буду* (и др.).

Далее, связка обладает парадигмой по склонению, что обнаруживается, например, в таких контекстах: *взял бы да и был летчиком* (где *бы* относится и к глаголу, и к связке) — *возьму и буду летчиком — возьми и будь летчиком*.

Наконец, связка обладает формами рода, числа и лица, вариативный характер которых выявляется в контекстах, аналогичных глагольным.

Итак, парадигма связки включает формы склонения, времени, рода, лица и числа. От глагольной данная парадигма отличается, как видим, только отсутствием видовых вариантов.

²⁷ Во множественном числе свободным вариантом этой формы является в современном языке форма *суть*.

Остается добавить, что к выделенному здесь грамматическому классу в русском языке принадлежит лишь одно слово *быть* во всех своих спрягаемых формах. При этом необходимо, конечно, отличать данную связку от омонимичного ей глагола. В литературе обычно обращается внимание на семантическое различие данных омонимов — наличие значения бытия у глагола и отсутствие лексического значения у связки. Однако необходимо подчеркнуть, что между данными омонимирами имеются и формальные различия, обусловленные различиями грамматических классов глагола и связки. Так, глагол *быть* сочетается с инфинитивом (ср. *он был утром пригласить нас...*), но утрачивает способность сочетаться с предикативами и именительным предикативным субстантивных слов. Данный глагол имеет противопоставление по виду: хотя его видовая парадигма дефектна (как и у многих глаголов), но он принадлежит к несовершенному виду (в отличие от связки, не имеющей вовсе формы вида), что доказывается наличием производных слов совершенного вида, напр., *пробыть*.

11) Укажем далее на группу слов в русском языке, занимающих промежуточное положение между формальными классами глаголов и связки. Это слова, известные в грамматике как «полузнаменательные связки», — *стать, являться, казаться, оказаться, делаться*. Правильно указывая на промежуточное положение данной группы слов, грамматика обычно обосновывает это чисто семантическими критериями, указывая на «неполноту лексического значения». Однако следует подчеркнуть, что данная группа слов занимает переходное, промежуточное положение прежде всего по чисто формальным признакам: она обладает некоторыми признаками глагола и некоторыми — связки. С глаголами их объединяет наличие видовой парадигмы, наличие ненулевой формы настоящего времени, неспособность участия в образовании аналитической формы будущего времени глагола, наличие у самих этих слов аналитического будущего времени (*будет казаться*). С другой стороны, со связкой данные слова объединяет отсутствие сочетаний с инфинитивом²⁸, способность соединяться с предикативами (*стало жаль, оказалось пора*), способность соединяться с именительным предикативным субстантивных слов (*он стал*

²⁸ Здесь, как и у слова *быть*, надо различать омонимию глаголов и полузнаменательных связок. Часть глаголов, омонимичных данным словам, могут сочетаться с инфинитивом (*он явился представиться*). Интересно, что глагол *стал* (в значении «начал, принялся») также является полузнаменательным, однако это другое слово, имеющее другое значение (связка *стал* обозначает завершение, а глагол — начало: *стал офицером* — значит «превратился (уже) в офицера», «закончил процесс превращения в офицера»; *стал писать* — значит «начал писать»). Из этого, между прочим, следует, что не семантический, а именно формальный критерий позволяет отнести рассматриваемые слова к особой промежуточной группе.

офицер). Если свести все данные признаки в таблицу, обозначив наличие некоторого признака как + и отсутствие как —, оказывается наглядно представленным противопоставление глагола и связки и промежуточный характер «полузнаменательных связок».

Признаки \ Класс слов	Глагол	Полу-связка	Связка
Наличие видовой парадигмы	+	+	—
Наличие нулевой формы настоящего времени	—	—	+
Наличие аналитической формы будущего времени	+	+	—
Способность образовать с инфинитивом глагола аналитическую форму будущего времени	—	—	+
Сочетаемость с инфинитивом (не в безличных конструкциях)	+	—	—
Сочетаемость с предикативами	—	+	+
Сочетаемость с именительным предикативным субстантивных слов	—	+	+

Промежуточный характер описываемого класса заставляет задаться вопросом, каким может быть его морфологическое определение. С этой точки зрения важными представляются некоторые тенденции, характеризующие данную группу слов в современном русском языке. С одной стороны, можно заметить тенденцию утраты ими части глагольных признаков и сближения с чистой связкой. Так, для некоторых слов непродуктивным оказывается видовое противопоставление в связи с тем, что конструкции с одной из форм вида в роли связки отмирают. Такие фразы, как *он явился выдающимся руководителем*, лежат уже на грани норм современного языка. То же можно сказать и о формах аналитического будущего времени: ср.: *он будет являться (становиться) выдающимся руководителем*.²⁹

Но с другой стороны, в языке замечается и противоположная тенденция к утрате некоторых «связочных» признаков, сближающей данные слова с глаголами. Таково прежде всего

²⁹ Интересно, что и здесь (как и в случае сочетаемости с инфинитивом) безличная конструкция (и, шире, конструкция в форме среднего рода) оказывается более «терпимой» и допускает подобные обороты, уже невозможные при формах мужского и женского рода. Ср. *дерево будет становиться все суше...* и т. д.

отмирание конструкций с именительным предикативным субстантивных слов. Со словами типа *стать, казаться* и т. д. данные конструкции уже в настоящее время являются малоупотребительными и приобретают архаический оттенок (ср. *он сделался храбрый офицер*).³⁰

Таким образом, данную группу слов не характеризует тяготение в одном определенном направлении, по отношению к одному грамматическому разряду. Имеют место процессы противоположно направленные, и к тому же далеко не одинаково ясно проявляющиеся у различных отдельных слов. Это позволяет охарактеризовать данную группу как грамматически устойчивую в современном языке и заставляет считать ее особым грамматическим классом. Назовем этот класс полусвязкой. Его парадигма имеет то же строение, что и глагольная.

12—15) Соответственно отглагольным формам (классы 8—9) могут быть выделены аналогичные связочные формы — связочный инфинитив и связочный квази-императив, а также полусвязочные инфинитив и квази-императив. Данные группы слов вполне соотносительны с соответствующими глагольными. В частности, квази-императив от связки и полусвязки сочетается со всеми формами лица и числа местоимений, как и глагольный квази-императив: *будь я на твоём месте... , стань мы летчиками...* и т. д.

Полусвязочный инфинитив и квази-императив, как и соответствующие глагольные классы, имеет видовую парадигму. Связочный инфинитив и квази-императив не имеют словоизменительной парадигмы.

Нам осталось рассмотреть ряд слов, употребление которых в речи характеризуется одной общей позицией — возможностью выступать со связкой в составе именного сказуемого. В то же время другие дистрибутивные характеристики этих слов частично не совпадают, что позволяет здесь выделить еще несколько формальных классов.

Речь идет о словах, которые в традиционном описании составляют следующие пять групп:

- а) краткие причастия (*читаемо, выбито*);
- б) краткие прилагательные (*хорошо, зелено*);

(выше уже было показано, что слова данных разрядов не сливаются в один класс с полными прилагательными и причастиями);

в) «категория состояния», или предикативы (сюда мы относим только те слова, которые не имеют аналогий среди слов

³⁰ Впрочем, именительный предикативный субстантивных слов отмирает в современном русском языке повсеместно, в том числе и в конструкциях с чистой связкой. Но в последнем случае данный процесс совершается значительно медленнее, и подобные конструкции в настоящее время еще достаточно широко распространены.

других перечисляемых здесь разрядов — например, *стыд, грех, горе*),

г) наречия (обстоятельственные) — *здесь, вчера*;

д) сравнительная степень прилагательного (также, как указывалось, не входящая в парадигму последнего) — *лучше*.

Рассмотрим, как можно сгруппировать данные типы с точки зрения их дистрибутивных возможностей.

Во-первых, в этом плане четко противопоставленными оказываются типы а) и в). Каждый из них обнаруживает позиции, невозможные для другого. Так, тип а) может употребляться в сочетании с личным местоимением (*она читаема, он избит*), в сочетании со словами типа б) — *хорошо читаема, сильно избит*. С другой стороны, для типа в) специфическими являются позиции при дательном падеже субстантивного слова (*грех ему*) и в сочетании с инфинитивом (*грех думать*).

Далее, так же четко противопоставленными оказываются тип а), с одной стороны, и типы г), д) — с другой. В данном противопоставлении специфическим для типа а) является сочетание со словами типа б) (см. выше), а для типов г) и д) — сочетание с глаголом (*пришел вчера, пришел быстрее*) и с инфинитивом (аналогично).

Наконец, тип в) в свою очередь противопоставляется типам г) и д). Здесь специфическими являются, с одной стороны, сочетание с атрибутивным классом (*большой грех так думать, какой стыд так поступать*), с другой же — позиция при глаголе (см. выше).

Итак, мы видим четкое противопоставление дистрибутивных возможностей а) — в) — г), д). В то же время дистрибуции последних почти совпадают. Правда, дистрибутивные возможности типа д) шире, поскольку включают одну позицию, отсутствующую у типа г) — при дательном падеже (*ему лучше*). Это позволяет говорить о том, что тип г) оказывается включенным в тип д) как его частный случай. Перед нами, следовательно, представители одного класса.

Нам осталось рассмотреть место в данной системе противопоставлений типа б). Данный тип может быть противопоставлен типу в) (поскольку может соединяться с номинативом, но зато не может выступать в сочетании с атрибутивным словом, как тип в)). Противопоставление можно обнаружить и с типом д): с одной стороны, слова типа б) обнаруживают специфическую сочетаемость с типом а) — *захватывающе интересно*, с другой — для слов д) характерна сочетаемость с особым классом слов типа *много, намного, значительно, гораздо, куда*, о которых еще будет сказано ниже.

С другой стороны, тип б) по своим дистрибутивным возможностям включает тип а), поскольку обнаруживает способность употребляться во всех позициях, свойственных последне-

му, плюс еще в некоторых — при инфинитиве (*хорошо ведет*), глаголе (аналогично), при дательном субъекта (*ему хорошо*). Следовательно, эти две группы слов можно рассматривать как один класс.

Таким образом, мы можем говорить еще о следующих классах слов:

16) Краткие прилагательные (название, разумеется, здесь условно). Сюда вошли, как мы видели, слова первых двух групп, то есть собственно краткие прилагательные и причастия. Этот класс характеризуется родовой парадигмой, поскольку нетрудно показать позиционную обусловленность форм рода в некоторых случаях (*он хорош, она хороша*).

17) Предикативы³¹. Слова данного класса не имеют парадигм. Иногда, правда, говорят об «аналитических формах времени и наклонения» у этих слов. Однако, по нашему мнению, сочетания типа *жаль было, жаль было бы* и т. п. не являются аналитическими конструкциями. Действительно, их нельзя представить как позиционные варианты каких-либо отдельных словоформ (поскольку выбор формы *жаль* или *жаль было* не обусловлен позиционно ни в каких случаях). Следовательно, здесь перед нами сочетание двух грамматически самостоятельных элементов, а формы времени принадлежат одному из них, а именно связке.

Эккурс 3. Вопрос о безлично-предикативных словах

Нам уже приходилось указывать на параллелизм некоторых явлений в сфере имени и глагола в русском языке (например, именное и глагольное приложение). Соотношение предикативов и кратких прилагательных также вызывает известную ассоциацию в глагольной сфере. Речь идет о соотношениях личных и безличных глаголов.

В самом деле, с точки зрения употребительности в безличных конструкциях все глаголы могут быть разделены на три группы:

а) глаголы, допускающие только личное употребление и способные появиться в безличной конструкции только окказионально: *читаю, говорю* и т. д.

б) Глаголы, употребляющиеся только в безличных конструкциях, то есть так называемые безличные глаголы — *светает, нездоровится* и т. д.; такие глаголы имеют только безличную форму (третьего лица, единственного числа настоящего времени или среднего рода, единственного числа прошедшего времени) и лишены полной парадигмы, так как никогда не употребляются в других позициях.

в) Глаголы, способные к употреблению как в личной, так и в безличной конструкции: *стучит, пахнет* и т. д. В личных конструкциях у этих слов свободно варьируются формы рода, лица и числа, как у глаголов группы а). В безличной они застывают в форме третьего лица (среднего ро-

³¹ Мы используем здесь термин А. В. Исаченко (См. А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словачским, т. 1, Братислава, 1954.). Однако, как было показано, к данной группе мы относим лишь немногие специфические слова, резко обособленные от омонимичных им форм или вообще не имеющие таковых.

да) единственного числа, теряя противопоставление другим формам, то есть уподобляясь глаголам группы б).³²

Нетрудно заметить, что аналогичная ситуация наблюдается в сфере именных предикативных (то есть употребляющихся преимущественно или исключительно в роли сказуемого) слов. Здесь существуют также три группы:

а) Слова, употребляемые только в составе личных конструкций (и появляющиеся в безличной позиции только окказионально): *красный, быстрый*. Данные слова обладают характерной именной адъективной парадигмой по роду и числу.

б) Слова, употребляющиеся только в безличных конструкциях — безлично-предикативные слова, или предикативы: *жаль, грех, пора*. Эти слова неизменяемы.

в) Слова, допускающие оба вида употребления — *грустно, хорошо, тихо*. В личной конструкции они обладают парадигмой по роду и числу, как слова группы а), в безличной — застывают в форме среднего рода единственного числа, теряя соотносительность с другими формами рода и числа (то есть уподобляясь неизменяемым словам группы б).

Чем можно объяснить подобный параллелизм? Известно, что позиция сказуемого ассоциируется с глагольностью, и потому именные слова, закрепляясь в этой позиции, подвергаются «оглаголиванию». Именно так объясняется обычно образование безлично-предикативных слов — своего рода «промежуточной станции» между именем и глаголом³³. Однако в связи с изложенным выше нам представляется, что данный процесс имеет не одностороннюю, а двустороннюю направленность. Перед нами не движение имени к глаголу, а нейтрализация противопоставления глагола и имени в определенной позиции. Такой позицией не случайно оказывается безличная конструкция, в которой отсутствует противопоставление субъекта и предиката. Данную особенность обычно квалифицируют как устранение субъекта, тогда как и предикат здесь, не апплицируясь к субъекту, теряет фактически свою функцию. Вот почему данная позиция благоприятствует нейтрализации имени и глагола как морфологических классов, составляющих формальный фундамент оппозиции «субъект — предикат». Попадая в состав безличной конструкции, как имена (прилагательные), так и глаголы утрачивают свою парадигму, то есть свои характерные грамматические категории, а вместе с ними — и свое категориальное значение³⁴. При этом нейтрализацией противопоставления категориальных значений «действие — признак» оказывается значение состояния, то есть (согласно общему закону нейтрализации) общая часть, которая наличествует у обоих противопоставляемых членов (действительно, понятие состояния входит как составная часть и в понятие признака, и в понятие действия, процесса)³⁵. В самом деле, и глаголы, и имена в безличной конструкции выражают состояние — в противоположность значению действия или признака в личной конструкции.

³² Это дает даже основание считать, что в безличном употреблении данные глаголы выступают в особой безличной форме, омонимичной соответствующей личной. См. В. В. Виноградов, *Русский язык*, М., 1947, стр. 464—465.

³³ В. В. Виноградов, *ук. соч.*, стр. 402—405.

³⁴ О том, что описанное явление представляет собой именно нейтрализацию, а не «движение глагола к имени», свидетельствует тот факт, что здесь перед нами (с обеих сторон) не приобретение новых свойств (формальных или семантических), а утрата своих собственных (парадигмы и категориального значения). Мы уже имели случай заметить, что приписывание предикативам категории времени и наклонения считаем ошибочной, так как конструкции типа *было жаль* нельзя считать аналитическими.

³⁵ В сущности, признак и процесс противопоставляются по характеру их аппликации к субъекту (признак как постоянная, статическая, процессе как переменная, динамическая характеристика субъекта); поэтому с устранением субъекта устраняется и данное противопоставление.

Первоначально безличная конструкция выступает лишь в роли одной из позиций, в которой нейтрализуется противопоставление, действующее во всех других случаях. Для большинства слов (как имен, так и глаголов) такое положение сохраняется и сейчас. Для этих слов нейтрализация является чисто синтаксическим явлением, она не морфологизована. Вот почему нецелесообразно расширять морфологический класс предикативов, включая в него слова типа *хорошо*, *грустно*. Безлично-предикативное употребление этих слов параллельно и аналогично безличному употреблению личных глаголов (которые в принципе продолжают считаться — и справедливо — личными глаголами). Но со временем³⁶ данное явление закрепляется в языке, отлагается в его формах, и это приводит к образованию морфологических групп слов, которые характеризуются специфическим употреблением в безличной конструкции, нейтрализацией парадигмы (утратой противопоставлений по роду, лицу и числу) и значением состояния, которое становится их категориальным значением. Такие группы выделяются как из сферы имен, так и из сферы глаголов, приводя к образованию предикативов, с одной стороны, и безличных глаголов, с другой³⁷.

18) Приглагольные наречия. Под этим условным наименованием можно объединить сравнительную степень прилагательных и обстоятельственные наречия (способные примыкать к глаголу, но не сочетающиеся с номинативом). Данный класс также не обладает парадигмой.

19) Остается сказать еще о небольшой группе слов, упоминавшейся уже выше, — таких, как *много*, *гораздо*, *значительно* и т. п. Эти слова характеризуются особым кругом позиций. С одной стороны, они не сочетаются с глаголом и инфинитивом (что отличает их от трех выделенных выше классов), и в то же время обладают специфической сочетаемостью с прилагательными сравнительной степени. Это позволяет говорить о данных словах как об особом классе, который может быть назван — приименные наречия. Данный класс, разумеется, также лишен парадигмы³⁸.

20) Деепричастия. Данные слова составляют особый по своим дистрибутивным характеристикам класс, противопоставляемый, в частности, типам 16—18 благодаря, с одной стороны, способности участвовать в обособлении при глаголе, с другой — неспособности выступать в роли сказуемого. Видовые пары деепричастий должны быть признаны отдельными

³⁶ Характерны нередко встречающиеся в литературе указания на поздний характер становления предикативов (о чем говорит и их производный характер) и безличных глаголов, которые в древнерусском языке могли употребляться и в личных конструкциях.

³⁷ Впрочем, следует заметить, что поскольку описанный процесс протекает в формальной позиции сказуемого, безличные глаголы сохраняют более тесную связь с личными (категории времени, наклонения и вида, некоторые особенности сочетаемости), чем предикативы — с краткими прилагательными. Это дает основание не выделять безличные глаголы, в отличие от предикативов, в особый морфологический класс, а рассматривать их в качестве подкласса глаголов.

³⁸ Не следует смешивать данный класс с внешне похожими словами типа *очень*, *чрезвычайно*, *куда как* (ср. *куда*). Данные слова как раз сочетаются с глаголами (*очень волновался*, *куда как размахнулся*) и могут быть поэтому квалифицированы как приглагольные наречия.

словами, так же как у причастий: их выбор нигде не обусловлен согласовательными связями. Таким образом, данный класс, как и предыдущие, не имеет парадигмы.

2) Наконец, особый по своим дистрибутивным свойствам класс слов образует междометия.

Мы рассмотрели формальные классы современного русского языка. Поскольку данное исследование имеет для нас лишь побочное значение — оно необходимо как база дальнейшего синтаксического описания, — мы ограничились здесь относительно подробным рассмотрением только классов слов, занимающих самостоятельные синтаксические позиции, то есть тех классов, с которыми в дальнейшем предстоит иметь дело при представлении структуры предложений. Классификация служебных слов, как уже отмечалось, не входит поэтому в наши задачи.

С помощью предложенных здесь классов мы можем представить структуру любого предложения русского языка. Мы можем также рассмотреть, какие из элементов парадигмы тех или иных классов конституируют парадигму синтаксической структуры в целом. Важно отметить, что благодаря полученной классификации мы получаем возможность отвлекаться от частных особенностей парадигм тех или иных слов, поскольку все отклонения подобного рода мы можем теперь квалифицировать как дефекты парадигмы. Благодаря этому дальнейшее описание синтаксических структур может вестись уже исключительно в терминах формальных классов, образующих эти структуры, и в отвлечении от конкретного лексического наполнения — то есть именно на том уровне рассмотрения, который предполагается с самого начала, исходя из построенной модели порождения предложения.

Экскурс 4. Нейтрализация морфологических противопоставлений

В заключение всего сказанного о морфологических классах необходимо добавить несколько слов о случаях перехода в другой функциональный класс. Такой переход может быть зафиксирован, если сочетаемость какого-либо слова в речи изменяется и окказионально начинает совпадать с сочетаемостью другого класса. Например, слова адъективного класса могут приобретать свойства субстантивов: подчиняют себе другие слова адъективного класса (*старый знакомый*), вступают в аппозитивные сочетания с субстантивами (*мороженое-эскимо*) и т. д.

Можно выделить два случая морфологической нейтрализации. Первый — когда слово, переходя в новый морфологический класс (и приобретая новые свойства), сохраняет, тем не менее, некоторые из своих изначальных грамматических свойств. Примером может служить субстантивация прилагательного, при которой слово, застывая в одной определенной форме рода, сохраняет все же первоначальное родовое значение: существительное *рабочий*, в отличие от соответствующего прилагательного, не соотнесено с другими формами рода, но, как и прилагательное, сохраняет свою собственную форму мужского рода. Аналогичные примеры — переход глагола в связку (с сохранением формы вида), употребление краткого прилагательного в безличной

конструкции в роли предикатива (с сохранением формы среднего рода). Назовем такую нейтрализацию частичной. Она возможна лишь между морфологическими классами, имеющими какие-то общие формы, и при этом, как правило, сохраняется известная связь между нейтрализованным словом и его первичным состоянием.

Более глубокой является нейтрализация — назовем ее полной, — при которой слово теряет все свои первоначальные грамматические свойства. Такая нейтрализация оказывается возможной уже не только между близкими, но и далекими классами слов. Например, глагол употребляется в роли существительного: *Громкое «бежим» послышалось рядом*. Здесь слово *бежим* (как показывает его, согласование с прилагательным), вопреки своей первоначальной форме множественного числа, приобретает форму единственного числа (а также среднего рода, именительного падежа).

Но ошибочно было бы думать, что смысл полной нейтрализации, в отличие от частичной, состоит в соотношении далеких морфологических классов. Ее сущность — в полной деформации нейтрализуемого слова, полном пренебрежении к его исходному грамматическому облику, исходному состоянию, а следовательно, и разрыв связей с последним. Данное явление наблюдается и между словами близких грамматических разрядов, и даже одного разряда (ср. *Громкое «пожар!» послышалось...*, — где слову *пожар*, хотя и выступающему в своей собственной роли существительного, приписывается форма среднего рода)³⁹.

Интересно заметить, что в русском языке весьма распространена нейтрализация (как частичная, так и полная) в сфере имен, и в частности, переход глагольных классов слов (как, впрочем, и любых других) в существительное.⁴⁰ В то же время переход именных слов в глагол не наблюдается. Это свидетельствует о том, что в противоположении глагола и имени глагол выступает в роли сильного (маркированного) члена.

Во всех случаях, подобных описанным выше, мы будем определять парадигму слова как парадигму того класса, в который оно перешло. Так, формы *знакомый* и *знакомая* в контекстах типа *мой знакомый, моя знакомая* будут рассматриваться как разные слова (подобно существительным), в то время как в контекстах типа *знакомый дом, знакомая аллея* эти формы будут квалифицироваться как члены одной парадигмы.

Такова в основных чертах система морфологических классов слов современного русского языка, выводимая из сформулированных в начале нашего исследования исходных принципов. Данная система, в свою очередь, призвана служить базой для дальнейшего описания синтаксических структур, поскольку теперь оказывается возможным для каждого предложения русского языка представить его формулу в терминах морфологических классов и исчислить его парадигму на основании парадигматики слов, входящих в данную формулу. Конечно, собственно синтаксическая парадигма далеко не обязательно будет совпадать с данным исчислением. Она может быть

³⁹ Ошибочно, конечно, было бы полагать, что средний род прилагательного относится здесь к «подразумеваемому» элементу «слово» (ср. *Громкое слово «пожар!»...*). Против этого соображения говорит хотя бы тот простой факт, что в позицию существительного в данном контексте можно поставить не одно слово, а словосочетание, фразу или даже целый текст любой длины, но при этом форма среднего рода единственного числа у прилагательной не изменится, напр., *замечательное «Мой дядя самых честных правил»...* (и т. д. весь роман) — *произвело на нас огромное впечатление*.

⁴⁰ Не говоря уже о том, что из сферы глагола выделялись целые морфологические разряды слов, вошедшие в сферу имени либо тяготеющие к ней (причастие, инфинитив, дееспричастие).

шире последнего: например, личные местоимения в нашем описании не составляют морфологической парадигмы, но соотносительные предложения с разными личными местоимениями (я *иду* — ты *идешь*) образуют синтаксическую парадигму, поскольку могут выступать в качестве позиционных вариантов в окружении других предложений. С другой стороны, синтаксическая парадигма может быть уже морфологической парадигмой слов, образующих формулу предложения. Так, в составе неопределенно-личного предложения (*идут*) глагол теряет присущую ему как представителю соответствующего морфологического разряда способность варьировать формы лица и числа.

Данные различия вполне понятны: если бы синтаксическая парадигма всегда сводилась к сумме составляющих ее морфологических парадигм, она не представляла бы никакого самостоятельного интереса как предмет изучения. Несмотря на эти различия, установление морфологических парадигм слов, входящих в предложение, создает определенную предпосылку для определения синтаксической парадигмы. Именно описание таких, создаваемых языком, его морфологическим строем, предпосылок, своего рода «строительного материала» синтаксических парадигм, составляло цель настоящего исследования.

О ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ -К-

П. С. Сигалов

Восстановление словообразовательных моделей праславянского языка является одной из важных и трудных задач славянского языкознания. В настоящей статье будет сделана попытка охарактеризовать одну из таких моделей — тип прилагательных с суффиксом -к-.

Прилагательные с суффиксом -к- есть во всех славянских языках. Целый ряд вопросов, связанных с появлением и функционированием этой группы слов, не вполне выяснен: условия формирования прилагательных на -к-, взаимоотношение между вариантами суффикса (ср., например, рус. *высокий*, *низкий*, *великий*), первоначальное значение формаций, причины отсутствия суффикса в формах сравнительной степени некоторых прилагательных этого типа. Не претендуя на решение названных проблем, мы хотели бы только обратить внимание на некоторые детали, связанные с историей группы прилагательных на -к-.

1. Как известно, в общеславянском языке прилагательные, относившиеся к *ǐ*- и *ĩ*-основам, перешли в тип с основой *o* (муж. и ср. род), *a* (жен. род). Сходные образования в других индоевропейских языках говорят о первоначальной принадлежности к типу на *ǐ* многих славянских прилагательных с суффиксом -к-. Р. Эккерт в своей хорошо аргументированной работе¹, суммируя данные о прилагательных с *ǐ*-основой, к этому типу относит **dbrzǫkǫ*, **kortǫkǫ*, **lgǫkǫ*, **ozǫkǫ*, **soldǫkǫ*, **ʔbnǫkǫ*, а также два прилагательных без к-расширения: **vetǫxǫ*, **čǫlǫ*. Прилагательные **bǫrz/dǫ*, **moldǫ*, как считает Р. Эккерт, не могут быть бесспорно отнесены к типу на *ǐ*. Нужно сказать, что состав прилагательных с *ǐ*-основой в общеславянском языке требует дальнейших исследований.

¹ Р. Эккерт, Основы на *ǐ*- в праславянском языке. Ученые записки Института славяноведения, т. XXVII, М., 1963.

Г. И. Никулин к первоначальному типу на *й* относит значительно большее количество прилагательных, правда, нередко без серьезной аргументации². По его мнению, к основам на *й* относились прилагательные следующих разрядов: 1) с детерминативами **-p-*, **-s-*, **-d-*, **-t-*: **glupъ*, **gnusъnъ* (с суффиксом *ino*), **grъdъ*, **vetъxъ*, а также прилагательное от индоевропейской основы **men* /*menъ*/ **mъi*, ср. укр. *мугний*, рус. *мугный* и др.; 2) прилагательные с основой на *й*, расширенные присоединением тематического *-o-*: **rezъvъ*, **mъytъvъ*, **lъvъnъ*, **sъdgravъ*; 3) прилагательные с конечным *й*, которое перешло в *ѣ*: **brъzъ*, **golъ*, **gostъ*, **moldъ*, **milъ*, **bъdrъ*, **mъdrъ*, **sytъ*, **tixъ*; 4) с суффиксом **-k-*: **drъzъkъ*, **tъnъzъkъ*, **legъzъkъ*, *gladъzъkъ*, **sladъzъkъ* (так!), *kratъzъkъ* (так!), **ozъzъkъ*, **mekъzъkъ*; **tezъzъkъ*; 5) с суффиксом **-ino-*, **-no-/eno-/*: **goldъnъ*, **orъbnъ*. Как видим, в работе Г. И. Никулина к типу на *й* относится значительно большее количество прилагательных по сравнению с восьмью бесспорными случаями *й*-прилагательных в работе Р. Эккерт. Если исходить только из восьми прилагательных, приведенных в работе Р. Эккерт, можно отметить, что не все общеславянские прилагательные на *й* присоединили суффикс *-k-*. Кроме того, известно немало прилагательных с суффиксом *-k-*, которые не восходят к *й*-основам: *vysokъ*, *širokъ*, *glъbokъ*, *dalekъ*, *velikъ*.

Таким образом, нельзя сделать вывод, что все прилагательные на *й* приняли суффикс *-k-* (Г. Хирт, например, указывает, что в старославянском языке прилагательные на *й* всегда оформлялись суффиксом *-k-*³) и что суффикс *-k-* получали только прилагательные с первоначальной основой на *й* для перевода их в *o*-основу. Так, А. Мейе пишет: «Вторичный суффикс *-k-* использовался после прилагательных с основой *й* и *і*, он встречается также довольно часто у прилагательных с основой *o*, но не представляется возможным определить причину присоединения или неприсоединения вторичного суффикса»⁴.

2. Очень важен вопрос о первоначальном значении суффикса *-k-*, без этого трудно объяснить происхождение рассматриваемого адъективного типа. К. Бругман, проанализировав многочисленные типы именных образований с суффиксом *-k-*, устанавливает для них инвариантное значение «принадлежность к тому, что выражает именная основа; подобие тому, что

² Г. И. Нікулін, Індоевропейські прикметники з основою на **-μ-** *-eu-*, **-ou-* у праслов'янській мові. Структура і розвиток слов'янських мов. Слов'янське мовознавство, т. V, Київ, 1967.

³ Hermann Hirt, Indogermanische Grammatik, Teil III, Heidelberg, 1927, ст. 117.

⁴ A. Meillet, Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, Seconde partie, Paris, 1905, стр. 328.

выражает именная основа». Это — довольно неопределенное — значение реализуется, по его мнению, в таких подразделениях:

а) деминутивное значение, ср. лат. *ventriculus* к *venter* — живот, ст.-слав. *gradьсь* к *gradъ*, лит. *broliùkas* к *brolis* — брат;

б) значение подобия, включающее элемент сравнения, приводит к-образования к соприкосновению с компаративом, например, лит. *labòkas* — очень хороший, латыш. *labàks*; *aks* в латышском выступает как формант компаратива;

в) формант *-ко-* не привносит никакого нового оттенка в производное слово. «В санскрите обе формы часто настолько близки, что *-ка-* кажется чисто формальным элементом; часто *-ка-* присоединялось для образования более удобной для флексии формы основы, в поэзии — из соображений метрики»;

г) с помощью суффикса *-к-* образуются прилагательные от существительных.⁵

Мысль К. Бругмана о первоначально едином значений к-образований не встретила поддержки, и в дальнейшем лингвисты исходили из отдельных значений производных этого типа, иногда универсализируя одно из них.

Говоря о значении суффикса *-к-* в индоевропейских прилагательных, Г. Хирт устанавливает здесь два типа: 1) суффикс выступает в роли детерминатива, не изменяя значения исходного прилагательного. К этому типу Хирт относит славянские прилагательные с *й-*основой, а также частично индийские прилагательные; 2) значительно чаще *-ко-* является регулярным суффиксом, образующим прилагательные от существительных.⁶

А. Мейе считает, что в славянских прилагательных суффикс *-ко-* не изменяет смысла слов, в *gladùkù*, например, суффикс *-ко-* не прибавляет ничего к тому, что обозначает лит. *glodùs*. «В прилагательных *-ко-* служит только для того (в отличие от германского, греческого и т. д.), чтобы расширять уже существующие основы.»⁷ Н. Трубецкой предполагал, что суффикс *-ко-* прилагательных типа *ozòkъ* первоначально имел деминутивное значение и присоединялся к прилагательным, имеющим значение «маленький», не влияя на их семантику. Это совпадение значений основы и суффикса и послужило причиной вытеснения исходных прилагательных. Деминутивный суффикс *-ко-* мог присоединяться и к прилагательным с противоположным значением.⁸

З. Рысевич также считает, что первоначально славянские прилагательные на *-ко-* имели деминутивное значение, и при-

⁵ Karl Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Zweiter Band, Erster Teil, 1906, стр. 503.

⁶ Н. Hirt, ук. соч., стр. 284.

⁷ А. Meillet, ук. соч., стр. 324.

⁸ N. Troubetzkov, Les adjectifs slaves en *-ъкъ*. Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t. 24, fasc. 1, Paris, 1923, стр. 132.

водит примеры из современных западнославянских языков, в которых суффикс -к- выступает с уменьшительным или усиленным значением, например, лужицк. *matki* — польск. *malutki*, лужицк. *starki* — польск. *starszy*, лужицк. *šerki* — польск. *szarawy* — с элятивным значением; удвоенный суффикс -к-: лужицк. *welicki* — очень большой, лужицк. *dalocki* — очень далекий, лужицк. *širocki* — очень широкий; старопольск. и польск. диалектные: *wysoczki*, *dalczki*, *głęboczki* и т. д. — уменьшительные образования к *wysoki* и т. д.⁹ Но эти отдельные примеры не могут служить доказательством деминутивного (или иного количественного) характера общеславянских прилагательных с суффиксом -к-.

П. Арумаа считал, что развитие деминутивного суффикса -к- в славянском и балтийском относится к позднему периоду, т. е. он предполагает, что прилагательные с суффиксом -к- не имели уменьшительного значения.¹⁰ Правило образования деминутивов от существительных, изложенное в докладе Р. И. Аванесова на VI съезде славистов, подтверждает мнение П. Арумаа. Р. И. Аванесов устанавливает: «Долгота и краткость, а также качество гласной темы были, видимо, обусловлены характером основы производного существительного: гласные неверхнего подъема — долгая (т. е. *ā*) заменялась долгой гласной *i*, краткая (т. е. *ō*) — краткой гласной *ī*; гласные верхнего подъема *i* и *ū* сохранялись. Так получились суффиксы *-ik-* > *-ic-*; *-ik-* > *-yc-*; *-ūk-* > *-ѣк-*; ср.: *gorica*, *klětъca*, *zvěřъьь*, *domъkъьь*».¹¹ Если мы применим это правило к образованию прилагательных на -к- (а мы считаем это возможным, т. к. исходим из первоначально не дифференцированного именного значения основ типа *sold-*), то ему будет противоречить образование прилагательных на -ок- типа *vysokъьь*, *širokъьь*, восходящих, очевидно, к основам на *o*. Если бы суффикс -к- здесь выступал с деминутивным значением, то следовало бы ожидать не суффикса -ок-, а суффикса *-ik-*.

3. Остроумную, но необоснованную гипотезу происхождения славянских прилагательных с суффиксом -к- выдвинул Н. Трубецкой.¹² Указывая, что не логика, а психология важна в семантике, он разделил прилагательные с суффиксом -к- на две группы: а) прилагательные, обозначающие признаки, ко-

⁹ Z. Rysiewicz, Z morfologii przymiotników w bałtyckim i słowiańskim. Formacie z sufiksem *-*ko-*, Z. Rysiewicz, Studia językoznawcze, Wrocław, 1956, стр. 105—106.

¹⁰ Peeter Arumaа, Sur l'histoire des adjectifs en *u* en balto-slave. Slaviska institutet vid Lunds universitet, Arsbok 1948—1949, Lund, 1951, стр. 44.

¹¹ Р. И. Аванесов, К истории чередования согласных при образовании уменьшительных существительных в праславянском. Славянское языкознание, VI международный съезд славистов, М., 1968, стр. 6.

¹² См. N. Troubetzkoy, ук. соч.

торые производят впечатление чего-то большого или неприятного; б), прилагательные, обозначающие признаки, которые производят впечатление чего-то маленького или приятного. Ко второй группе он относит прилагательные *oꝛъkъ, tьnъkъ, lьgъkъ, gladъkъ, soldъkъ, kortъkъ, mekъkъ*. Этим прилагательным соответствуют в других индоевропейских языках параллельные формы на *u*: *oꝛъkъ* — санскр. *ahúh*, *tьnъkъ* — санскр. *tanúh*, *lьgъkъ* — санскр. *laghúh*, *gladъkъ* — лит. *glodùs*, *soldъkъ* — лит. *saldùs*, *kortъkъ* — санскр. *katúh*, *mekъkъ* — санскр. *man-kúh*. Именно эта группа прилагательных, по мнению Н. Трубецкого, является наиболее древней среди адъективных формаций на *-k-*. Суффикс *-k-* имел демунивативное значение и присоединялся к прилагательным группы б), не изменяя их значения. Т. е. существовали параллельные формы: с суффиксом и без него. Суффикс *-k-* присоединялся и к прилагательным группы а), но «они всегда сохраняли значение унижительности или уменьшительности и не могли замещать соответствующие неуменьшительные прилагательные».¹³ Впоследствии праславянский язык унифицировал типы склонения прилагательных. Это было осуществлено следующим образом: те прилагательные, смысл которых разрешал заменить их демунивативами на *-ko-*, были заменены этими последними. Прилагательные группы а) исчезли, не оставив никакого следа. Но поскольку существовала потребность в таких прилагательных, был создан новый суффикс *-oko-*, с помощью которого образовались прилагательные со значением «большое или неприятное». Более поздним появлением прилагательных *vysokъ, širokъ, glьbokъ, dalekъ* и объясняется отсутствие параллелей к ним в других индоевропейских языках. Теорию Н. Трубецкого принимает В. Махек: «*daleký* из *dalj-okъ*, суффикс *okъ* присоединен по аналогии к *široký... vysoký, hluboký*, прилагательные для обозначения больших размеров».¹⁴ А. Вайан считает тезисы Н. Трубецкого «отчасти спорными»,¹⁵ отрицательно относятся к ним З. Рысевич и П. Арумаа. Действительно, несмотря на свою стройность, теория Н. Трубецкого представляется искусственной. Прежде всего, вызывает возражение само распределение прилагательных: многие прилагательные, отмеченные, например, в старославянском языке с суффиксом *-ъk-*, не могут быть включены в группу б), ср. *стыдъkъ, мръзъkъ, слизъkъ* и др. Вряд ли сюда можно включить и общеславянское **gorъkъ*. Нет оснований относить к позднему периоду общеславянские

¹³ N. Troubetzkoj, ук. соч., стр. 132.

¹⁴ V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 79.

¹⁵ A. Vaillant, Les adjectifs slaves en *-ŭkŭ*. Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t. 31. 1931, стр. 43.

прилагательные **glōbokъ*, **širokъ*, **vysokъ*. Кроме того, остается непонятным сам факт «создания» суффикса -ок-. Как правильно отмечает П. Арумаа, теория Н. Трубецкого не объясняет существования параллельных форм типа *низкъ* и *низокъ*, *жестъкъ* и *жестокъ*.¹⁶

Многие авторы считают, что присоединение суффикса -к- к прилагательным объяснялось унификацией типов склонений прилагательного, вытеснением прилагательных *й*-основы. Так, например, Н. Трубецкой писал, что причастия и компаратив на *nt*, *us*, *is* имели формы женского рода на -*ja*-, и поэтому для перевода в *o*-основы они должны были только образовать формы мужского-среднего рода на -*jo*. Прилагательные *й*-основы имели формы женского рода на *ī* (этот вывод Н. Трубецкой делает, основываясь на единственном примере — ст.-слав. *неплоды*, которое он считает субстантивированным прилагательным) и были лишены возможности достроить формы мужского-среднего рода по аналогии к формам женского рода, как это было у причастий и компаратива. Отсюда — замена прилагательных на *й* параллельными образованиями с суффиксом -к- и утрата первых. Но против такого предположения говорят, во-первых, факты непосредственного, без суффикса -к-, перевода *й*-основ в *o*-основы, ср., например, ст.-слав. *дръзъ* (Супрасльск. рук.), др.-рус. *дързый*, чеш. *drzý*; др.-рус. *бързыи*, чеш. *brzý*, ст.-слав. *крѣнъ* (Бога сѹшта крѣна — Супрасльск. рук.¹⁷), общеслав. *сѣлъ*; а во-вторых, наличие прилагательных с суффиксом -к-, которые, очевидно, не восходят к *й*-основам. Р. Эккерт пишет: «... перевод атематических имен прилагательных в тематический тип мог осуществляться двояким образом: во-первых, путем расширения *й*-основы при помощи суффикса -ко- и, во-вторых, без расширения, заменой *й*-основы через *o*-основу». ¹⁸ Можно, таким образом, предположить, что, помимо принадлежности первоначальных форм к *й*-основе, был еще какой-то фактор, обусловивший присоединение суффикса -к- к исходному прилагательному. А. Вайан указывает на то, что исключение типа с *й*-основой дало возможность удобно противопоставить определенные и неопределенные формы: *sladŭkŭ* — *sladŭkyj*.¹⁹ П. Арумаа считает, что в основе сокращения типа прилагательных с *й*-основой лежат фонетические особенности конца слова и трудности создания сложных форм от таких прилагательных ²⁰. Как видим, мнения о причи-

¹⁶ Р. Арумаа, ук. соч., стр. 45.

¹⁷ Slovník jazyka staroslověnského, t. II, Praha, 1967, стр. 80.

¹⁸ Р. Эккерт, ук. соч., стр. 87.

¹⁹ A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, t. II, Deuxième partie, Paris, 1958, стр. 535.

²⁰ Р. Арумаа, ук. соч., стр. 95.

нах утраты прилагательных на *-й* и образования прилагательных с суффиксом *-к-* весьма различны. Большинство прилагательных на *-к-* зафиксировано в ранних памятниках славянских языков только в суффиксальной форме. Есть основания предполагать, что исчезновение прилагательных с *й*-основой и образование прилагательных с суффиксом *-к-* относится к раннему периоду общеславянского языка. Тогда как формы существительных с *й*-основой в памятниках представлены многочисленными примерами, что свидетельствует о позднем исчезновении этого типа, прилагательные на *-й-* в них встречаются очень редко. Ср., например, в Изборнике 1076 г.: *не дързоу быти словѣмь*²¹.

Можно предположить, что в раннюю эпоху общеславянского языка существовали простые слова-имена, недифференцированные прилагательные-существительные, качественное своеобразие которых проявлялось в зависимости от их синтаксической функции. О наличии таких слов в общеславянском языке говорит А. М. Селищев²². Сходные мысли высказывает и Л. П. Якубинский: «... отмечено, что в ряде случаев сравнительная степень прилагательных образуется не от прилагательного, а от соответствующего существительного: *ниже* образовано от *низъ* (*низје*), а не от *низѣкъ* (было бы *низѣче*), *гаже* образовано от *гадѣ*, а не от *гадѣкъ* (было бы *гадѣче*). Отсюда ясно, что в эпоху образования этих степеней сравнения имена *низъ*, *гадѣ* были столь же существительными, сколь и прилагательными, обозначали и предмет и свойство, иначе от них не могла бы быть образована степень сравнения; впоследствии *гад* в значении «гадкий» было оформлено суффиксом *ѣк*, *низ* в значении «низкий» тем же суффиксом. Но сравнительная степень к этим отдифференцированным прилагательным осталась прежняя (*ниже*, *гаже*)». И далее: «... суффикс *ець* (*ьць*) дифференцировал от имени *молодѣ*, которое первоначально обозначало и молодого человека и свойство молодости, название молодого человека: *молодѣць*; в данном случае не оформленная суффиксом основа закреплялась за прилагательным *молодѣ*, в то время как в *низѣкъ* неформенная основа закреплялась за существительным»²³.

Славянские языки сохраняют в отдельных случаях существительные, восходящие, как можно предположить, к таким недифференцированным именам. Ср., например, слав. *низѣкъ* — рус. *низ*, серб. *низ* — низина, *низ* в болгарском в роли предлога (ср. к истории такого употребления укр. *Сидить батько*

²¹ Р. Эккерт. ук. соч., стр. 89.

²² А. М. Селищев, Старославянский язык. Ч. II, М., 1952, стр. 53.

²³ Л. П. Якубинский, Из истории имени прилагательного. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, № 1, 1952, стр. 54.

кінець стола, Край дороги гне тополю); слав. *solǫžьkъ* — рус. *солод*, болг. *слад*, серб. *слад*, чеш. *slod*, польск. *stod* — все со значением «солод», нижнелужицк. *stod* — 1) солод, 2) сладость, сладкость, 3) вкус, вкусоность²⁴ (очень любопытно абстрактное значение, может быть, восходящее к древней эпохе); слав. *ozьkъ* — серб. *уз* — веревка, цепь, оковы, рус. *pl. tant. узы*; слав. *mrьzьkъ* — «общеславянское образование с помощью суффикса -зк- от *mrьzъ* — мерзкий (ср. жидкий, крепкий, сладкий и т. п.). Первоначальное значение *mrьzъ* — холодный²⁵» — ср. в украинском *мерза* — гадость, мерзость²⁶; слав. *blizьkъ* — укр. *близ* — близость, *коло близу* — вблизи: *Коло близу пошукав коня; Приступи до близу; Приступи, царенку, до близу, уклонись царівні до низу*²⁷.

Значительно чаще такие недифференцированные имена после отпочкования от них собственно прилагательных постепенно вытеснялись суффиксальными образованиями. Эти суффиксальные существительные, как правило, образованы от основ без -к-, и их принадлежность к тому или иному словообразовательному типу обычно говорит об их именном (а не глагольном, см. об этом ниже) происхождении. Ср. *krьrьzьkъ* — в ст.-слав. сохраняется *крЕль* — др.-рус. *крЕпость* — со значением «сила, крепость, мужество, твердость²⁸» — абстрактное значение; *vysokъ* — др.-рус. *высина, высость, высота*²⁹, рус. *высота*, чеш. *výšina, širokъ* — др.-рус. *ширина, широта*³⁰, серб. *ширина*, болг. *ширина*.

5. В 1931 г. А. Вайан установил определенные закономерности образования форм сравнительной степени в сербохорватском языке и, поскольку этот язык в значительной степени сохранил общеславянскую интонационную систему, предположил, что эти же закономерности действовали и в общеславянском языке³¹. А. М. Селищев проследил эти же тенденции в старославянском языке³². Согласно теории Вайана-Селищева,

²⁴ Ernst Muka, *Slovník dolnoserbskeje řeči a jeje narěcov*, t. II, Praha, 1928, стр. 433.

²⁵ Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, *Краткий этимологический словарь русского языка*, М., 1961, стр. 198.

²⁶ Б. Гринченко, *Словарь украинского языка*, т. II, Киев, 1958, стр. 418.

²⁷ Б. Гринченко, *ук. соч.*, т. I, стр. 74.

²⁸ И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. I, М., 1958, стр. 1352.

²⁹ И. И. Срезневский, *ук. соч.*, т. I, стр. 450—452.

³⁰ И. И. Срезневский, *ук. соч.*, т. 3, стр. 1594—1595.

³¹ A. Vaillant, *Le comparatif slave en éji*, *Révue des études slaves*, t. XI, fasc. 1—2, Paris, 1931.

³² А. М. Селищев, *ук. соч.*, стр. 132 сл.

образование форм сравнительной степени в общеславянском языке зависело от интонации именной основы и ее структуры.

Компаратив с суффиксом *jes/jīs* образовывался в следующих случаях: а) если именная основа была простой и имела циркумфлексную интонацию: **mōld* (рус. *мóлод*, серб. *млāд*): ст.-слав. *млажде*, рус. *моложе*, серб. *млāћи*; *xūd* — (серб. *xūd*) — ст.-слав. *хоужде*, рус. *хуже*, чеш. *chudši*; **sūx* — (серб. *sūx*): рус. *суше*, серб. *сјуши*, чеш. *sušši*; б) если в состав основы входил суффикс -к- (-*ѡк-*, -*ок-*), в образовании сравнительной степени этот суффикс не участвует: **vyс(окѡ)* — ст.-слав. *выше*, серб. *вјуши*, чеш. *vyšši*, рус. *выше*; **šīr(окѡ)* — ст.-слав. *шире*, рус. *шире*, серб. *шјури*, чеш. *šīrši*; **sold(ѡкѡ)*: ст.-слав. *слажде*, серб. *слāћи*, чеш. *sladši*, рус. *слаже* (*слаще* — более поздняя форма, результат контаминации со *сладче*).

Компаратив с суффиксом *ĕjes/ĕjīs* образовывался в случае, если: а) простая именная основа имела акутовую интонацию: **mīl* — (серб. *mōo*) — рус. *милее*, серб. *милију*, чеш. *mīlejši*; **slāb* — (серб. *slāb*) — рус. *слабее*, серб. *slāбију*; б) в состав основы входил суффикс (кроме суффикса -к-), в образовании форм компаратива эти суффиксы участвовали: **holdьn* — серб. *хлāднију*, рус. *холоднее*; **тъмьn* — серб. *тāмнију*, рус. *темнее*, чеш. *temnějši*.

Уже а ргіогі, применяя метод внутренней реконструкции, можно предположить, что в эпоху, предшествовавшую такой системе образования компаративов, когда еще не было суффиксальных дериватов от основ типа **nizъ*, **soldъ*, образование сравнительной степени зависело только от интонации простой именной основы. Неучастие суффикса -к- в формах компаратива, как указывал Л. П. Якубинский, делает возможным предположение, что компаративы первого типа образовались тогда, когда имена типа **nizъ*, **soldъ* еще не были расширены суффиксом -к-. Если принять, что первоначально (до появления суффиксальных образований с -к-) компаративы на *jes/jīs* образовывали именными основами с циркумфлексной интонацией, то можно высказать предположение, что интонационный характер именной основы (циркумфлекс) был причиной (или одной из причин) оформления этих основ суффиксом -к-, т. е. предположить, что существовала связь между интонацией именной основы и суффиксом, который оформлял ее. Если, согласно теории Вайана-Селищева, существовала в общеславянском языке зависимость между типом интонации именной основы и избираемым основой суффиксом сравнительной степени, то, может быть, этот же характер именной основы обуславливал присоединение того или иного суффикса. Как кажется, есть неко-

торые основания предполагать, что интонация именной основы была причиной расширения такой основы суффиксом *-k-*.

В. А. Дыбо в своей работе «Акцентология и словообразование в славянском»³³, исходя из акцентной парадигмы деноминативных глаголов на *-i-*, устанавливает, что имена **krěpъ*, **soldъ*, **bridъ* имели «подвижный акцент с «циркумфлексом» на начальном слоге в одних формах и конечным (на окончании) ударением в других»³⁴, т. е. эти имена несли циркумфлексную интонацию. Другой ряд, устанавливаемый В. А. Дыбо, это **blizъ*, **kortъ*, **rědъ*, **qzъ*, относящиеся к окситонному типу (ударение на окончании). В. А. Дыбо восстанавливает в этих именах новоаккутовую интонацию долготы, но новоаккутовая долготная интонация восходит к циркумфлексной, т. е. можно предположить, что первоначальной интонацией этих имен была циркумфлексная. Таким образом, целый ряд древнейших имен — **krěpъ*, **soldъ*, **bridъ*, **blizъ*, **kortъ*, **rědъ*, **qzъ* — имел циркумфлексную интонацию (в раннем общеславянском), которая, может быть, и была причиной того, что эти имена — при их дифференциации на существительные и прилагательные — избирали для «адъективации» суффикс *-k-*.

К примерам В. А. Дыбо представляется возможным добавить следующие.

Именная основа *vys*. Деноминативный глагол **vysiti* (ср. серб. висити³⁵), чеш. **vŷšiti* (из первоначального *vŷsiti*³⁶) имел, как можно предположить, акцентную парадигму типа б) (по В. А. Дыбо) и образовался от имени с акцентной парадигмой б), т. е. с ударением на окончании, что дает возможность предположить здесь новоаккутовую интонацию долготы, восходящую к первоначальному циркумфлексу.

Именная основа *dal*. Деноминативный каузатив **daliti* (ср. серб. дальити³⁷, чеш. *daliti/se*³⁸) относился к окситонному типу и был образован от имени с окситонной парадигмой, что дает основание предположить новоаккутовую интонацию имени, восходящую к более раннему циркумфлексу.

Именная основа *šir*. Деноминативный глагол **širiti* (срб. *širiti*, чеш. *širiti*) был образован (см. предыдущие примеры) от имени с циркумфлексной интонацией.

³³ В. А. Дыбо, Акцентология и словообразование в славянском. Славянское языкознание, VI международный съезд славистов, М., 1968.

³⁴ В. А. Дыбо, ук. соч., стр. 148, 157.

³⁵ Речник српскохрватског книжевног и народног језика, кн. II, Београд, 1962, стр. 652.

³⁶ J. Holub, F. Korešný, Etymologický slovník jazyka českého, Praha, 1952, стр. 427.

³⁷ Речник српскохрватског ... језика, кн. IV, 1966, стр. 34.

³⁸ Příruční slovník jazyka českého, Díl I, Praha, 1935—1937, стр. 354.

Таким образом, есть некоторые основания предполагать, что циркумфлексная интонация нерасчлененного имени была причиной (или одной из причин) расширения его суффиксом -к- при разделении на существительное и прилагательное. Это дает возможность объяснить появление суффикса -к- не только у основ типа **sold-*, **oz-*, **kort-*, которое обычно мотивировалось их принадлежностью к типу на -й, но и у основ **vys-*, **dal-*, **šir-*, которые к именам с темой — -й не относились.

Высказанное предположение носит очень предварительный характер, оно легко уязвимо, против него могут быть выдвинуты серьезные возражения. Прежде всего, многие основы с первоначальным циркумфлексом не присоединили этот суффикс, ср. **glux-*, **sux-*, **xold-* и т. д. Ср. также параллельное употребление форм с -к- и без него: рус. *ярый* и *яркий*, рус.-цслав. *жестыи* (напр., *Имѣи на себѣ ризоу жестоу* — Праздничная минея, XI в.³⁹) и *жестокий*⁴⁰, чеш. *držý* и *držký*.⁴¹ Основы с циркумфлексной интонацией могли получать другой суффикс, например, **xold* — (рус. *холод*, серб. *хлад*) — прилаг. **xoldьn-*. В отдельных случаях суффикс -к- получали имена, имевшие акутовую интонацию, ср., например, *gladьkъ* от *glad-*.⁴² Для проверки высказанного предположения очень важно установление относительной хронологии дифференциации имен типа **sold-* и образования местоименных форм прилагательных, т. е. лишь последнее окончательно разделило существительные и прилагательные, и если предположить, что оба эти процесса развивались приблизительно в одно и то же время, то отсутствие суффикса у имен типа **mold* можно объяснить их «адъективацией» с помощью местоимения, с одной стороны, и «субстантивацией» с помощью какого-либо суффикса (например, -*ostь*, -*ьstvo*), с другой. В связи с этим необходимым оказывается изучение словообразовательных моделей прилагательных иных типов — прежде всего с суффиксами -*ьsk-* и -*ьn-* — в раннем праславянском языке, т. к. они нередко выступают в роли конкурентов суффикса -к-, особенно это касается суффикса -*ьn-*.⁴³

6. Среди прилагательных на -к-, отмеченных в современных славянских языках, можно выделить две группы по значению, по соотносительности с глаголами, по участию суффикса в формах компаратива. К первой из них относятся прилагательные типа (обозначение условно) *soldьkъ*, *nizьkъ*, *vysokъ*, *gъbokъ*, *širokъ*, *kortьkъ* и др., ко второй прилагательные типа рус. *чуткий*, *мар-*

³⁹ И. И. Срезневский, ук. соч., т. I, стр. 863.

⁴⁰ И. И. Срезневский, ук. соч., т. I, стр. 863.

⁴¹ Příruční slovník..., Díl II, стр. 568—569.

⁴² В. А. Дыбо, ук. соч., стр. 157.

⁴³ Р. Агитаа, ук. соч., стр. 99 сл.

кий, ковкий, плавкий, укр. *верткий, гинкий*, польск. *giętki, sytki*, серб. *чйтак*. П. Арумаа считает, что нельзя подразделять прилагательные на *й* (соответственно — прилагательные на -к-) на первичные и вторичные. Он пишет, что рискованно в этом случае отделять прилагательные, которые непосредственно не связаны с глагольными корнями, от прилагательных отчетливо deverбативных⁴⁴. Приведя ряд примеров деноминативного происхождения прилагательных исследуемого типа в славянских языках (как польск. *kręwiki, itki*, укр. *в'юнкий*), он все-таки большинство прилагательных относит к deverбативам. А. Вайан, обращая внимание на соотносительность прилагательных с суффиксом *й-кй* с глаголами на *-iti* или *-ěti*, считает либо глагол деноминативным, либо прилагательное deverбативным. Так, он пишет, что *krěpūki*, параллельно к *krěpū*, образовалось из *krěpiti*, а *drūzū*, наоборот, вторично по отношению к *dirzūki* и образовано от глагола *drūznoti* по образцу *suxъ: sūxnoti*⁴⁵. Прилагательные типа *vysok, soldъk, širok, nizъk, dalek, mekъk* (обозначение условно) отмечены во всех славянских языках. Они зафиксированы в суффиксальной форме уже в первых памятниках славянской письменности, есть основания возводить их к ранней общеславянской эпохе. Они имеют отчетливо качественное значение, не связанное с понятием действия. Эти прилагательные соотносятся, как отметил А. Вайан, с глаголами на *-iti* и *-ěti*. Это т. н. каузативные и инхоативные глаголы. Ср., например, серб. *вјснати*, чеш. *výšiti*, рус. *выснть (ся)*, серб. *дълнати*, чеш. *dáliti se*, рус. *(у)далнть*, серб. *слднати*, чеш. *sladiti*, рус. *слднть* и т. д. Каузативные глаголы могут соотноситься либо с глаголами действия (*plyti — plaviti*), либо с глаголами статальными (значение состояния) или инхоативными (значение перехода в состояние) — (*bъděti — buditi, съхноти — sušiti*). Инхоативные глаголы образуются только от именных основ. Полный словообразовательный параллелизм глаголов типа рус. — цслав. *услднати — услдѣти*⁴⁶ и др.-рус. *(о)слѣпнати — (о)слѣпѣти, сушнати — съхнати* делает вероятным предположение о первоначальности имени в паре *слдъкъ — слднати*. Вряд ли может быть принята и такая последовательность образования: *soldъ — solditi — soldъкъ*, т. к. прилагательные с -к- выступают в роли непосредственных заместителей бессуффиксных имен.

Вторую группу составляют прилагательные на -к- со значением «способный к совершению действия». Эти глаголы в большинстве своем не имеют общеславянского характера. Можно предположить, что развертывание этого типа происходило на

⁴⁴ Р. Агумаа, ук. соч., стр. 45.

⁴⁵ A. Vaillant, Les adjectifs slaves en *ihki*, стр. 43.

⁴⁶ И. И. Срезневский, ук. соч., т. III, стр. 1266.

почве отдельных славянских языков. Отдельные прилагательные этой группы образовались ещё в общеславянском языке, например, **drъkъ*, ср. рус. *дерзкий*, серб. *дрзак*, польск. *dziarski* и т. д. Этот тип прилагательных особенно продуктивен в восточнославянских языках. П. Арумаа обратил внимание на распространение таких образований в украинском языке.⁴⁷ Эти прилагательные сохраняют отчетливую смысловую связь с глаголами; они соотносятся, главным образом, с глаголами действия. Образования от каузативов и инхоативов здесь нечасты, ср. рус. *вязкий*, *зябкий*, *топкий*, польск. *grząski* — *вязкий*, *топкий* (*grząznąc* — вязнуть, тонуть). Второй тип прилагательных является deverбативным, но это не дает оснований относить к deverбативам прилагательные первого типа. Широко представлены отглагольные прилагательные в русском языке, ср. *варкий*, *верткий*, *едкий*, *ковкий*, *маркий*, *мылкий*, *падкий*, *солкий*, *стойкий*, *ходкий*, *хлесткий*. Многие образования такого рода зафиксированы в диалектах: «*держкое* соленье, прочное, которое долго не портится»⁴⁸; *зовкий*⁴⁹; *совкий* — «охотник соваться всюду»⁵⁰ и многие другие. В отдельных случаях такие прилагательные могли образоваться от существительных (со значением действия), например, *бойкий* — очевидно, от выражения типа *бой-баба* (эта пара может как бы служить схемой образования к-прилагательных: *бой* в *бой-баба* с атрибутивным значением, дифференциация имени — *бойкий*), либо такие индивидуальные образования, как *развалкое* — *Они выходили из-под пакгауза на свет своей развалкой и осанистой поступью* (Федин, Первые радости)⁵¹. Последний пример особенно интересен, т. к. в этом прилагательном есть глагольная приставка. Оно образовано не от глагола *развалиться* и не от прилагательного *валкий*, а от существительного *развалка*⁵², ср. *вразвалку*. Это очень редкий случай приставки у прилагательных на -к-, очевиден искусственный характер такого образования. Отсутствие приставок у прилагательных на *й* (соответственно — у прилагательных на -к-) П. Арумаа считает доказательством того, что эти прилагательные развились перед появлением системы глагольных видов, в образовании которой приставки играют важную роль.⁵³ Но трудно это считать доказательством, т. к. у прилагательных первого типа понятным причинам и не могло быть приставок, а прилага-

⁴⁷ Р. Агумаа, ук. соч., стр. 100.

⁴⁸ В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1956, стр. 431.

⁴⁹ В. Даль, ук. соч., т. I, стр. 671.

⁵⁰ В. Даль, ук. соч., т. IV, стр. 254.

⁵¹ Пример взят из книги А. Н. Гвоздева «Современный русский язык», ч. I, М., 1958, стр. 231.

⁵² В. Даль, ук. соч., т. IV, стр. 16.

⁵³ Р. Агумаа, ук. соч., стр. 36.

тельные второго типа (в большинстве своем — поздние образования) — дериваты только бесприставочных глаголов.

Как и в русском, второй тип прилагательных на -к- продуктивен в украинском языке. Здесь представлены многочисленные образования (учитываются и диалектные факты) от глаголов различного типа. Укажем некоторые из них: «беркий»⁵⁴: 1) липкий, клейкий 2) до роботи — с энергией работающий»; беручий: 1) «беркий 2) липкий, цепкий, вязкий», прилагательное образовано от беручий («беручий=беркий»), здесь двойное выражение того же значения (суффикс -уч- и суффикс -к-)»⁵⁵; «вабкий — легко приманиваемый»⁵⁶, ср. вабити; «варкий — удобоваримый»⁵⁷; «гинкий — легко сгибающийся, гнущийся»⁵⁸ — от гнути, ср. гнучий и гнучкий — как в случае беручкий; «движкий — удобоподвижный»⁵⁹; «держкий — 1) цепкий, липкий 2) стойкий, устойчивый».⁶⁰

Таковы некоторые примеры развития прилагательных второго типа в русском и украинском языках.

⁵⁴ Б. Гринченко, ук. соч., т. I, стр. 52.

⁵⁵ Р. Агитаа, ук. соч., стр. 101.

⁵⁶ Б. Гринченко, ук. соч., т. I, стр. 120.

⁵⁷ Там же, стр. 127.

⁵⁸ Там же, стр. 283.

⁵⁹ Там же, стр. 361.

⁶⁰ Там же, стр. 371.

«ЧЕРЕДОВАНИЕ» Н/Ш В РУССКИХ ДЕМИНУТИВАХ

П. С. Сигалов

Проблематике деминутивов в славянских языках посвящено много работ. Литература по этому вопросу пополнилась в последнее время богатым идеями докладом Р. И. Аванесова «К истории чередования согласных при образовании уменьшительных существительных в праславянском»¹. Р. И. Аванесов подчеркивает зависимость между древним типом склонения и избираемым деминутивным суффиксом. Основное внимание в докладе уделяется чередованию согласных по твердости/мягкости, главным образом на материале русского языка. Настоящая статья также посвящена одному типу чередований при образовании деминутивов прежде всего в русском языке — литературном, в просторечии и диалектах. В отдельных случаях привлекаются факты из других славянских языков. Это чередование — замена звуков *н/ш* при образовании деминутивов — характерно прежде всего для русского языка, но и в нем оно нерегулярно и фонологически необычно. Эпиграфом к статье, по нашему мнению, могут служить заключительные строки работы Р. И. Аванесова: «Несомненно одно: изучение славянской топонимики и антропонимики, а также языка народной поэзии может многое прояснить в истории рассматриваемых явлений»².

1. Некоторое количество русских существительных, оканчивающихся на *-н* либо на *-н-* плюс гласный, при образовании деминутивов меняет это *-н-* на *-ш-*. Отдельные образования такого рода относятся к литературному языку, другие принадлежат просторечию либо диалектам. Слова, имеющие при образовании деминутивов такую морфонологическую особенность, можно распределить по следующим группам:

¹ Славянское языкознание, VI международный съезд славистов, М., 1968.

² Там же, стр. 18.

1) Слова на *-ан*: *баран* — *барашек*, *бараш*³; *болван* — *болвашек*, *болвашка* (в лексикализованном значении): «*болвашек*, *болванчик* — умал. колодка, напр., у портных для глажения швов. *Болвашка* — деревянная точеная пуговица для оттяжки»⁴; *гайтан* — *гайташек* (Даль, I, 341); *карман* — *кармашек*; *стакан* — *стакашек*; *таракан* — *таракашка*; *чурбан* — *чурбашек*, *чурбашка* (Даль, IV, 615; ССРЛЯ, 17, 1204); сюда же, очевидно, можно отнести *старикашка*, образованное не от *старик*, а от *старикан*, *мальчугашка* (*мальчуган*), *великашка* (*великан*) — ср. у Чуковского в «Тараканище» *великашечка*, а также слова *болтушка*, *хохотушка*, выступающие как просторечные параллели общего рода к парам *болтун-болтунья*, *хохотун-хохотунья*.

2) Слова на *-ен*. Один пример: *черен* — *черешок*.

3) Слова на *-ень*: *гребень* — *гребешок*; *камень* — *камешек*, *камушек*; *корень* — *корешок*, *кочень* — *кочешок* (ССРЛЯ, 5, 1614); *кремень* — *кремешок*: «небольшой кусок кремня» (Уш., I, 506); *олень* — *олешек* (Даль, II, 671; ССРЛЯ, 8, 842); *парень* — «диал. ... *пареш*, *парешок*» (ЭС, II, 18); *плетень* — *плетешок*, *ремень* — *ремешок*; *ставень* (*ставня*) — *ставешек*, *ставешка* (напр., Уш., 4, 1381). К этому же типу относятся разг. *тюлешек*, *пельмешки* (чаще в форме множественного числа) и приводимые А. Беличем⁵ *лепешок* (ср. «... диал. арх-пск. *лепень*, *лепенек*, *лепешок*, *лепенчик* — *кусок*, *лоскуток*», ЭС, I, 447) и *иверешок* (ср. «*иверень* — *иверешек*, *иверешок*, *верешок* — *щепка*, *ощепок*, *черепок*, *осколок*...», Даль, II, 6). А. Белич приводит и диал. *тарань* — *тарашка*, не указывая источника⁶.

4) Слова на *-онь*: *ладонь* — *ладошка*, *ладошки*, *ладоши*; *гармонь* — *гармошка* (последнее, собственно, не является деминутивом, но словообразовательная модель здесь та же).

5) Слова на *-ня*: *головня* — *головешка*, *ставня* — *ставешка* (см. выше).

6) Слова на *-но*: *брезно* — *бревешко*, *окно* — *окошко*, *полено* — *полешко*, *колени* — *колешко*. К этому типу относится *лукошко*, образованное от утраченного *лукно* («*modius*, *кадочка*, *лукошко*: *И повелъ искати меду*, *Они же шедше възаша меду лукно* ...», Повесть временных лет, СМ, II, 54).

7) Слова с *-на*. Один пример: *копна* — *копешка*.

³ Словарь русских народных говоров, вып. второй, М.—Л., 1966, стр. 109.

⁴ В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1965, т. I, стр. 110 (условное сокращение — Даль).

⁵ А. Belič, Zur Entwicklungsgeschichte der slawischen Deminutiv- und Amplificativsuffixe. Archiv für slawische Philologie, B. 23, Berlin, 1901, стр. 191.

⁶ Там же.

Особо нужно отметить слово *горшок*, первоначальный деминутив к *гѣрнѣ*, образование, история которого не выяснена до сих пор. Сходные формы есть в украинском и белорусском языках, не знающих замены *н/ш*: белор. *гаршчок*, Род. *гаршика*, укр. *горщик*. М. Фасмер пишет: «Во всяком случае уменьш. от слов. **гѣрнѣ*, *горн*, *горнец* «горшок». Соболевский (Лекции, 137) приводит форму *горщики*, мн. (*Домостр.*), укр. блр. *горшчок*. Бернекер (1, 371) предполагает образование, аналогичное *камень* — *камешек*, *олень* — *олешек*, *барашек*»⁷. Это объяснение могло бы быть принято, если бы не украинская и белорусская формы. О. Н. Трубачев считает, что рус. *горшок*, белор. *гаршчок* возникли «на базе прилагательного **гѣрнѣскѣ* — собственно горновой, имеющий отношение к горну»⁸.

Вряд ли рассматриваемое явление можно назвать чередованием согласных: чередование сонанта и шипящего является нарушением фонологической системы русского языка⁹. «Чередование» *н/ш* выступает только при образовании деминутивов, ни в каких других словообразовательных рядах оно не появляется. Но и при образовании деминутивов замена *н/ш* не является обязательной, в ряде случаев слова сходного фонетического состава не допускают «чередования» либо имеют параллельные формы — с «чередованием» и без него. Не допускают замены обычно односложные существительные типа *день*, *пень*, *жбан*. Вообще в этом случае трудно говорить о какой-либо закономерности: наличие или отсутствие такого «чередования» зависит от употребительности данного деминутива, принадлежности его к сниженному, просторечному, иногда детскому языку, от аналогии к другим словам, уже имеющим «чередование» (ср., например, *полешко* — *колешко*, *олешки* — *тюлешки*). Замена *н/ш* не выступает в ряде слов на *-ан*, например, *наган*, *курган*, *чемодан*, *кафтан*, *сарафан*, *диван*, *балаган*, *капкан*, *чулан*; на *-но*: *судно*, *звено*, *сено*, *вино*, *сукно*, *зерно*; на *-ня*: *часовня*, *яблоня*, *басня*, *песня*, *сотня*, *кухня*, *вишня*, *черешня*, *пашня*, *простыня*; в словах, оканчивающихся *-на* (все, за исключением *копна*). Характерно, что большинство слов на *-ень* имеет такое чередование, и лишь некоторые слова этого типа образуют деминутивы другим путем, ср. *клубень* — *клубенек*, *перстень* — *перстенок*. Таким образом, лишь две группы существительных проявляют относительную регулярность в образовании деминутивов с заменой *н/ш*: это слова на *-ень* и

⁷ М. Фасмер, Русский этимологический словарь, т. 2, М., 1964, стр. 445.

⁸ О. Н. Трубачев, Ремесленная терминология в славянских языках, М., 1966, стр. 192.

⁹ М. В. Арапов и Н. С. Арапова. К истории словообразовательной модели *баран-барашек* ..., Этимологические исследования по русскому языку, вып. V, изд. МГУ, 1966, стр. 6.

-ан. Как кажется, это явление не случайное, хотя и обусловленное различными причинами (они могли взаимодействовать), на которых мы остановимся ниже.

В современном литературном языке большинство слов с «чередованием» *н/ш* выступает рядом с деминутивами других типов, ср. *барашек* — *баранчик*, *кармашек* — *карманчик*, *таракашка* — *тараканчик*, *ставешки* — *ставеньки*, *окошко* — *оконце*. У некоторых существительных на *-н-* деминутив с заменой в литературном языке является единственным: *камешек*, *корешок*, *олешек*. В отдельных случаях существительные, образующие деминутивы с «чередованием», имеют уменьшительные дериваты без такой замены, нередко это диалектные формы: *черешок* — *черенок*, *корешок* — диал. *коренек*¹⁰, *камешек* — *каменек*¹¹, *барашек* — диал. *баранка* — *ягенок*¹², *баранко* — «уменьшит.»¹³.

2. Отметим первые случаи фиксации замены *н/ш* в русском языке. Наиболее ранние из них относятся к концу XV века. Примеры взяты из Картотеки словаря древнерусского языка XI—XVII вв. Института русского языка АН СССР (далее — ДРС)¹⁴.

Барашек. *Дано служеног старцу Галасию борашку за полгода по мартъ 12 алтнъ 3 мос*¹⁵ (Приходно-расходная книга Тихвинского монастыря, 1590—1592); *Да на коровьем дворе... 30 овец в том числе два борашка* (Архив Онежского Крестного монастыря, 1665); *Чекуевской волости коневалу Петру Вахрамееву за работу что он лечил три бычка да два борашка маленьких плачено четыре денги* (Архив Онежского Крестного монастыря, 1688).

Бревешко. *ЛЕСу пашенного 87 дес., да ЛЕСу рощи въ колъи и въ жердь и въ бревешко 13 дес.* (Писцовые книги Московского государства, ч. 1, 1573 г.); *ЛЕСу рощи у села и у деревень и въ бревно и въ бревешко 30 дес., да ЛЕСу въ бревешко и въ жердь и въ колъ 40 дес.* (там же, 1593 г.); *Купил полтора бревешек заборных* (Отрывок из расходной книги Костромского Ипатьевского монастыря, ок. 1553 г.).

Гребешок. *Товару ... полог, 5 башмаки, 26 гребешков, узел игол, 200 крстов мелких* (Таможенная книга Тихвинского монастыря, 1626 г.); *А в мЕшкЕ рухляди ... шесть колоколчиков*

¹⁰ Словарь русского языка, составленный II отделением Имп. Академии, Наук, т. 4, вып. 7, 1913, стр. 2059, далее — СИАН.

¹¹ СИАН, т. 4, вып. 1, 1906—1907, стр. 271.

¹² Псковский областной словарь, изд. ЛГУ, 1967, стр. 113.

¹³ Словарь русских народных говоров, вып. второй, М.—Л., 1966, стр. 106.

¹⁴ В примерах титла сохраняются, надстрочные знаки вынесены в строку.

¹⁵ СМ, II, 176: московка — «денга московская».

мЕдных гребешек тринатцат кременцев пищальных (Якутские акты, 1640 г.).

Камышек. Здесь самые старые свидетельства замены. А ... Ивана Ивановича благословляю два ковшика золоты, одинъ съ камышомъ да съ жемчюшкой (Духовная Михаила Андреевича Верейского, 1486 г.); А у Васюка у Иванова сына взяли десят литръ шолку червятого, да шесть почекъ алмазу, да восемь жемчюшковъ да двои камышки яхонты... (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, 1489 г.).

Корешок. Первая трава имЕетъ стебель двоух людей вышнюю имЕюще оу себя корешки малы и тонкостны... (Травник Любчанина, 1534 г., список XVII в.); А в мешкЕ рухляди... ласкутишка мЕлкая красная два корешка у ково с пупа сорвет и их ядят двЕ плетеночки нитей (Якутские акты, 1640 г.).

Окошко. А онъ же сказалъ : видЕлъ если въ Лисовскомъ полку подЕланы щиты на четверыхъ санехъ рублены, бревна вдвое, и окошка подЕланы, по окнам стрЕляти (Акты исторические, ч. II, 1609 г.).

Ремешок. ... вездЕ въ другихъ государствахъ вмЕсто пряжекъ салдатамъ къ башмакамъ употребляютъ ремешки (Письма Петра I, 1711 г.); Возмешь лычко а отдашь ремешкѣ (Курганов, Письмовник, 1790 г.); Ремешков полуденежныхъ ... тЕми ремешками прибывали полсти ко дверемъ (Забелин, Материалы для истории ... Москвы, докум. XVII—XVIII вв.).

Черешок. Синникъ мой Мишкин покрали, животь мой выкрали и унесли : зипунъ да штаны... да ножикъ, костяной черешекъ (Акты Холмогорской и Устюжской епархии, 1663 г.).

Можно отметить, следовательно, что деминутивы с заменой *n/ш* отмечены в памятниках древнерусского языка с конца XV века. Постепенно количество фиксаций увеличивается. Время появления таких форм определить трудно: нередко это слова просторечные, не попадающие в письменный язык.

3. Прежде чем перейти к объяснению причин появления такого необычного для русского языка «чередования» согласных, необходимо выяснить, отмечены ли подобные факты в других славянских языках. Уже А. Белич отметил такие образования в польском языке, он приводит деминутив *grzebyszek*¹⁶. Между тем М. В. Арапов и Н. С. Арапова утверждают: «Но такой факт, как появление *-š-* вместо *-n-* перед суффиксом *-ък-*, не известен ни одному славянскому языку, кроме русского»¹⁷. Это неверно. Приведем примеры, засвидетельствованные словарями.

¹⁶ А. Belič, ук. соч., стр. 192.

¹⁷ М. В. Арапов и Н. С. Арапова, ук. соч., стр. 7.

Польский язык. Деминутивы от *kamień*. Авторы Варшавского словаря приводят среди деминутивов следующие образования на *-szek*: *kamyszek*, *kamuszek*, *kamiuszek*¹⁸. Одну из таких форм использовал А. Мицкевич: *Przez żwir, przez ostre kamuszeki fale mnie gwałtowne niosą*¹⁹. Эти же деминутивы приводит Ян Карлович в словаре польских диалектов²⁰.

Деминутивы от *korzeń*: *korząszek* (Варшавский словарь, т. 2, стр. 485), *korzuszek* (Karłowicz, 2, 437).

Деминутивы от *grzebień*: *Szyszki wędrownych grzebyszki* (Roger, *Pieśni ludu polskiego w Górnym Szląsku*), *grzebyszek srebrny* (Kolberg, *Lud*, jego zwyczaj, записано на Куявах) *grzebiuszki*²¹.

Кашубский язык. «*kamuśk* — уменьш. от *kam*; *камешек*»²², «*kameśk* ... дем. к *kam* ... , *kamiśk* — дем. к *kam*»²³; *gřebiśk* — дем. к *gřebeń* — *Morcín kupi gřebiśk*²⁴; *křemyśk* — уменьш. от *křem*»²⁵.

Лужицкие языки. «Нижнелуж. *kańeń* ... с дем. *kamuśk* и *kamyśk*, верхнелуж. *kamuśk* и *kańjeśk*»²⁶; «нижнелуж. *końeń* с дем. *koruśk*, верхнелуж. *koruśk* и *końeśk*»²⁷; «нижнелуж. *řeńeń* с дем. *řemenik* и *řemuśk*, верхнелуж. *řemjeńk*, *řemjeśk*»²⁸.

4. До сих пор, насколько нам известно, существуют два предположения, объясняющие замену *n/ш* при образовании деминутивов.

А. Белич отмечает, что среди существительных, деминутивы которых допускают чередование *n/ш*, есть слова, восходящие к *y*-основам. Деминутивы таких слов оканчивались на *-ыкъ*, *-ычекъ*: *камы-къ*, *камы-чекъ*. Поскольку существуют деминутивы, образованные с помощью суффиксов *-iś-ka* и *-ič-ka*, *-eś-ka* и *-eč-ka*, суффикс *-ček* в образованиях типа *kamuśek* заменяется

¹⁸ J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedzwiedzki, *Słownik języka polskiego*, Warszawa, 1902, т. 2, стр. 224 (далее — Варшавский словарь).

¹⁹ Варшавский словарь, т. 2, стр. 227.

²⁰ J. Karłowicz, *Słownik gwar polskich*, Kraków, 1901, т. 2, стр. 298—299, (далее — J. Karłowicz).

²¹ J. Karłowicz, т. 2, стр. 139.

²² Stefan Ramułt, *Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego*, Kraków, 1913, стр. 67.

²³ Friedrich Lorentz, *Pomoransches Wörterbuch*, Berlin, ч. 1, 1958, стр. 328.

²⁴ F. Lorentz, ук. соч., стр. 235.

²⁵ S. Ramułt, ук. соч., стр. 81.

²⁶ Эрнест Мука, *Словарь нижнелужицкого языка*, Петроград, 1921, вып. 1, стр. 570.

²⁷ Там же, стр. 676.

²⁸ Arnošt Muka, *Słownik dolnosěrbskeje řečy a jeje narěcow*, Budyšin, 1966, ч. II, стр. 370.

суффиксом *-šek*. Так возникает *-ушек*, например, *камышекъ* к *камы*. После исчезновения первоначальных номинативов (типа *камы*) соотношение между исходным существительным и деминутивом становится следующим: *камень* — *камышек*. По аналогии к парам типа *камень* — *камышек* этот же суффикс (*-шек*) получают и другие существительные, оканчивающиеся на *-eň*, *-en*, у которых не было *-y* в номинативе. Суффикс *-ešek* тесно связан с существительными на *-en*, по аналогии к этому типу существительные на *-an* образуют деминутивы с суффиксом *-ašek*. Последние случаи, по мнению Белича, увеличиваются еще за счет образований типа *колга*, *колгашка*, *колган* — диал. «*grobes, rohes Hausgerät*»²⁹.

М. В. Арапов и Н. С. Арапова не считают достаточным объяснение А. Белича «прежде всего потому, что согласно этому объяснению чередование *n/sh* имело равные шансы появиться в любом славянском языке, а появилось только в русском». Далее они пишут: «Заметим, что в польском языке нет форм типа *камышек*, которые, приняв гипотезу Белича, следовало бы там ожидать. Вместо этого мы находим формы *grzebyk* — *grzebyczek*, *katyk* — *katyczek* ...»³⁰. Как указывалось выше, формы, соответствующие русск. *камышек*, существуют в других славянских языках, по крайней мере, в западнославянских. В литературном польском языке, действительно, нет форм типа *katyczek*, но они есть в польских диалектах. И оценивая гипотезу А. Белича, нужно было показать её применимость или неприменимость для истолкования соответствующих русских и западнославянских фактов, тем более, что наличие деминутивов типа *katyczek* в западнославянских языках служит аргументом против теории М. В. Арапова и Н. С. Араповой, которые считают, что формы типа *камешек* присущи только русскому языку и обусловлены его контактами с западнофинскими языками. Анализируемые формы отмечены в польских диалектах (в Силезии и на Куявах — западная и центральная Польша), в кашубском языке (побережье Балтийского моря), в нижне- и верхнелужицком языках. Образования с суффиксом *-szek* в этих языках нельзя объяснить контактами с прибалтийскофинскими языками.

Можно предположить следующие причины появления таких деминутивов в западнославянских языках. В отдельных случаях деминутив образуется не от существительного на *-en*, а от слова без этого элемента. Так, например, в кашубском языке существуют слова *kat*, *křem*, деминутивы к ним образуются с помощью суффикса *-šk*: *kamušk*, *křemyšk*, как образуются деминутивы с суффиксами *-uška*, *-oška*, *-eška*, *-iška* от других су-

²⁹ А. Belić, ук. соч., стр. 191—192.

³⁰ М. В. Арапов и Н. С. Арапова, ук. соч., стр. 8.

ществительных (ср. *dol* — *dolišk*, *cora* — *coreška*, *dob* — *dobušk*).³¹ Наличие *kamen* рядом с *kam* и возможность соотношения деминутива с *kamen* позволяет видеть здесь «чередование» *n/š*. Для большинства же западнославянских фактов, как кажется, может быть принято объяснение Белича: суффикс первоначального деминутива с *-č-* заменялся сходным деминутивным суффиксом с *-š-*. Так, в польском языке выступают суффиксы *-aszek* (*draniaszek*, *gluptaszek*), *-iszek*, *-yszek* (*braciszek*, *chłopyszek*, *dotyszek*), *-uszek* (*dębuszek*, *dzbanuszek*).³² Иногда формы с *-č-* и *-š-* в суффиксе существуют параллельно: ср. *gluptaczek* (образование от *gluptak*, здесь сложный суффикс), *gluptaszek* (оба слова со значением «глупыш») ³³. Наличие таких пар могло вызвать появление форм типа *katyszek*. В отдельных случаях деминутивы с *-š-* могли образоваться путем дезинтеграции основы, ср. кашуб. *bik* — *bišk*.³⁴

М. В. Арапов и Н. С. Арапова, считая замену *n/ш* исключительно русским явлением, объясняют ее фактами западнофинских языков и русско-финскими языковыми контактами. При заимствовании русских существительных на *-n* типа *баран*, *карман* в западнофинские языки конечный согласный русских слов в этих языках мог осознаться как суффикс *-n-*, *-ń-*, *-ne-*. Этот суффикс в западнофинских языках во всех падежах, кроме им. ед., выступает в форме *-s-*, *-še-*. Авторы предполагают, что русские существительные на *-n* при заимствовании их западнофинскими языками образовали деминутивы, изменяя конечное *n* на *s*, *š*. Эти деминутивы со звуком *š* возвращались затем в русский язык, так появились русские деминутивы типа *барашек*, *кармашек* и т. д. Суффикс *-ni* имеет в западнофинских языках деминутивный характер, этим объясняется тот факт, что «чередование» *n/ш* присуще в русском языке именно деминутивным образованиям. «Появлению форм *барашек*, *кармашек*, *лукошко* и т. п. могло способствовать также наличие в западнофинских языках суффиксов *-š-*, *-šk-*, *-ušk-*, которые были, в свою очередь, заимствованы из русского языка и сохранили в финских языках уменьшительное значение с различными оттенками» ³⁵.

Эта гипотеза связывает русское «чередование» *n/ш* с морфонологической особенностью прибалтийско-финских языков —

³¹ F. Lorentz, ук. соч., стр. 147, 100, 152.

³² Zeszyt próbny indeksu słowotwórczego do słownika języka polskiego, Warszawa, 1963, стр. 24.

³³ Słownik języka polskiego, t. 2, Warszawa, 1960, стр. 1187—1188.

³⁴ F. Lorentz, ук. соч., стр. 33.

³⁵ М. В. Арапов и Н. С. Арапова, ук. соч., стр. 8 сл.

чередованием суффиксов *-n-* и *-š-*.^{*} Против нее могут быть выдвинуты два аргумента.

1) Как указывалось выше, отдельные случаи подобного чередования отмечены в западнославянских языках. Эти случаи не могут быть объяснены контактами с прибалтийскофинскими языками.

2) Гипотеза об иноязычном влиянии, обусловившем появление «чередования» *n/ш*, отрывает образование форм типа *барашек, кармашек* от системы уменьшительных существительных в русском и других славянских языках. В ней не учитывается нередкая для славянских языков возможность усечения корня исходного существительного при образовании эмоционально-экспрессивных существительных. Кроме того, при таком подходе образование деминутивов с «чередованием» *n/ш* рассматривается отдельно от соответствующих фактов в именах собственных. Между тем в собственных именах «чередование» *n/ш* встречается значительно чаще, чем в апеллятивах. Нам представляется возможным объяснение замены *n/ш* фактами русского языка.

5. Август Фик выделяет три типа имен в древнегреческом языке: 1) имена сложные, 2) имена, представляющие собой сокращения имен первого типа — с прибавлением суффикса или без такого прибавления, 3) имена нарицательные, используемые в качестве личных имен³⁶. Эта классификация распространяется на личные имена в других индоевропейских языках, она легла в основу изучения славянских личных имен³⁷. Три типа отчетливо прослеживаются в древнерусских (дохристианских) личных именах. Первый тип — сложные имена «с социально-элитарной, в стилистическом отношении — с мелиоративной функцией, в основном закрепленные для имен династии и феодального слоя»³⁸: *Святослав, Изяслав, Всеволод, Святополк* и т. п. Второй тип — сокращения имен первого

* Проф. Пауль Аристэ считает, что в данном случае правильнее говорить о прибалтийско-финских языках. Супплетивные формы парадигмы прибалтийско-финского склонения *-nen*: *-sen < -čen* только в карельском и вепском языках имеют соответствия *-ñ*: *-šen ~ -žen*. Переход карельского *s > š ~ ž* и вепского *ś > ź* — новое явление, а в славянских языках «чередование» *n/ш* — явление довольно древнее. Поэтому, по мнению проф. П. Аристэ, «чередование» *n/ш* никак не может быть прибалтийско-финского происхождения. Пользуюсь случаем, чтобы выразить признательность проф. П. Аристэ за высказанные замечания.

³⁶ August Fick, *Die griechischen Personennamen*, Göttingen, 1874, стр. V сл.

³⁷ См., напр., Witold Taszycki, *Najdawniejsze polskie imiona osobowe*, Kraków, 1926;

1926; Г. Г. Гинкен, Древнейшие русские двусосновные личные имена и их уменьшительное. — Живая старина, 1893, стр. 440—461; С. Роспонд, Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена). Вопросы языкознания, 1965, № 3.

³⁸ С. Роспонд, ук. соч., стр. 11.

типа, так наз. гипокористики. В древнерусской антропонимике выделяются гипокористики двух видов:

1) Сокращения сложных имен, образуемые отбрасыванием части второй основы либо всей второй основы. Так образовались современные русские (полные) имена: *Борис* — из *Борислав*, *Вадим* — из *Вадимир*. Г. Г. Гинкен приводит *Путив* (из *Путивой* или *Путиволод*), ср. название города — *Путивль*³⁹ (как *Ярославль* от *Ярослав*), *Теребов* (из *Теребоволод* (ср. название города *Теребовль*, *Теребовля*); Гинкен считает, что имя *Мирон* — гипокористик сложного имени *Миронег*⁴⁰. Ср. современный разговорный гипокористик *Владим* — *Вот и любви пришел каюк, дорогой Владимир Владимыч* (В. Маяковский, Юбилейное).

2) Гипокористики, образуемые усечением части сложного имени и присоединением суффикса. Перечень суффиксов, используемых в славянских языках при образовании гипокористиков, приведен Ф. Миклошичем в работе «Die Bildung der slawischen Personennamen».⁴¹ В древнерусском языке выступали гипокористики с суффиксами *-ило*, *-ыня*, *-ша*, *-ята* и др.: *Гостило*, *Добрыня*, *Путьша*, *Гостята*. Суффиксы, использовавшиеся в средние века для образования личных имен в русском языке, приводит А. М. Селищев⁴². При выделении суффиксов он не разграничивает древние гипокористики, христианские имена и имена, образованные от апеллятивов.

Остановимся подробнее на суффиксе с элементом *-ш-*. Гипокористические суффиксы с элементом *-š-* в славянских языках были одним из наиболее распространенных средств образования сокращенных имен, ср. указываемые Миклошичем суффиксы *-oš-*, *-oša*, *-aša*, *-eš*, *-iš*, *-uš*⁴³, а также суффиксы древнепольского языка *-isz*, *-esz*, *-asz*, *-osz*, приводимые в книге В. Ташицкого⁴⁴. А. М. Селищев перечисляет следующие суффиксы, использовавшиеся в русском языке XII—XVII веков: *-ша*, *-иша*, *-шка*, *-шко*, *-аш*, *-аша*, *-ашка*, *-ашко*, *-ош*, *-оша*, *-уш*, *-уша*, *-уша*, *-ушка*, *-ушко*, *-ыш*, *-ышка*, *-ышко*⁴⁵. Отмечены отдельные гипокористики с суффиксом *-ш* (без гласного элемента), ср. приводимое А. М. Селищевым *Ярош* (от *Ярослав*)⁴⁶.

³⁹ В. А. Никонов (Краткий топонимический словарь, М., 1966, стр. 345) считает, что топоним образовался от гипокористика *Путим* (*Путимырь*, *Путимысль*).

⁴⁰ Г. Г. Гинкен, ук. соч., стр. 445 сл.

⁴¹ Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Classe, Zehnter Band, Wien, 1860.

⁴² А. М. Селищев, Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. Избранные труды, М., 1968, стр. 121.

⁴³ F. Miklosich, ук. соч., стр. 231.

⁴⁴ W. Taszycki, ук. соч., стр. 50.

⁴⁵ А. М. Селищев, ук. соч., стр. 125—126.

⁴⁶ Там же, стр. 120.

Встречаются такого типа гипокористики в русском языке редко, их трудно отграничить от соответствующих фактов польского и украинского языков. Отмечено еще образование на *-ш* от имени *Якун*: *Якуш Балагур, крестьянин волости Морева*⁴⁷, *Якуш Ворыпай, крестьянин города Демона*, Туп., 96, оба примера датированы 1495 г. Ср. фамилию *Якушев*. Очевидно, можно согласиться с Г. Гинкеном, что «в русском языке замечается преобладание форм с суффиксом *-ш-а*, в других славянских языках более употребительны формы с суффиксом *-ш-ь* (муж.)»⁴⁸. Образований с суффиксом без гласного в рассматриваемой статье А. М. Селищева нет (кроме *Ярош*). Характерно, что, перечисляя суффиксы с элементом *-ш-*, Селищев не выделяет специально суффикс *-ш* (без гласного).

Приведем примеры русских дохристианских гипокористиков с суффиксом *-ша*: *Володьша Василькович, князь Полоцкий*, XII в., *Володша Строилович*, 1341 г. (от *Володимир, Володислав*) — Туп., 92; *Святоша, сын Давыдов Святославича*, 1377 г. (от *Святослав*) — Туп., 352; *Мстиша, сын Свенельда, воеводы Киевского*, 1377 г. (от *Мстислав*) — Туп., 259; *Богша, житель Старой Руссы*, XIII в. (от *Богдан*) — Туп., 57; *Путьша, убийца Бориса*, 1377 (от *Путевой* или *Путимер*) — Туп., 327, и др.

Третья группа древнерусских личных имен — это имена прозвищного характера, нарицательные имена, превращенные в прозвища. В роли личного имени могут выступать названия физических и духовных примет человека, названия животных, обозначения семейных отношений и т. д.⁴⁹. Важно отметить, что в древнерусском языке граница между апеллятивом и личным именем была значительно менее резкой, чем в современном языке: в принципе почти каждый апеллятив мог превратиться в личное имя, как в современном языке каждый апеллятив может превратиться в прозвище.

Последние две группы, а именно сокращенные имена и имена, образованные путем переосмысления апеллятивов, представляют наибольший интерес для выяснения причин появления в русском языке замены *н/ш* типа *баран-барашек*.

6. Русские имена (дохристианские и христианские) в XIV—XVII веках нередко выступают с суффиксом *-шка, -шко*, иногда он имеет форму *-шек*. Этот суффикс мог возникнуть в результате присоединения суффикса *-к-* к именам на *-ша* (может быть, в отдельных случаях — на *-ш*). Так же, как дохристианские сокращенные имена образовались усечением части слова и присоединением суффикса, деминутивы христианских имен

⁴⁷ Н. М. Тупиков, *Словарь древнерусских личных собственных имен*, СПб. 1903, стр. 38 (далее — Туп.).

⁴⁸ Г. Г. Гинкен, *ук. соч.*, стр. 451.

⁴⁹ А. М. Селищев, *ук. соч.*, стр. 108 сл.

возникали в результате присоединения суффикса (например, *-шка/-шко*) к усеченной части имени.

Отметим наиболее ранние случаи образования сокращенных имен с помощью суффикса *-шка/шко*.

Ивашко (от *Иван*). *А ис конь из своихъ изъ Ездовыхъ велелъ есмь дати своеи кнАгине пАтдесетъ конь, а и стадъ из моихъ моеи кнАгине, стадо Коломенское, другое стадо дЕтино Ивашково, Грамота вел. кн. Симеона Гордого, 1353 г.⁵⁰; Аже пани Хонька Васковая дАдъковича жена изъ дЕтъми своими ис пани Просинъею и зАтемъ своемъ ис паномъ Ивашкомъ Данъславичемъ и со внучаты своими и со всемъ племемъ своемъ...*, Продажная грамота Хоньки, 1378 г., КСДЯ, в этой же грамоте еще три случая употребления имени *Ивашко*, грамота южнорусская; *А при томъ были и свЕдѣци панъ Ходько быбелъский панъ Васко Кузмичъ панъ Пашко мазувианинъ, Ивашко Данъславич Рекънолтъ Костъко судья перемышльский и много было добрыхъ при томъ*, Грамота галицкого старосты Гневоша, 1393 г., КСДЯ; *Я Ивашко снъ Петра воеводы дЕдич земли ВаласкоЕ знаемо чиню симъ листомъ, аже велебный гсдръ Влодиславъ и з Божъеи млсти крол Полски и велебный княз Витовтъ Литовски смилувалис надо мною*, Грамота 1400 г. (молдавская), КСДЯ; *А за волоком в ранбалЕ болшеи дворъ и нижнаА. едма по огашку рѣку а от огашии рЕки по ручьи кои промежи дЕма едмами а въ яропугЕ Ивашково село бураково селце...*, Раздельная грамота Василия Федоровича с братом его Василием Степановичем, XIV в., КСДЯ. Первый случай фиксации имени *Ивашко* по материалам Картотеки словаря древнерусского языка XI—XIV веков относится к 1353 году. Примеры, относящиеся к XIV веку, говорят о географической распространенности этой формы: она встречается в московской, севернорусской, южнорусской и молдавской грамотах.

Анашка, Онашка (от *Ананий*). *Анашка Воробей, служилый человек (в Сибири), 1649 г., Туп., 94; Подаль отписку Нивянской крестьянинъ Онашка Микитинъ, Отписка воеводы об уборке хлеба, 1674 г., ДРС. Ср. Анашко Дровко с деминутивным суффиксом -к- (Туп., 134).*

Антошко (от *Антон*). *Антошко Ковтун, нежинский войт, 1654 г., Туп., 185. Ср. Онтонко Огородник, крестьянин, 1495 г., Туп., 286.*

Антомошко (вм. *Артамошко*, от *Артемон*): *Во дворЕ Антомошко Кузминъ съ женою Марьицею, у них сынъ Ларка, Акты юридического быта, 1643 г., ДРС.*

Богдашко (от *Богдан*). *Онтотман Микулин сын да Богдашка Мартемьянов Носковы, своеземцы в Бельском погосте,*

⁵⁰ Картотека словаря древнерусского языка XI—XIV веков Института русского языка Академии Наук СССР (далее — КСДЯ).

1498, г., Туп., 51; *Ивашко Павлов Глупый Богдашков брат Гучев, своеземец Пидебского погоста*, 1500 г., Туп., 51. Ср. фамилию Богдашкин.

Демешко (от *Дементий*). *Демешко Строй, крестьянин*, 1455 г., Туп., 374; *Демешко Сушко, крестьянин*, 1495 г., Туп., 383.

Игнашко (от *Игнатий, Игнат*). *Игнаш Тимофеев сын Вячеслав, дьяк*, 1560 г., Туп., 101; *К сей записе вмЕсто порушниковъ Никольскіе золости... Игнашка Григорьевъ руку приложилъ*, Акты юридического быта, 1681 г., ДРС; *Игнашко Корабль, нижегородский крестьянин*, 1690 г., Туп., 185. Ср. *Игнатко Кобель*, 1495 г., Туп., 183.

Кондрашко (от *Кондрат, Кондратий*). *Кондрашка, прозвище Быстрая Рыбка*, 1622 г., Туп., 75; *Кондрашка Ряб, дворový человек в Москве*, 1637 г., Туп., 347; *Кондрашко, прозвище Коныга*, 1639 г., Туп., 183. Ср. *Кондратко Коромысл*, 1500 г., Туп., 199.

Коношко (от *Конон*). *Коношко Захарьевъ, Дела Тайного приказа*, 1600—1685, ДРС.

Меркушка (от *Меркурий, Меркул*). *Меркушка Филиповъ Черепанъ, Писцовая книга 1676—1683, Устюг Великий*, ДРС.

Микишка (от *Никита или Никифор*). *Микишка Сорокоум, псковский стрелец*, 1682 г., Туп., 369.

Милешко (от *Мелетий*). *Милешко Кулич, крестьянин кременецкий*, 1563 г., Туп., 216.

Никошко (от *Никон*). *Тот крестьянинъ Никошко ...*, Дела Тайного приказа, 1596—1651, ДРС.

Огафошек (от *Агафон*, любопытна редкая форма суффикса, присущая обычно апелляциям). *Огафошек Обора, крестьянин*, 1495 г., Туп., 284.

Омельяшко (от *Емельян*). *Омельяшко Жарава, крестьянин*, 1495 г., Туп., 144.

Осташко (от *Евстафий, Астафий*). *Осташко Приходец, крестьянин*, 1495 г., Туп., 322.

Панкрашка (от *Панкратий, Панкрат*). *Панкрашка Кнут, служилый человек (в Сибири)*, 1646 г., Туп., 183.

Ромашко (от *Роман*). *Ромашко Строй, крестьянин*, 1500 г., Туп., 375; *Казакъ Ромашка Ряполовъ, Столбцы Печатного приказа*, 1613 г., ДРС.

Семешко (от *Семен*). *Семешко Дрозд, крестьянин Половского погоста*, 1495 г., Туп., 134.

Степашко (от *Степан*). *Степашко Свинолук, крестьянин, нач. XVII века*, Туп., 350; *Первушка да Степашка, крестьяне рязанские*, 1616 г. Туп., 299. Ср. *Степанко Бык Федоров*, 1539 г., Туп., 74.

Терешко (от *Терентий*). *Терешко Малой, крестьянин Жабенского погоста*, 1495 г., Туп., 241; *Терешка Сором Ондреев*, 1562 г., Туп., 369.

Трошка (от *Трофим*). *Трошка Шаверовъ*, Акты юридического быта, 1613 г., ДРС.

Харлашко (от *Харлампий*, *Харлам*). *Харлашко Медовитой*, крестьянин в Киевском округе, 1646 г., Туп., 246.

Приведена лишь часть имен, деминутивы которых образуются с помощью суффикса *-шка/-шко* от усеченной основы, но и этого достаточно, чтобы говорить о широком распространении этой словообразовательной модели. Особенно отчетливо видно, что в образованиях типа *Иван — Ивашко* мы имеем дело не с чередованием *н/ш*, а с усечением основы и присоединением суффикса, в тех случаях, когда отбрасывается другой звук, не *-н*-, например, *Кондрат/ий/ — Кондрашка*, либо часть слова, состоящая из нескольких звуков, например, *Дементий — Демешко*, *Терентий — Терешко*.

В современном русском языке есть значительное количество личных имен, оканчивающихся звуком *-н*. Преобладающее большинство этих имен образует сокращенные формы с суффиксом *-ша* путем отбрасывания конечного *-н*. Ср. например, *Агафон — Агафоша*, *Адриан — Адриаша*, *Андрон/ик/ — Андроша*, *Антон — Антоша*, *Артамон — Артамоша*, *Демьян — Демьяша*, *Емельян — Емельяша*, *Иван — Иваша*, *Капитон — Капитоша* и многие другие. Количество таких пар увеличится, если к ним прибавить имена с начальным *-н* в усекаемой части: *Александр — /Алек/саша*, *Ананий — Анаша*, *Викентий — Викеша*, *Евгений — Евгеша* и др. Значительно меньше имен с *-н* в конце, которые не имеют вариантов на *-ша*. Отбрасывание конечного согласного либо части, начинающейся этим согласным, не является монополией имен на *-н*. Это явление встречается и в именах другого типа, важно лишь отметить большое количество имен на *-н* в русском языке. Ср. образования от имен другого типа: *-м — Вадим — Вадиша*, *Варла/а/м — Варлаша*, *Евламний — Евлаша* и т. д.; *-в — Клавдия — Клаша*, *Павел — Паша*; *-п — Агап — Агаша*, *Прокоп/ий/ — Прокоша*; *-с — Евласий — Евлаша*, *Мстислав — Мстиша*; *-к — Акакий — Акаша*; *-ф — Евстафий — Евсташа*, *Ерофей — Ероша*, *Никифор — Никиша*, *Тимофей — Тимоша*, *Трифон — Триша*, *Трофим — Троша*; *-х — Евтихий — Евтиша*, *Михаил — Миша*, *Прохор — Проша*; *-л — Ардалион — Ардоша*, *Арнольд — Арноша*, *Даниил — Даниша*, *Ермил — Ермиша*, *Наталия — Наташа*, *Николай — Никоша*; *-т — Игнат/ий/ — Игнаша*, *Кондрат/ий/ — Кондраша*, *Никита — Никиша*, *Панкрат/ий/ — Панкраша*; *-р — Дарья — Даша*, *Егор — Егоша*, *Игорь — Игоша*, *Макар — Макаша*; *-г — Григорий — Гриша*, *Пе/а/лагейя — Палаша*; *-д — Аркадий — Аркаша*, *Геннадий — Генаша*⁵¹.

⁵¹ Материал приводится по книге Н. А. Петровского «Русские личные имена», М., 1966.

В отдельных случаях могут быть варианты с сохранением согласного, ср. *Макарша, Егорша, Павша*. Такое же усечение основы (дезинтеграция) наблюдается и при использовании других суффиксов при образовании уменьшительных имен, например, суффикса *-ня*, и вообще при образовании т. н. полуимен. Но нас прежде всего интересовали формы с суффиксом *-ша*.

7. Личные имена с суффиксом *-шка/-шко*, присоединяемым к усеченной основе, фиксируются в русском языке с середины XIV века (1353 г.). Наричательные существительные с «чередованием» *н/ш* отмечены более чем на сто лет позже (1486 г.). Как указывалось, имена типа *Ивашко, Кондрашко* употреблялись на всей территории русского языка. Может быть, в отдельных случаях подобное имя (на *-ш*, *-ша* или *-шко*) и появилось в русском языке под влиянием польского либо прибалтийско-финских языков, но трудно предположить, чтобы такое влияние было причиной появления словообразовательного типа полуимен на *-шко* в русском языке. И сам гипокористический первоначально, а затем деминутивный суффикс, и усечение (дезинтеграция) исходной основы — явления, бесспорно, не заимствованные.

Многочисленные имена на *-н* и их варианты на *-шко* (типа *Иван — Ивашко*) и были, по нашему мнению, основной причиной появления «чередования» *н/ш* в русском языке. По аналогии к личным именам это «чередование» передавалось и апеллятивам. Такое распространение замены *н/ш* облегчалось подвижным составом личных имен русского языка в рассматриваемую эпоху, когда прозвища из апеллятивов выступали в функции личных имен. Ср., например, такие имена, как *Баран, Блоха, Бобр, Болван, Бык, Волк, Воробей, Ворона* и т. д. Такие имена из апеллятивов, как и обычные имена — дохристианские и христианские, имели уменьшительные формы, ср. *Блошка Ганец*, Туп., 49; *Боброк Васильев*, Туп., 49; *Бычко Грихнов*, Туп., 74; *Волчко Кляпинич*, Туп., 91. В отдельных случаях уменьшительные имена образовались и усечением основы с присоединением деминутивного суффикса. Ср. имя *Дурак*: *Дурак Мишурин, дяк московский*, Туп. 139 и *Дурашко Успенский, посадский сольгалицкий*, Туп., 139. Личные имена из апеллятивов, оканчивающиеся на *-н*, могли образовать уменьшительный вариант с суффиксом *-шка/-шко*, как и имена типа *Иван — Ивашко*. Имя *Баран* часто выступало в русском языке, но деминутивы *Барашко, Барашка* нами не отмечены. Есть имя *Бараш*: *Бараш Иванов сын Ергельского, 1565 г.*, Туп., 40. О том, что такие имена (*Барашко, Барашка*) употреблялись, говорят современные фамилии *Барашков, Барашкин*. Особенно интересно в этом отношении имя *Кормашко*. Имя *Корман* — Туп., 196 — отмечено

но во 2-й Псковской летописи⁵²; оно образует такие деминутивы: *Корманец* — *Корманец, стародубский крестьянин*, 1539 г., Туп., 196; *Корманко* — *Корманко Семенов, крестьянин Ястребицкого погоста*, 1500 г., Туп., 196; *Кормашко* — *Кормашко Баженов, вишерский промышленник*, 1632 г., Туп., 196. Тупиков приводит *Олешко Олень, енисейский служилый человек*, 1660 г. (стр. 288). *Олешко* может быть образованием от *Алексей* и от *Олень*, и хотя последнее было бы очень заманчиво, вероятнее предположить здесь образование от *Олех, Олеша*.

Таким образом, «чередование» *н/ш*, возникшее под влиянием пар типа *Иван* — *Ивашко*, встречалось также у имен из апеллативов типа *Корман* — *Кормашко*. Поскольку имена последнего типа выступали и в своей первоначальной роли — в качестве нарицательных — это «чередование» переходило и на апеллативы, где могло распространяться по аналогии, что наблюдается вплоть до настоящего времени.

В отдельных случаях появление суффикса *-шек* в именах нарицательных, может быть, объясняется другой причиной. Речь идет о существительных на *-ень*, многие из которых восходят к *й*-основам, с первоначальным деминутивом типа *камыкъ*, *камычккъ*. Не случайны, очевидно, *камышекъ* — первая фиксация «чередования» *н/ш* в русском языке и регулярность «чередования» *н/ш* у существительных на *-ень*. Вероятно, к образованиям такого рода применимо предположение А. Белича о замене *-чек* /*-чккъ*/ сходным по функции, близким по звучанию суффиксом с элементом *-ш*. Эти две причины и вызвали появление странного «чередования» в русском языке. Замена суффикса *-шек* суффиксом *-шек* дала образования типа *катушек* в западнославянских языках.

8. Словообразовательный тип — суффиксация с усечением производящей основы — нередко используется в русском и других славянских языках при образовании различного рода пейоративных и вообще сниженных вариантов нарицательных существительных. Особенно продуктивен этот тип в просторечии, жаргонах и диалектах, в отдельных случаях стилистическая окрашенность деривата может выветриваться. Можно привести следующие русские примеры: *гармошка* (от *гармоника*), *картошка* (от *картофель*), *мурашка* (от *муравей*), ср. личные имена *Муравей* и *Мураш*⁵³; *япошка* (от *японец*); *оборвашка* (от *оборванец*), *дурашка* (от *дурак*), ср. приведенные выше имена *Дурак* и *Дурашко*; *моркошка* (от *морковь*), *компашка* (от *компания*) и т. д. Ср. суффиксальную субстантивацию словосочетания «промокательная бумага» — *промокашка*. В двух случаях по-

⁵² См. М. Фасмер, Русский этимологический словарь, М., 1967, т. II, стр. 201. Фасмер приводит словацкое имя *Krman*.

⁵³ А. М. Селищев, ук. соч., стр. 113.

добные формы имеют суффикс *-ш*: *племяш* и *кореш*; они образованы путем усложнения существительных *племяшек*, *корешок*. В связи с рассматриваемым типом интересна история трех слов, которые из имен собственных превратились в апеллятивы: *мартышка* (от *Мартын*), *матрешка* (от *Матрена*) и *кондрашка* (от *Кондратий*). Ср. в польском *wapach* — «увалень», от *Benedykt*; *bolecha* — «ленивый, флегматичный человек», от *Bolestaw*⁵⁴. В последнем случае могла играть роль и народная этимология: *Bolecha* — *boleć*.

Немало подобных примеров в других славянских языках. Пейоративным образованиям в польском языке посвящены статья Т. Скулины⁵⁵ и книга П. Смочинского, посвященная славянским нарицательным и собственным именам с *-ch-* в суффиксальной части⁵⁶.

Приведем соответствующие примеры из польского языка. В большинстве своем это диалектные, просторечные и жаргонные образования, эмоционально окрашенные варианты общеупотребительных слов. *Mięcho* (от *mięso*), *piach* (от *piasek*), *koleś* (от *kolega*), *brzuś* (от *brzuch*), *kochaś* (от *kochanek*, ср. в песне ... *o kochasiu, który odszedł w siną dal*), *tyga* (от *tyżka*)⁵⁷, *brach* (от *brat*, обычно в звательной форме — *brachu*). Некоторые примеры из статьи Т. Скулины: *kicha* (от *kiszka*), *klecha* (от *kleryk*), *micha* (от *miska*), *kapucha* (от *kapusta*)⁵⁸. Ср. примеры, приводимые П. Смочинским: *fochy* (от *forte*), *paluch* (от *palec*), *plach* (от *placek*), *gruścha* (от *gruszka*)⁵⁹.

Несколько украинских фактов: *комаха* (от *комар*)⁶⁰, *чолов'яга* (от *чоловік*), *сердега* (от *сердешний*)⁶¹. Ср. сходные русские образования: *тюряга* (от *тюрьма*), *общага* (*общезитие*, из студенческого жаргона).

По мнению П. Смочинского, дериваты, образуемые усечением основы и присоединением суффикса, в отдельных случаях относятся к очень древней эпохе: ср. общеславянское **strachъ* — от **stra-stъ*, **stradati*; встречающееся в отдельных славянских языках *swacha*, в старопольском и польских диалектах есть *swach*, от *swa-tъ*, *swa-tъka*; и некоторые другие⁶².

⁵⁴ Tadeusz Skulina, Rzeczowniki augmentatywne wstecznie derywowane. — «Język polski», т. XXXIX, 1959, стр. 196.

⁵⁵ Т. Skulina, ук. соч.

⁵⁶ Paweł Smoczyński, Słowiańskie imiona pospolite i własne z podstawowym *-ch-* w części sufiksальной, Łódź, 1963.

⁵⁷ Jan Łoś, Gramatyka polska, Lwów — Warszawa — Kraków, 1925, ч. II, стр. 74.

⁵⁸ Т. Skulina, ук. соч., стр. 192.

⁵⁹ П. Смочыński, ук. соч., стр. 21.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Б. Гринченко, Словарь украинского языка, Киев, 1959, т. IV, стр. 114.

⁶² П. Смочыński, ук. соч., стр. 20.

Причины появления форм типа *piach*, *brach* объясняются по-разному. Т. Скулина считает, что в основе подобных фактов лежит аналогия к существующим чередованиям. Так, в паре *tucha* — *muszka* чередуются *-ch-/sz-*, поэтому слова типа *kiszka* воспринимаются как потенциальный деминутив к отсутствующему исходному существительному, которое и образуется: *tucha* : *muszka* = х : *kiszka*, отсюда *kicha*. «Выделенный из таких образований элемент *-ch-* становится словообразовательным формантом, о чем недвусмысленно свидетельствуют примеры: *brach*, *Bacha* [*Barbara*], *klecha* [*kleryk*]⁶³.

Иначе и на более широком материале решает эту проблему П. Смочинский. Он считает, что поскольку чрезмерный отрыв корня от содержания исходного слова принципиально чужд апелливам, это явление должно быть признано у них вторичным, аналогическим. «Каждой дезинтеграции сопутствует сильная эмоциональная окрашенность, и наиболее естественным источником этой окрашенности являются гипокористики. Таким именно образом мы приходим к установлению интересующего нас образца аналогии, которым мы считаем гипокористики»⁶⁴. Таким образом, по мнению П. Смочинского, сокращенные имена, гипокористики явились образцом, по которому в славянских языках образовались эмоционально окрашенные апелливы с усеченной основой.

Объяснение П. Смочинского представляется убедительным. Многие авторы обращали внимание на сходство образований типа *Stach* (*Stanisław*) и *Zocha* (*Zofia*), с одной стороны, и *piach* (*piasek*), *brach* (*brat*), с другой⁶⁵. Любопытны в этом отношении просторечные польские слова *brudzio* (*bruderszaft*), ср., например, «*Po paru godzinach Palaszoński zaproponował brudzia*» (А. Potemkowski, *Wizyta*⁶⁶), образованное по типу сокращенных личных имен *Fredzio*, *Władzio*, и *wódzia* (*wóдка*) как аналогия к сокращениям типа *Jadzia*. Любопытно, что Г. О. Винокур, рассматривая «чередование» *н/ш* в русском языке, приводит наряду с *баран* — *барашек* и *Иван* — *Ивашка*⁶⁸.

По нашему мнению, замена *н/ш* при образовании некоторых деминутивов в русском языке (тип *баран* — *барашек*) является частным случаем словопроизводства эмоционально

⁶³ Т. Skulina, ук. соч., стр. 192.

⁶⁴ Р. Smoczyński, ук. соч., стр. 62.

⁶⁵ См., например, А. Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa, 1957, стр. 405.

⁶⁶ Pory roku, Warszawa, 1968, стр. 159.

⁶⁷ Bronisław Wieczorkiewicz, *Gwara warszawska dawniej i dziś*, Warszawa, 1968, стр. 186.

⁶⁸ Г. О. Винокур, *Заметки по русскому словообразованию. Избранные работы по русскому языку*, М., 1959, стр. 433.

окрашенных апеллятивов по аналогии к древнему типу гипокористиков и уменьшительных имен. Широкое распространение суффикса *-ша* (*-шка*, *-шко*) параллельно с суффиксом *-ня* в русских гипокористиках и полуименах сделало возможным перенесение типа деривации из имен собственных (*Иван — Ивашко*) на нарицательные (*баран — барашек*). Аналогичский характер образований типа *барашек* обусловил нерегулярность этого явления даже при образовании деминутивов. И вполне понятно, почему «чередование» *н/ш* не имеет места у односложных существительных. Если усечение основы имени собственного не разрушает его лексического значения, поскольку у имен собственных его нет, для нарицательного имени связь звучания и значения важна, и дезинтеграция разрушает ее.

Может возникнуть вопрос, почему «чередование» *н/ш* не появилось, например, в украинском языке, где были условия, сходные с русскими. Как представляется, суффикс *-шко/-шка* в украинском языке использовался реже, чем в русском⁶⁹. В украинском языке употребляются имена на *-шко* (*Ивашко, Антошко, Терешко, Оришка, Пашко, Тишко*, ср. фамилии *Иващенко, Антощенко, Терещенко, Пащенко, Тищенко*) и имена на *-ш* (*Тиміш, Дорош, Матяш*, ср. фамилии *Тимошенко, Дорошенко, Матяш*). Для многих имен, общих русскому и украинскому языкам, украинский язык не имеет уменьшительных форм на *-шко*, обычных (с суффиксом *-ша*, *-шка*) в русском (*Мария, Михаил, Алексей, Наталья, Дарья* и др.). Кроме того, в украинском языке суффиксы субъективной оценки, состоящие из *-шк-* с гласным оформлением (типа рус. *-ушка*) выступают реже, чем в русском. Многообразие суффиксов подобного рода в русском языке (ср. *-ишко, -ышко, -ушка, -ышек* и др.) могло содействовать развитию аналогического образования деминутивов типа *барашек*.

Такое объяснение может показаться недостаточно убедительным. Дело, очевидно, в том, что «чередование» *н/ш* в русском языке обязано своим появлением аналогии, а в действительности аналогии нелегко отыскать закономерность. Почему, например, древнерусские (после падения редуцированных) формы типа *жнец* — *женця* сохранились в украинском языке, а в русском унифицировались по образцу номинатива?

⁶⁹ См. Н. М. Дзятківська, С. П. Левченко, Л. Г. Скрипник, Українсько-російський і російсько-український словник власних імен людей, Київ, 1954. М. Левченко, Опыт русско-украинского словаря, Киев, 1874, стр. 183 сл. Б. Гринченко, ук. соч., т. IV, стр. 548 сл.

Принятые сокращения

1. Варшавский словарь — J. Karłowicz, A. Fryński, W. Niedzwiedzki, Słownik języka polskiego, Warszawa, 1900—1927.
2. Даль — В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1955.
3. ДРС — Картотека словаря русского языка XI—XVII веков Института русского языка АН СССР.
4. Karłowicz — J. Karłowicz, Słownik gwar polskich, Kraków, 1900—1911.
5. КСДЯ — Картотека словаря древнерусского языка XI—XIV веков Института русского языка АН СССР.
6. СИАН — Словарь русского языка, составленный II отделением императорской Академии Наук, М., 1891—1929.
7. СМ — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, М., 1958.
8. ССРЛЯ — Словарь современного русского языка в 17 томах, М.—Л., 1950—1965.
9. Туп. — Н. М. Тупиков, Словарь древнерусских личных имен, СПб., 1903.
10. Уш. — Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, М., 1935—1940.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. И. Гурьева

Предложения со значением причины

Сложные предложения, в которых выражается причинная связь между его частями, нередко встречаются в памятниках старославянского языка¹. Зависимая часть содержит указание на причину или обоснование того, о чем говорится в господствующей части предложения. Для выражения причинных отношений между частями сложного предложения используются различные служебные слова: **бо**, **ибо**, **яко**, **зане(же)**, **понеже** и некоторые другие. Самыми распространенными из них являются **бо** и **яко**.

1. Причинные предложения со служебным словом **бо**, **ибо**

1) Предложения, в которых зависимая часть присоединяется к господствующей при помощи служебного слова **бо**, составляют около 50% всех случаев употребления предложений со значением причины. По мнению Е. Т. Черкасовой, **бо** был самым употребительным союзом и в древнерусском языке². В памятниках старославянского языка **бо** выступает не только в сложных предложениях со значением причины, но и в роли частицы с различными значениями³.

¹ См. Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями И. В. Ягича. СПб., 1883; Остромирово евангелие 1056—1057 года, с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями. Изд. А. Х. Востоков. СПб., 1843.

² Е. Т. Черкасова, Служебное слово **бо** и его значение в древнерусском языке. Ученые записки Московского гос. пед. ин-та, т. VI, вып. 2, 1948, стр. 81.

³ Довольно глубоко значение **бо**, как и других причинных союзов, в памятниках старославянского языка исследовала Е. Т. Черкасова в работе «Причинные союзы и их значение в старославянском языке». Ученые записки Института славяноведения, т. IX, 1954.

В предложениях причины со служебным словом **бо** зависимая часть обычно расположена после господствующей, в редких случаях вставляется в середину. Само слово **бо** никогда не стоит на первом месте в зависимой части, а следует за каким-либо ее членом. Такое расположение **бо**, очевидно, объясняется тем, что составные части сложного предложения с **бо** до некоторой степени сохраняют свою самостоятельность, независимость друг от друга⁴.

Слово **бо** в постпозитивной зависимой части может иметь различные оттенки значения, однако четкой границы между ними провести довольно трудно. Оттенок причины побуждения к совершению действия отчетливее всего выступает в предложениях, в которых сказуемое господствующей части выражается формой повелительного наклонения глагола, например:

Тьгда речеть и сУщимъ о/шУ/шУЮ его. идЕте отъ мене проклАти въ огнь вЕчъны. оуготованы диЕволюу и анГломъ его. възалкахъ **бо** сА и не дасте ми Ести. възАждахъ сА и не напоисте мене... (Мар. 96, Остр. 121, Мв. 25, 41).

не пьЕте сА оубо на оутрЕи. оутрни **бо** день собоЮ печеть сА. довьлеть дьн/и/ зьлоба своЕ (Мар. 18, Мв. 6, 34).

отвъЕщавъ же ись рече имъ. блУдите не вЕдУште кънигъ. ни силы бжиЯ. въ въскрЕшение **бо** ни женАть сА ни посагаЮть. нъ Еко анги бжи и нбсе сУть (Марь. 81, Мв. 22, 29).

В предложениях, в которых сказуемое господствующей части выражено формой глагола прошедшего времени, зависимая часть в большинстве случаев указывает на причину действия или факта, например:

І бысть же егда възврати сА ись приЯты-и народъ. бЕаху **бо** вси чаЮште его (Мар. 231, Остр. 99, Лк. 8, 40).

Слышавъ же юноша слово отиде скръБА. бЕ **бо** имЕЯ сътажаниЕ многа (Мар. 68, Остр. 77, Мв. 19, 22).

І дивлЕаху сА о оучении его бЕ **бо** оучА. ъко власть имы. І не Еко кънижьници ихъ (Мар. 117, Мр. 1, 32).

и се трУсь бысть велики анГл **бо** гнь съшедъ с нбсе. І пристУпь отъвали камень отъ дьверей гроба. І сЕдЕаше на немъ (Мар. 111, Остр. 202, Мв. 28, 2).

Однако в большинстве случаев **бо**, присоединяя зависимую часть к господствующей, обозначает мотивировку предшествующего высказывания⁵. Сказуемое господствующей части вы-

⁴ Ср. также. А. Н. Стеценко, Конструкции сложных предложений с придаточными причины в древнерусском языке. Ученые записки Томского гос. пед. инст., т. XIV, 1955, стр. 324.

⁵ Такое значение союза **бо** отмечает Э. И. Коротаева в русских памятниках XVII в. См. Э. И. Коротаева, Союзы, выражающие отношения причины, цели и следствия. Ученые записки ЛГУ, № 235, серия филологических наук, вып. 38. Исследования по грамматике русского языка I, 1958, стр. 66.

ступает в форме различных глагольных форм, например:

ИсцЕлЕвы же не вЕдЕаше кто ест. Ис **бо** оуклони сА наро-
доу сУшту на мЕстЕ (Мар. 331, Остр. 9, Ио. 5,13).

І гла еи исъ. добрЕ рече Еко мУжа не имамъ. пАть **бо**
мУжь имЕла еси. І нынЕ егоже имаши нЕсть ти мУжь (Мар.
327, Остр. 30, Ио. 4,17).

Юже не мЪного глЮ съ вами. грАдеть **бо** се/го/ мира
кнАзъ. І въ мнЕ не имать ничесоже (Мар. 377, Остр. 167,
Ио. 14,30).

Службное слово **бо**, обозначая логическое обоснование пре-
дыдущего предложения, по своему значению близко к союзу
ведь. На это указывает также Э. И. Коротаева, исследуя зна-
чение причинных союзов в памятниках XVII века. По ее мнѣ-
нию, выражаемые союзами **бо** и **ведь** отношения не являются
отчетливо обстоятельственными, и их подчинительная функция
выражена слабо⁶. Близость **бо** и **ведь** прослеживается и в па-
мятниках старославянского языка, например:

видЕвъше оученици его негодовашА глште. чесо ради гы-
бЕль си. можаше **бо** се мвро продано быти на мьнозЕ. І дано
быти нищимъ (Мар. 97, Остр. 152, Мв. 26,8).

ли сътворите дрЕво добро и плодь его добръ. ли сътворите
дрЕво зъло и плодь его золь отъ плода **бо** дрЕво познано бУ-
детъ (Мар. 40, Остр. 69, Мв. 12,33).

они же рЕшА чъто еште трЕбуемъ сьвЕдЕтельство сами
бо слышахомъ отъ устъ его (Мар. 302, Лк. 22, 71).

рече же ис не дЕи Я въ день погребениЕ моего съблюде Ю.
ништАЯ **бо** съ собою вьсегда имате. а мене не вьсегда имате
(Мар. 366, Остр. 141, Ио. 12,7).

В предложениях, в которых наряду с **бо** встречаются дру-
гие служебные слова со значением причины, причинное зна-
чение **бо** выступает более отчетливо:

рече же къ нему англь. не бои сА захариЕ. зане оуслы-
шана бысть молитва твоЕ. І жена твоЕ елисаветь родить снъ
тебе. І наречеши имА емоу иоанъ. І бУдетъ тебе радость и
веселие. І мьнози о рождьствЕ его въздрадоуютъ сА. бУдетъ
бо велеи прЕдъ гмь. и вина и сикера не имать пити (Мар.
190, Остр. 278, Лк. 1,13).

по сихъ приде исъ с оученици его въ юдеискУЮ землЮ.
І тоу живЕаше съ ними и кръштаавше. бЕ же иоанъ кръстА
въ енноне. близъ салимови. Еко воды мьногы бЕахУ тоу.
І прихождаахУ и кръштаахУ сА. не оу **бо** бЕ вьсажданъ въ
темницУ иоанъ (Мар. 324, Остр. 219, Ио. 3,22).

Если зависимая часть находится внутри господствующей,
то **бо** имеет ярко выраженный причинный оттенок, так как при

⁶ Там же, стр. 67.

таком положении подчиненная часть достигает наибольшей степени своей зависимости, например:

симонъ же петръ слышавъ Еко гъ есть епендитомъ прЕ-поЕса сА. бЕ бо нагъ. и вѣврѣже сА въ море (Мар 401, Остр. 209, Ио. 21. 7).

видЕвъ Я страждУштА въ гребени. бЕ бо противенъ вЕтръ имъ I при четвѣртЕеи стражи ноштънЕи. приде къ нимъ по морю хода и хотЕЯ минУти (Мар. 139, Мр. 6,48).

Структурная и смысловая зависимость между составными частями сложного предложения с **бо** бывает более четко выраженной также в тех конструкциях, в которых имеется соотносительное слово в господствующей части. Однако соотносительные слова в рассматриваемых памятниках отмечены в редких случаях. Например:

Рече къ оученикомъ своимъ. сего ради глЮ вамъ. не пцЕте сА дшеЮ вашеЮ что Есте. ни тЕломъ чѣто облЕчете сА дша бо больши есть пишта и тЕло одежда. (Мар. 254, Остр. 104, Лк. 12,22).

В данном предложении господствующая часть, находящаяся в препозиции, начинается соотносительным сочетанием **сего ради**, имеющим значение «потому». Во второй части сложного целого содержится объяснение того, о чем говорится в первой (**потому** я говорю вам..., **что** душа больше пищи и тело одежды).

Господствующая часть с соотносительным сочетанием **сего ради** может стоять после зависимой:

вЕдЕаше бо прЕдаЮштааго и сего ради рече Еко не вси есте чисти (Мар. 372, Остр. 157, Ио. 13,11).

Конкретное содержание соотносительного сочетания, начинающего господствующую часть, раскрывается в первой части сложной конструкции.

Перевод: Ибо знал он своего предателя, потому и сказал, что не все чисты.

Вероятно, в следующем предложении **бо** выступает в значении, близком к временному:

Прити бо имать снъ чловЕчскы въ слаВЕ отца своего. съ анГлы. стыми I тогда въздасть комоужьдо по дЕломъ своимъ (Мар. 57, Мв. 16,27).

Временной оттенок в слове **бо** поддерживается употреблением соотносительного слова **тогда**, стоящего в начале второй части. Причем перед соотносительным словом находится сочинительный союз **и**, в какой-то мере ослабляющий связь между двумя частями предложения.

Во многих случаях **бо** в памятниках старославянского языка выступает в качестве частицы.

Слово **бо** может выступать с присоединительным значением:

будЕте въ мьнЕ и азъ въ вась. яко **бо** розга не можетъ плода творити о себЕ. аще не бУдетъ на лозЕ тако и вы аще не прЕбУдете въ мьнЕ (Остр. 168, Ио. 15,4) ⁷.

Не всЕкъ гдАи мьнЕ. ги ги вьнидетъ въ црствие небское. нъ творАи волю отца моего иже есть ннбхъ. мьнози **бо** рекутъ мьнЕ въ ть день. ги ги. не въ твое ли имА прчствовахомъ. и твоимъ именемъ бЕсы изгонихомъ... (Мар. 20, Остр. 60, Мв. 7,22).

Нередко **бо** выступает в значении, близком к усилительной частице **же**:

Гла имъ пилать. поимЕте вы и пропньЕте. Азъ **бо** не обрЕтаю въ немъ вины (Мар. 392, Остр. 183, Ио. 19,6).

Онъ же третицею рече къ нимъ. чьто **бо** створи злю. ничьсоже достойна съмръти обрЕтъ о немъ (Мар. 304, Лк. 23,22).

пАть же бЕ отъ них боуи. I пАть мУдрь. боуЯ **бо** приемша свЕтильники своя. не възАша съ собою олеа. а мУдрыЯ приЯша олЕи. въ сьсУдЕхъ съ свЕтильники своими (Мар. 92, Остр. 148, Мв. 25,2).

Бо может иметь противительное значение, приближаясь к союзам **а** или **но**:

I бысте же си друга. Иродъ же и пилать въ ть день съ собою. прЕжде **бо** бЕашете враждУ имУшта между собою (Мар. 303, Лк. 23, 12).

бУди же слово ваше еи еи. Ini ни. лихое **бо** сею отъ неприЕзни есть (Мар. 13, Мв. 5, 37).

Нередки предложения, в которых **бо** выступает со значением результата, например:

иже **бо** разорить единУ заповЕдини сихъ малыхъ. и наочить тако члкъ. мьнии нарет сА въ цркви бжин. а иже створить и наочить. ть велии нарет сА въ цркви нбснЕмъ (Мар. II. Остр. 213, Мв. 5, 19).

иже **бо** сА съмЕрить Еко отрочА се. ть есть болен въ црствии нбсцЕемъ (Мар. 61, Остр. 72, Мв. 18,4).

2) Меньшим количеством примеров представлены в исследуемом материале предложения, в которых зависимая часть присоединяется к господствующей при помощи служебного слова **ибо**⁸. От **бо** он отличается тем, что стоит на первом ме-

⁷ В Маринском евангелии (стр. 378) вместо «яко бо» стоит «Екоже». Частица **же** употребляется в значении **и**.

⁸ История причинного союза **ибо** посвящена работа Т. А. Шуба «К генезису и истории союза **ибо** в славянских языках». Ученые записки Ленинградского гос. пед. инст., т. XV, факультет языка и литературы, вып. 4, 1956.

сте в предложении, в то время как **бо** обычно бывает постпозитивным к началу предложения. Кроме того, как отмечает Т. А. Шуб, **ибо** способно одновременно сочетать значение присоединяющего и с объясняюще-утверждающим **бо**⁹, в результате слияния которых оно возникло. По мнению акад. В. В. Виноградова, **ибо** «совмещает в себе логические оттенки: причинного отношения с экспрессией патетического или иронического стиля».¹⁰

Во многих случаях в старославянском языке зависимая часть, начинающаяся **ибо**, заключает в себе обоснование предшествующего высказывания, например:

І аште благо творите благотворАщимъ васъ. каЕ вамъ хвала есть. **ибо** и грЕшъници тожде творАть (Мар. 218, Остр. 91, Лк. 6, 33).

не по мьногую паки стояштен. глаахУ петрови. вы-и-стинУ отъ нихъ еси. **Ибо** галилЕанинъ еси І бесЕда твоЕ подобить сА (Мар. 178, Остр. 292, Мр. 14,70).

І аште въ заимъ даате отъ нихъже чаате въсприЯти. каЕ вамъ хвала есть. **Ибо** и грЕшъници грЕшъникомъ въ заимъ даЮть. да въсприимУть равъно (Мар. 218, Остр. 91, Лк. 6,34).

Нередко **ибо** по своему значению приближается к союзу **ведь**:

она же рече еи ги. **Ибо** и пси ЕдАть отъ кроулицъ падаЮш-тихъ съ трапезы господеи своихъ (Мар. 53, Остр. 86, Мв. 15,28).

не такожде же буди въ васъ. нъ иже аште хоштеть вАштии быти въ васъ будеть вамъ слоуга. І иже аште хошетъ въ васъ быти старЕи. да будеть всЕмъ рабъ. **Ибо** снъ члвЕчьскы не приде да прослоу/жА/тъ емоу нъ послужить І дати дшУ своЮ избавление за мьногы (Мар. 158, Остр. 136, Мр. 10,43).

Мотивировку предшествующего высказывания может обозначать также слово **оубо**, например:

гла еи Ісъ. не прикасаи сА мьнЕ. не **оубо** възидъ къ отцю моему Иди же къ братри моеи І рьци имъ... (Мар. 398, Остр. 208, Ио. 10,17).

не оубоите сА **оубо** мьнозЕхъ птиць лоучьши вы есте (Мар. 32, Остр. 234, Мв. 10,31).

В преобладающем большинстве случаев **оубо** характеризуется оттенками следствия, результативности:

Бъдите **оубо** Еко не вЕсте въ куЮ годинУ гъ вашъ придетъ (Мар. 91, Остр. 83, Мв. 24,42).

ВсЕ **оубо** елико аще хошете да творАть вамъ члвци. тако и вы творите имъ (Мар. 19, Остр. 230, Мв. 7,12).

⁹ См. Т. А. Шуб, К генезису и истории союза **ибо** в славянских языках, стр. 130.

¹⁰ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 711.

II. Причинные предложения со служебным словом **Еко**

Служебное слово **яко**, присоединяющее зависимую часть со значением причины к господствующей, после **бо** является наиболее употребительным для выражения причинных отношений в исследуемом материале. Как показывает анализ сложных синтаксических конструкций с гипотактическими отношениями в старославянских памятниках, **яко** выступает в самых разнообразных значениях. На его многозначность указывают исследователи древнерусского синтаксиса. Так, например, Е. С. Истрина отмечает, что подчинение с помощью союза **яко** является наиболее распространенным в Синодальном списке I Новгородской летописи¹¹.

Предложения с **яко** в рассматриваемых памятниках по своей структуре почти ничем не отличаются от предложений со служебным словом **ибо**. Как правило, зависимая часть следует за господствующей. Отмечено несколько случаев, когда перед **яко** находится сочинительный союз, например:

отвѣшташА емоу иудеи гл҃юште. о добрЕ дЕлЕ не метемъ
камениЕ нѣ о власфимии. I **Еко** ты члвкъ сы твориши сА самъ
бѣ (Мар. 359, Остр. 37, Ио. 10,33).

Перевод: Иудеи сказали ему в ответ: «Не за доброе дело бросаем в тебя камни, но за богохульство и потому, что ты, будучи человеком, делаешь себя богом».

В данном предложении зависимая часть «**Еко** ты члвкъ сы твориши сА самъ бѣ» как бы в качестве однородного элемента с помощью сочинительного союза и соединяется с отдельным членом предложения «о власфимии».

Сочинительный союз и находится перед зависимой частью и в следующем предложении:

въ малЕ и к тому не видите мене. и паки въ малЕ и оузрите мА. и **Еко** идУ къ отцю (Мар. 382, Остр. 171, Ио. 16,16).

В отличие от предыдущего предложения, здесь зависимая часть при помощи союза и присоединяется ко всей господствующей части. Возможно, что наличие сочинительного союза при **Еко** свидетельствует о недостаточно четкой функции последнего.

В основном выражение подчинения, а вместе с тем и объединение с господствующей частью, осуществляется с помощью одного служебного слова **Еко**. Различные оттенки значения **Еко** в зависимости от формы выражения сказуемого господствующей части подробно проанализированы Е. Т. Черкасовой

¹¹ См. Е. С. Истрина, Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Известия ОРЯС, т. XXIV, 1923, стр. 220.

в работе «Причинные союзы и их значения в старославянском языке». Во многих случаях Еко указывает на причину действия или состояния, например:

бЕ же иоанъ крЕстА въ ЕнноЕ. близъ салимови. Еко воды мьногы бЕахУ тоу. I прихождаахУ и крьштаахУ сА (Мар. 324, Остр. 9, Ио. 3,23).

и вьсь народъ искааше прикасати сА емь. Еко сила Из него исходааше и цЕлЕаше вьсА (Мар. 216, Остр. 233, Лк. 6,23).

и оужасаахУ сА о оучении его. Еко съ властиЮ бЕ слово его (Мар. 208, Остр. 89, Лк. 4,32).

В таких предложениях сказуемое господствующей части обычно выражается глагольными формами изъявительного наклонения.

Если сказуемое господствующей части выступает в форме повелительного наклонения, то зависимая часть содержит в себе указание причины побуждения к совершению действия, например:

видЕвъ же симонъ петръ. припаде къ колЕнома исвама гла Изиди отъ мене Еко мУжь грЕшенъ есмъ ги (Мар. 211, Остр. 90, Лк. 5,8).

I нУждааста и глЮшта. облази съ нама Еко при вечерЕ есть (Мар. 310, Остр. 5, Лк. 14,29).

шедъ въ домъ съзываетъ другы и сУсЕды гла имь. радоуите сА съ мьноЮ Еко обрЕтъ овьцУ моЮ погыбъшЮЮ (Мар. 267, Лк. 15,6).

В предложениях с зависимой частью, начинающейся Еко, употребляются соотносительные слова, которые значительно усиливают причинную связь частей предложения. В господствующей части отмечено соотносительное сочетание **сего ради**:

Сего ради МА отць любить. Еко азъ полагаЮ дшУ моЮ (Мар. 358, Остр. 36, Ио. 10,7).

сего ради и вы бУдете готови. Еко въ ньже не мьните часъ. снь чскы придетъ (Мар. 91, Остр. 84, Мв. 24,44).

сего ради и противУ емоУ изиде народъ. Еко слышашА и сьтворишь се знамение (Мар. 367, Остр. 142,18).

Сего ради притьчами имь глЮ. Еко слышАть ни разоумЕ-ваЮть... (Мар. 43, Мв. 13,13).

Между первой частью соотносительного сочетания (то есть местоимением) и второй (предлогом) может вставляться усиленная частица **же**, например:

сего же ради искаахУ паче люди его оубити. Еко не тъкмо разарЕаше соботУ. нь I оца своего глааше ба. равень сА твора боу (Мар. 332, Ио. 5,18).

В значении соотносительного сочетания зафиксировано указательное местоимение *его/же/* с предлогом *ради*:

егоже ради глЮ ти. отьпоуштаЮть сА ен грЕси мьнози. Еко възлюби мьного. а емоуже мьне отьда сА. мьньшими любить. (Мар. 225, Остр. 223, Лк. 7,47).

Во всех вышеприведенных предложениях зависимая часть находится в постпозиции по отношению к господствующей. Отмечена и препозиция зависимой части, начинающейся служебным словом *Еко*, которому в господствующей части соответствует сочетание *сего ради*:

аште оть мира бисте были. мирь оубо свое любиль би. Еко же оть мира Есте. нъ азъ избърахъ вы оть мира. сего ради ненавидитъ васъ мирь (Мар. 380, Остр. 169, Ио. 15,19).

Перевод: Если бы вы были от мира, то мир бы любил свое; а так как вы не от мира, но я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир.

III. Причинные предложения со служебным словом *зане/же/*

Данные предложения представлены незначительным количеством примеров в памятниках старославянского языка (более 20). Преобладает постпозиция зависимой части, в начале которой стоит *зане*. В большинстве случаев зависимая часть обозначает мотивировку того, о чем говорится в господствующей части. Сказуемое господствующей части обычно выражается глаголом изъявительного наклонения.

а друоуге паде на камене и прозАбъ оуцьше. зане не имЕаше влагы (Мар. 226, Остр. 94, Лк. 8,6).

Иродь же видЕвъ иса радъ бысть SEло. бЕ бо желЕЯ оть мьногъ врЕменъ видЕти. зане слышааше мьного о немь (Мар. 303, Лк. 23,8).

І роди снъ свои пръвЕнецъ. І повить І. І положи и въ Еслехъ. зане не бЕ има мЕста въ обители (Мар. 197, Остр. 250, Лк. 2,7).

Служебное слово *зане* может выступать в сочетании с *Еко*, что, вероятно, объясняется недостаточной отчетливостью, выразительностью причинного значения этих служебных слов, например:

І хотА и оубити оубоЕ сА народа. зане Еко прка имЕхУ и (Мар. 48, Мв. 14,5).

При выражении сказуемого господствующей части глаголом в форме повелительного наклонения зависимая часть содержит в себе указание причины побуждения к совершению действия:

рече же къ нему анГль. не бои сА захария. зане оуслышана бысть молитва твоЕ. I жена твоЕ елисаветь родить снъ тебЕ (Мар. 190, Остр. 278, Лк. 1,13).

начинаЮштемъ же симъ бывати. въсклоните сА и въздвигнЕте главы вашА. зане приближи сА избавление ваше (Мар. 295, Остр. 120, Лк. 21, 28).

Зане, начиная причинную зависимую часть, может выступать в сочетании с аште, тем самым выражая более сложные отношения, так как к причинному значению присоединяется еще условное:

тогда начнУть глати горамаъ падЕте на ны I хльмомъ покрыте ны. зане аште въ сырЕ дрЕвЕ си твораТЬ. въ соусе что будеть (Мар. 305. Остр. 192, Лк. 23,30).

В нескольких случаях зависимая часть с зане вставляется внутрь господствующей:

слньцоу же восиЕвъшю присваДУ. зане не имЕхУ корениЕ исхУ (Мар. 42, Мв. 13,6).

Здесь зависимая часть «зане не имЕхУ корениЕ» находится внутри господствующей. Сочинительный союз и, стоящий перед зане, служит для связи однородных сказуемых, одно из которых (присваДУ) стоит перед зависимой частью, другое (исхУ) после нее.

Сочинительный союз и может находиться после зависимой части, расположенной внутри господствующей, например:

и шедъ исъ видЕ народъ многъ. I мили емоу бышА. зане бЕхУ Еко овца не имУшТА пастырЕ. I начАть оучити Я много (Мар. 138, Мр. 6,34).

В интерпозиции отмечена зависимая часть, начинающаяся занеже:

възде же иосифъ отъ галилеа из града назарейска. въ иоудеЮ въ градъ давидовъ. иже нарицаеть сА вифлеемъ занеже бЕаше отъ домоу к отъ отчъствия двдва написати сА. съ мариеЮ обрученоЮ сУщеЮ непраздноЮ (Остр. 249, Лк. 2,4).

В Маринском евангелии в подобной конструкции употребляется зане (см. стр. 196).

Сочинительный союз может и отсутствовать:

отвъЕштавъ же архисунагогъ негодоуЯ зане въ соботу испЕли Ю исъ. глаше народу... (Мар, 260. Остр. 105, Лк. 13, 14).

Зависимая часть с зане, находящаяся в препозиции, отмечена в единичных случаях:

отвъЕшта исъ и рече емоу. зане рЕхъ ти Еко видЕхъ тА подъ смоковъницеЮ вЕроуеши. больша сихъ оузъриши (Мар. 319, Остр. 128).

Соотносительные слова в предложениях с *зане* встречаются в единичных случаях. Так, в господствующей части, расположенной впереди зависимой, отмечено соотносительное сочетание *сега ради*:

сега ради гонЕахУ иудеи иса. и иска/ахУ/ его оубити. зане си творЕаше въ субботу (Мар. 331, Ио. 5,16).

IV. Причинные предложения со служебным словом *понеже* (и другими)

Предложения причины с *понеже* представлены еще меньшим количеством случаев, чем предыдущие. В таких предложениях наблюдается свободное положение зависимой части. Препозиция и постпозиция представлены примерно одинаковым количеством примеров. Зависимая часть обычно обозначает причину действия или факта, выраженного господствующей частью. Например, предложение, в котором зависимая часть следует за господствующей:

и не бЕ има чАда. *понеже* бЕ елисавет неплоды. I оба заматорЕвъша въ дньехъ своихъ бЕашеге (Мар. 190, Остр. 277, Лк. 1,7).

тгда призвавъ I гь гла емоу. рабе лУкавы. весь длгь твое отъпустихъ тебе. *понеже* оумоли мА (Мар. 65, Остр. 75, Мв. 18,32).

Понеже, стоящее в начале постпозитивной зависимой части, может выступать в сочетании с *Еко*:

слышавъше архиереи и фарисеи притьчУ его. разоумЕша Еко о нихъ глаше. I искуште Яти и. оубоЕша сА народа *понеже* Еко пророка имЕахУ и (Мар. 78, Мв. 21, 45).

Интересно заметить, что в другом месте евангелия (Мв. 14, 5) в конструкции, близкой по смыслу, в сочетании с *Еко* употребляется не *понеже*, а *зане*, что, несомненно, указывает на их близость.

В препозитивной зависимой части встречается как одно слово *понеже*, так в сочетании с другими служебными словами, например:

отвЕштавъ црѣ речеть имъ. аминь глЮ вамъ. *понеже* сътвористе единому отъ сихъ малыхъ братрѣ моихъ мньшихъ мнЕ сътвористе (Мар. 96, Остр. 122, Мв. 25,40).

Понеже оубо мьнози начАсА чинити повЕсть о ИзвЕствованыхъ въ насъ вештехъ. Екоже прЕдаша намъ бывъшей искони самовидци I слоугы словесе. Изволи сА и мнЕ хождьшю ис прѣва по въсЕхъ въ Истину по рАдУ писати тебе славны теофиле (Мар. 189, Остр. 277, Лк. 1,1).

В предложении с интерпозицией зависимой части понеже встречается без сочетания с другими служебными словами:

Юдеи же понеже параскевьги бЕ. да не останУть нкстЕ тЕ-леса. въ соботУ. бЕ бо великъ день тоЯ соботы. молишА пи-лата да прЕбиЮть голЕни ихъ. I възмУть Я (Мар. 395, Остр. 201, Ио. 19,31).

В приведенной конструкции внутри господствующей части вставляется не только зависимая часть со значением причины, начинающаяся словом **понеже**, но и содержащая служебное слово **бо** (бЕ о великъ день тоЯ соботы). Кроме того, в середине господствующей части находится зависимая часть со значением цели (да не останУть нкстЕ тЕлеса въ соботу) и объекта (да не (прЕбиЮть...)).

В значении причинного союза отмечен **имъже**¹², представляющий собой застывшую (окаменелую) форму творительного падежа относительного местоимения в сочетании с частицей **же**:

самъ же ись не въдааше себе въ вЕрУ ихъ. Имъже самъ вЕдЕаше въСА... (Мар. 321, Ио. 2,24).

С причинным значением выступает служебное слово **иде** в следующем предложении:

Рече же мариЕ къ англоу. како будеть се иде мУжа не знаю (Мар. 192, Остр. 270, Лк. 1,34)¹³.

Вероятно, оттенок причинности имеет и служебное слово **да** в следующей конструкции:

Тъгда събърашА сА архиереи и кънижъници и старьци людъстии на дворъ. архиереовъ нарицаемааго каиЕфа. I съвЕть сътворишА да исса льстиЮ имУть и оубиЮть глахУ же нъ не въ праздъникъ. да не мльва бУдеть въ людехъ (Мар. 97, Остр. 155, Мв. 16,3).

Здесь к господствующей части относятся две зависимые части: первая (да исса льстиЮ...) со значением цели, вторая (да не мльва бУдеть въ людехъ) имеет причинный оттенок.

Рассмотрение сложных предложений со значением причины показывает, что причинные отношения в одних конструкциях обозначены более отчетливо, в других — недостаточно ясно. Для выражения причинной связи между господствующей и зависимой частями используются служебные слова **бо**, **яко**, **ибо**, **зане/же/**, **понеже** и некоторые другие. Из них чаще всего встречаются **бо** и **яко**. Зависимая часть, присоединяющаяся к зави-

¹² На это указывает также В. Вондрак в своей работе «Дневнецерковно-славянский синтаксис», Казань, 1915, стр. 52.

¹³ Этот пример из Остромирова евангелия приводит также И. И. Срезневский. См. «Материалы для словаря древнерусского языка», т. I, стр. 1025.

симой при помощи **бо**, в большинстве случаев содержит в себе обоснование предшествующего высказывания. Служебное слово **бо** часто выступает и в значении частицы. Зависимая часть с **яко** нередко обозначает причину действия, названного в господствующей части. В предложениях с **зане (же)** зависимая часть в большинстве случаев обозначает мотивировку того, о чем говорится в господствующей. Служебное слово **понеже** обычно указывает на причину действия или факта, выраженного в господствующей части.

В сложных предложениях со значением причины преобладает постпозиция зависимой части по отношению к господствующей.

Предложения, в господствующей части которых употребляются соотносительные слова, представлены незначительным количеством примеров. В основном они засвидетельствованы в конструкциях с **бо** и **яко**.

Предложения со значением следствия

В данных предложениях указывается на следствие, вытекающее из высказывания господствующей части. Наиболее употребительным союзом, выражающим отношения следствия, является **Еко**¹⁴.

В памятниках древнерусской письменности, по наблюдениям А. Н. Стеценко, союз **Еко** также является «одним из наиболее распространенных союзов, связывающих придаточное следствия с главным предложением»¹⁵.

По отношению к господствующей части зависимая обычно занимает постпозитивное положение, что обусловлено «логической последовательностью высказывания, отражающей объективную последовательность явлений: вначале всегда проявляется причина, а потом следствие, которое является результатом проявления причины»¹⁶.

Нередко сказуемое зависимой части, соединяющейся с господствующей при помощи союза **Еко**, выражается независимым инфинитивом в сочетании с дополнением в дательном падеже, которое является косвенным субъектом действия. Такие предложения следствия «обозначают действия, являющиеся непосредственным результатом (следствием) тех событий, о ко-

¹⁴ В. Вондрак также пишет, что самым обыкновенным следственным союзом в древнецерковнославянском языке было **яко**. См. В. Вондрак, Древнецерковнославянский синтаксис, стр. 53.

¹⁵ А. Н. Стеценко, Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв., Томск, 1960, стр. 190.

¹⁶ Там же, стр. 191.

торых сообщается в главном предложении»¹⁷. Сказуемое господствующей части в данных конструкциях выступает в форме прошедшего времени.

Приводим все примеры с подобным соотношением глагольных форм.

и въставъ абие и възъмъ одръ изиде прЕдъ въсЕми яко дивити сА въсЕмъ и славити ба (Остр. 130).

и възъпивъ и мьного прУжавъ сА изиде. и бысть яко мрътвъ яко мьногомъ глати. яко оумрЕ (Остр. 134).

Любопытно заметить, что в обоих случаях в Мариинском евангелии вместо инфинитива употреблена личная форма глагола, а дополнение заменено подлежащим. Сравни:

...изиде прЕдъ въсЕми. Еко дивлЕаху сА въси и славлЕхУ ба глЮште (Мар. 121).

...бысть Еко мрътвъ. Еко мьнози глаахУ. Еко оумръЕтъ (Мар. 151).

Еще примеры с инфинитивом в зависимой части:

и не отвЕща емоу ни къ единому же глѡу яко дивити сА игемену зЕло (Остр. 197, Мар. 106).

Пилать же пакы въпрашааше и глА. не отвЕштаваеши ли ничесоже. виждь колико на тА съвЕдЕтельствоуЮтъ Ис же к томуу ничесоже не отвЕшта. Еко дивити сА пилатови (Мар. 179).

І пристУпишА къ немуу народи мь(но)зи... и исцЕли Я. Еко народоу дивити сА. видАще нЕмы глЮштА (Мар. 53, Остр. 88).

се трУсь великъ бысть въ мори. Еко покрывати сА кораблю вълнами. а ть съпаше (Мар. 23, Остр. 63).

І поманУшА причастникомъ иже бЕахУ въ дроузЕмъ кораблѣ. да пришедше помогУтъ имъ І придУ и исплѣнишА оба кораблѣ. Еко погрУжати сА има (Мар. 211, Остр. 80).

подобно есть црствие нбское. зръноу горошьноу. егда же въздрастеть боле земли естъ. І бываать дрЕво. Еко прити птицамъ нбскимъ. І вивати на ветвехъ его (Мар. 45, Остр. 241).

В данных примерах сказуемое господствующей части в основном выступает в форме аориста или имперфекта. Действие, выраженное инфинитивом также относится к прошедшему времени, хотя оно морфологически и не выражено. К. А. Тимофеев замечает, что время инфинитива в подобных случаях «опре-

¹⁷ К. А. Тимофеев, Инфинитивные конструкции с союзом *яко* в древнерусском языке. Ученые записки ЛГУ, № 235, серия филологических наук, вып. 38, 1958, стр. 9.

деляется синтаксически-отношением ко времени сказуемого главного предложения».¹⁸

Независимый предикативный инфинитив может сочетаться с другим инфинитивом со значением возможности.

И приду въ домъ. И събърашА сА паки народи. Еко не мощи имъ ни хлЕба сънЕсти (Мар. 125).

егда всЕно бУдетъ въздрасетъ И бУдетъ боле всЕхъ земли. и творить вЕтви велиЯ. Еко мощи подъ сЕниЮ его птица(ца)мъ нбскимъ витати (Мар. 129).

Сказуемое зависимой части может выражаться и личной формой глагола, чаще всего имперфектом. В господствующей части также стоит глагол прошедшего времени (аорист или имперфект).

и абие събърашА сА мнози Еко къ томуу не вмЕщаахУ сА ни прЕдъ двѣрьми (Остр. 129, Мар. 120).

Тъгда привесА къ немуу бЕсънУЮщъ сА слЕпъ и нЕмъ и исцЕли И. Еко слЕпъ И нЕмъ глаше и глАдаше (Мар. 38—39).

Перевод: Тогда привели к нему бесноватого слепого и немомого, и он исцелил его, так что слепой и немой говорил и видел (то есть стал говорить и видеть).

И паки начАтъ при мори оучити. И събъра сА къ немуу народъ многоъ. Еко самъ влЕзъ въ корабъ сЕдЕаше въ мори. | всъ народъ бЕшА при мори на земли (Мар. 126).

Перевод: И опять стал учить при море, и собралось к нему много народу, так что он, войдя в лодку, сидел на море, а весь народ был у моря, на земле.

И рече оученикомъ своимъ да естъ при немъ ладница народа ради. да не сътАжаЮтъ емоу. многы бо исцЕли. Еко нападахУ емъ хотАште прикоснУти сА емъ. елико имЕахУ раны (Мар. 124).

Перевод: И сказал он ученикам своим: «Пусть для него (будет) лодка, по причине многолюдства, пусть не теснят его, ибо он многих исцелил, так что бросались к нему, желая прикоснуться, кто имел раны».

В ряде случаев имперфект выступает в роли глагольной связки в сочетании с инфинитивом.

онъ же ишедъ начАтъ проповЕдати много. И проносити слово. Еко къ томуу не можааше вЕЕ въ градъ вынити нъ вьнЕ въ поуостЕхъ мЕстЕхъ (Мар. 119. Остр. 129).

И бысть боурЕ вЕрѣна велиЕ. влѣны же вливахУ сА въ ладЮ. Еко юже погразнУти хотЕаше (Мар. 130).

сърЕтете и дѣва бЕсъна отъ жалии ИсходАша лютЕ зЕло. Еко не можааше никтоже минУти пУтемъ тЕмъ (Мар. 240, Остр. 65).

¹⁸ К. А. Тимофеев, ук. соч., стр. 13.

В единичных случаях отмечены конструкции, в которых сказуемое зависимой части выражено аористом.

въистиНУ же глЮ вамъ яко мѣногы въдовица бЕшА въ дньи илины въ иерслмЕ егда заключи сА небо три лЕта и шесть мЕсАць. Еко бысть гладъ по всей земли (Остр. 276, Мар. 208).

Единственным примером представлена также конструкция, в которой сказуемое зависимой части выступает в форме настоящего времени. При этом союз Еко сопровождается частица да, вносящая оттенок волеизъявления.

надъ всЕми сими между нами и вами пропадь велиЕ оутврѣди сА. Еко да хотАштеи минУти отъ сУдоу къ вамъ не възмагаЮть. ни иже отъ тУДУ къ намъ прЕходАть (Мар. 273, Остр. 97).

Перевод: И между нами и вами пропасть великая утверждена, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, ни те оттуда к нам не переходят.

Предложения следствия, в которых сказуемое зависимой части выражено личной формой глагола, отличаются от конструкций с независимым предикативным инфинитивом тем, что последние, по словам К. А. Тимофеева, «называют действия, наступающие внезапно, неожиданно, но объективно обусловленные теми событиями, о которых упоминается в главном предложении¹⁹».

Кроме Еко, для выражения следствия используется да. Однако примеры немногочисленны. Сказуемое зависимой части выступает в форме настоящего или будущего времени.

и жънЯи мъздУ принять. и събираеть плодъ въ животь вЕчныи да сЕЯи въкоупЕ радуеть сА и жънЯи (Остр. 32, Мар. 328).

Перевод: Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут.

и бысть бесЕдоуЮщема има. и сътАзаЮщема сА. самъ исъ приближъ сА. идяше съ нима. очи же ею държасте сА. да его не познаета (Остр. 4, Мар. 309).

онъ же рече. вамъ есть дано вЕдЕти тайны црствиЕ бжиЕ. а прочиимъ въ притьчахъ. да видАште не видАть. и слышАите не разоумЕЮть (Мар. 227, Остр. 127).

они же не разоумЕшА гла сего. бЕ бо прикръвънъ отъ нихъ да не оштютАть его. I боЕахУ сА въпросити его о глЕ семь (Мар. 238, Остр. 102).

¹⁹ К. А. Тимофеев, ук. соч., стр. 14.

отць (б)о любить сна и всЕ показать емоу Еже самъ творить. I большаа сихъ покажетъ емоу дЕла да вы чюдите сА (Мар. 332, Остр. 13).

Со значением следствия отмечен творительный падеж местоимения тЕмъ в сочетании с частицей же²⁰.

сего ради оставить члкъ отца своего и матерь. I прилепить сА къ женЕ своен. I будете оба въ плтьь единУ. тЕмъ же юже нЕсте дъва нъ плтьь едина (Мар. 54, Остр. 74).

В данном предложении тЕмъ же выступает со значением вывода, следствия.

Аналогичны и следующие примеры:

исъ же идЕаше съ ними. еште же емоу недалече сУщю отъ домоу посьла къ немуу другы сътъникъ гЛА емоу. ги не движи сА. нЕсмь бо (до)стоинъ да подь кровь мой внидеши. тЕмъ же ни себе достойна сътворихъ прити къ тебЕ (Мар. 221, Остр. 96).

Перевод: «...ибо я недостойн, чтобы ты вошел под кров мой, потому и себя самого не почел я достойным прити к тебе».

Архиереи же приемше сьребро рЕшА. не достойно есть вължити его въ карванУ. понеже цЕНА кръве есть. съвЕтъ же сътворише коупишА имь село скудельниково. въ погрЕбание странънымъ. тЕмъ же нарече сА село то кръве до сего дьне (Мар. 105, Остр. 184).

Дъни же бывъшоу рожьства иродова плАса дъшти иродиЕдина по срЕДЕ и оугоди иродови. тЕмъ же съ клАтвоЮ изрече еи дати егоже аште въспросить. (Мар. 48).

Со значением вывода, следствия встречается также сочетание сего ради. Э. И. Коротаева пишет, что «сравнительная бедность союзов следствия восполняется тем, что логическая связь предложений, соединение вывода, заключения с основанием осуществляется с помощью различного рода предложно-местоименных сочетаний²¹».

Горе вамъ кьнигъчия и фарисЕи. I упокрити. Еко сънедаате дома вдовиць. I виноЮ далече молитвУ творАще. сего ради примете лише осУждение (Мар. 83, Остр. 80).

Горе вамъ Еко зиждете гробы пророкъ. отци же ваши избишА Я. оубо съвЕдЕтельствоуоуте и волю имате. дЕломъ отцъ вашихъ. Еко ти оубо избишА Я. вы же зиждете ихъ гробы. I сего ради и прЕмУдрость бжиЮ рече. посьлю въ нА пркы и апостолы. и отъ нихъ оубиЮтъ и ижденУтъ (Мар. 251).

²⁰ Э. И. Коротаева замечает, что местоименная форма тем в соединении с частицей же используется как ссылка на предыдущее. См. Э. И. Коротаева, ук. соч., стр. 76.

²¹ Э. И. Коротаева, ук. соч., стр. 76.

отвѣшта ис. не имаша области на мнѣ никоеяже. аще не би ти дано съвыше. сего ради предавы ма тебѣ боли грѣхъ имать (Мар. 393, Остр. 183).

І рече отрокомъ своимъ. съ есть иоанъ кръститель. тѣ въскресе отъ мрътвыхъ. І сего ради силы дѣять са о немъ (Мар. 48).

В последнем предложении, в отличие от предыдущих, перед сочетанием сего ради находится сочинительный союз и, который еще больше подчеркивает значение вывода.

Интерес представляет такая конструкция:

І рече имъ придѣте вы сами въ поусто мѣсто едини. І почите мало б(Е)баху бо приходашти. І сходаште мнѣози. І не бѣ имъ коли понѣ ести (Мар. 137).

Не имеет ли предложение «І не бѣ имъ коли понѣ ести» значения «так что им и есть было некогда». (Перевод: И он сказал им: «Пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного, так как было много приходящих и отходящих, так что и есть им было некогда»). При таком понимании сочетание союзов коли понѣ приобретает следственный оттенок значения. Однако можно понять это предложение просто как «и некогда им было поест».

Таким образом, в сложных предложениях следствия чаще всего встречается союз Еко. Несколькими случаями засвидетельствованы предложения следствия с да. Со значением вывода, следствия отмечено сочетание тѣмъ же и сего ради.

Сказуемое зависимой части с союзом Еко обычно выражается: а) независимым инфинитивом в сочетании с дополнением в дательном падеже, б) независимым предикативным инфинитивом в сочетании с другим инфинитивом со значением возможности, в) личной формой глагола (имперфектом, редко аористом).

В предложениях следствия с да сказуемое зависимой части выступает в форме глагола настоящего или будущего простого. В других предложениях со значением следствия выражение сказуемого разнообразно.

Предложения со значением следствия занимают незначительное место в исследуемом материале.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЦЕЛИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. И. Гурьева

Сложные предложения, в зависимой части которых указывается на цель или значение того, о чем говорится в господствующей части, различаются в старославянском языке как по синтаксическим средствам связи, так и по степени зависимости своих частей.

Для связи частей предложения употребляются различные служебные слова: **да**, **како**, **еда**, **Еко**.

Рассмотрим, что представляют собой данные предложения в исследуемых нами памятниках¹ старославянского языка.

1. Предложения цели со служебным словом **да**

В предложениях с зависимой частью, выступающей со значения цели, в подавляющем большинстве случаев используется частица **да**, так как предложения цели тесно связаны с выражением категории модальности, с желательным и повелительным наклонением. И эта их близость, как замечает Г. Качевская, «проявляется в том, что придаточные цели изображают события, непременно относящиеся к будущему времени, что сближает их с указанными наклонениями, изображающими события, существующие только в мысли, а не в действительности»². А. Мейе писал, что первоначальное значение **да** — это значение усилительной частицы (= пусть) при описательном обороте повелительного наклонения:

да свѣтитъ сА има твое. да придетъ цѣсарьство твое.

И далее: «На основании подобных случаев, когда предло-

¹ См. Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями И. В. Ягича. СПб., 1883. Остромирово евангелие 1056—1057 года с приложением греческого текста евангелия и с грамматическими объяснениями. Изд. А. Х. Востоков. СПб., 1843.

² Г. А. Качевская, Из истории сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XVI века. Канд. дисс., Л., 1951, стр. 318.

жения ставились рядом и когда да употреблялось в таком значении, создалось впечатление, что да означает «чтобы», например:

дасть имъ власть на доусЕхъ нечистыхъ да изгонАтъ Я... — здесь вполне понятен как первоначальный смысл: «Он дал им власть пусть они изгонят», так и последующее значение: «он дал им власть для того, чтобы они изгнали»³. По мнению А. Мейе, да в старославянских памятниках употребляется в значении «чтобы»⁴.

Однако исследователи исторического синтаксиса по-разному понимают предложения с да. Так, например, Г. Качевская считает, что предложение с да, выражая целевые отношения, «не вполне соответствует понятию придаточного предложения, поскольку оно в значительной мере является самостоятельной предикативной единицей»⁵. По словам С. Л. Баженовой, такие предложения «скорее представляют собой переходный тип предложений, в которых сочинительные связи уже утратились, а подчинительные не пропустили еще во всей своей полноте»⁶. Существует и крайняя точка зрения, что предложения с да вообще являются бессоюзными, в которых сказуемое придаточного цели выражено формой повелительного наклонения глагола⁷.

В памятниках старославянского языка предложения с да, в которых выражаются целевые отношения, по степени зависимости своих частей неоднородны. В одних из них да по своему значению близка к частице «пусть», в других — да употребляется в значении подчинительного союза. Для предложений с да в первом значении, вероятно, характерна некоторая самостоятельность частей предложения, и термины «господствующая» и «зависимая» часть могут употреблены только условно.

³ А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 391—399.

⁴ А. Мейе пишет: «Уже в старославянском языке да безусловно обозначает «чтобы»: изиде сЕЯ и да сЕть... таким образом, начиная с древнейших памятников, да является подчинительным союзом». А. Мейе, Общеславянский язык, стр. 392.

⁵ Г. А. Качевская, Из истории сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XVI века, стр. 341.

А. Н. Стеценко также предполагает, что по своим структурно-смысловым особенностям «обе части сложного предложения могут быть признаны за самостоятельные предложения со значением долженствования». Конструкции сложных предложений с придаточными цели в древнерусском языке. Ученые записки Томского пединститута, т. XV, 1956, стр. 223.

⁶ С. Л. Баженова, Придаточные предложения цели в древнерусском языке (по памятникам XIV—XVII вв.). Автореферат канд. дисс., М., 1954, стр. 4.

⁷ См. Т. С. Жбанкова, Сложные предложения с придаточными цели и конструкции с обособленными инфинитивными оборотами в русском литературном языке (по памятникам письменности XVII—XVIII вв.). Канд. дисс. М., 1955, стр. 151.

В предложениях, в которых да имеет значение подчинительного союза, целевые отношения выражаются яснее и связь частей представляется более тесной.

В обоих типах предложений зависимая часть обычно следует за господствующей. По наблюдениям В. З. Санникова, такое явление характерно и для древнерусских памятников старшей поры. Постпозицию придаточного цели по отношению к главной автор объясняет тем, «что действие — цель, о котором говорится в придаточном предложении, всегда следует по времени за действием главного предложения» и что размещения частей в данных конструкциях «отражает реальную последовательность действий и является основным (а иногда и единственным) грамматическим средством обозначения этой последовательности»⁸.

Рассмотрим предложения цели в зависимости от значения да.

1. В данную группу включаем предложения цели, в которых да, видимо, выступает в значении, близком к частице «пустить».

В таких предложениях сказуемое «зависимой» части обычно выражается изъявительным наклонением. Сказуемое господствующей части нередко выражается формой повелительного наклонения. Зависимая часть выступает со значением побуждения к совершению действия.

и отвѣщавъ иіс рече имъ **блудЕте сА** да никто же васъ **не прЕльститъ** (Остр. 143, Мар. 168).

и рече гь рабоу. изиди на пути и халугы. **оубЕди** вьнити да **наплънитъ сА** домъ мой (Остр. 107, Мар. 265).

Фарисею слЕпе. **очисти** прЕжде вьнУтрьнее стекльници **по**ропсидЕ да **бУдетъ** и вьнЕшьнее има чисто (Мар. 85).

отче аврааме помилоуи **мА**. и **посъли** лазарЕ да **омочитъ** конецъ пръста своего въ водЕ. и оустоудитъ Язкы мои (Мар. 273, Остр. 96).

гла оученикомъ своимъ. **съберЕте** избытъкы оукроухъ. да **не погыблеть** ничътоже (Мар. 336, Остр.35).

не дадите стааго пьсомъ ни **помЕтаите** бисъръ вашихъ **прЕдъ** свиниями. да **не попырУть** ихъ ногами своими и **вращсА** растрьгнуть васъ (Остр. 60, Мар. 19).

рекоша же къ нему братия его **прЕиди** отъсУдоу. и **иди** въ иоудеЮ да и оученици твои **видАть** дЕла твои (Остр. 25, Мар. 342).

⁸ В. З. Санников, Порядок размещения частей сложноподчиненного предложения в древнерусском языке (На материале памятников XI—XIV вв.). «Историческая грамматика и лексикология русского языка. Материалы и исследования», изд. АН СССР, М., 1962, стр. 112.

Сказуемое «господствующей» части может выражаться формой прошедшего времени. В таких предложениях «зависимая» часть обозначает цель действия (поступка) или состояния.

възАшА же камене иоудеи. да и побиЮть (Остр. 37, Мар. 359).

минУвъши соботЕ. мариЕ магдалини. I мариЕ иЕковЛЕ и саломи коупишА ароматъи. да пришедъшА помажУть и (Мар. 183, Остр. 17).

азъ свЕть въ миръ придохъ да всЕкъ вЕроуЯи въ мА. въ тьМЕ не прЕБУдеть (Остр. 44, Мар. 370).

Тогда привЕСА къ немуу дЕти да рУцЕ възложить на нА. I помолить сА (Мар. 67, Остр. 76).

I облЕшА и въ ризы своя ИзвЕСА да пропънУть I (Мар. 180, Остр. 188).

I приношаахУ къ немуу дЕти. да Я коснетъ (Мар. 154).
дасть имъ власть на доусЕхъ нечистыхъ. да изгонАть и исцЕлАть всакъ недУгъ и всаку болЕзнь (Остр. 239, Мар. 29).

После глагола «молити» наряду с целевыми отношениями, выражаются и объектные⁹. По поводу этого А. Вайан замечает: «Впрочем, резко выраженного различия между употреблением да в целевом значении и в качестве союза, вводящего дополнительное предложение, нет: молЕахУ и да коснетъ»¹⁰.

Глагол молити приобретает здесь значение глагола речи, чем и объясняется двойственность в понимании данной конструкции.

азъ же молихъ сА о тебе да не оскУдЕать вЕра твоЕ (Мар. 299).

I молЕше и много. да не посылеть ихъ кроме страны (Мар. 131).

и молЕхУ и. да не повелить имъ въ бездънУ ити (Остр. 99, Мар. 230).

бЕ же тоу стадо свинии много пасомо въ горЕ и молишА и. да повелить имъ вънити (Остр. 39, Мар. 230).

После глагола молити, выступающем в форме прошедшего времени, да встретилась в сочетании с ограничительной частицей тькъмо.

I молЕхУ и да тькъмо прикоснУть сА въкрилии ризы его (Мар. 51).

⁹ На это указывают также исследователи древнерусского синтаксиса. См., например, Р. В. Алим-пиева, Сложноподчиненные предложения в Ипатьевском списке летописи. Автореферат канд. дисс., Куйбышев, 1953, стр. 19.

¹⁰ А. Вайан, Руководство по старославянскому языку, пер. с французского, М., 1952, стр. 399.

В другой части евангелия в подобной конструкции да сочетается с союзом **поне**, придающим уступительный оттенок значения.

И молЕахУ и да **поне** вскрили ризи его прикоснУть сА (Мар. 140).

Сказуемое обеих частей предложений может быть выражено глаголом настоящего времени. Однако, как замечает Э. И. Коротаева, «общий контекст, выражения долженствования, желания, цели (пусть, чтобы) приводит к тому, что форма настоящего времени в подчиненном предложении этого типа приобретает значение действия будущего»¹¹.

а творАи истину **гРАдеть** къ свЕтоу да авАть сА дЕла его (Остр. 13, Мар. 323); нынЕ къ тебЕ **гРАДУ**. си **гЛЮ** въ мирЕ. да имУть радость мою испльненУ въ себЕ (Мар. 386, Остр. 175).

В «зависимой» части встречается составное сказуемое:

азъ же не отъ члвкъ съвЕдЕтельство приемлю нъ си **гЛЮ**. да вы спсени **бУдете** (Остр. 14, Мар. 333).

и за нЯ азъ **свАщУ сА** сама да **бУДУть** и ти **сщни** въисти-ну (Остр. 175, Мар. 386).

вса же дЕла своя **творАть**. да **видими бУДУть** члвкы (Остр. 79, Мар. 82).

2. Вторую группу составляют предложения цели, в которых да выступает в значении союза «чтобы».

В таких предложениях сказуемое зависимой части нередко выражается условным наклонением. По мнению В. Вондрака, условное наклонение в придаточных цели является подлинно славянским оборотом. Однако он замечает, что «Верх одерживает *ind.*, именно Слоньский (насчитал) в Мар., Псалт. и тех частях Супр., для которых имеются греч. подлинники, приблизительно 500 случаев с *ind.* и только двенадцать таких, в которых да с условным наклонением соответствует греч. предложениям цели с *ind.*»¹².

Если в предложениях с изъявительным наклонением, как правильно подмечено С. Л. Баженовой, сказуемое теснейшим образом связано с союзом **да**, то в данных конструкциях **да** играет как бы вспомогательную роль, придавая высказыванию большую точность и выразительность¹³. По наблюдениям не-

¹¹ Э. И. Коротаева, Союзы, выражающие отношения причины, цели и следствия. Ученые записки ЛГУ № 235, серия филологических наук, вып. 38. Исследования по грамматике русского языка. I, 1953, стр. 71.

¹² В. Вондрак, Древнецерковнославянский синтаксис, Казань, 1915, стр. 55.

¹³ См. С. Л. Баженова, Придаточные предложения цели в древнерусском языке (по памятникам XIV—XVII вв.) Автореферат канд. дисс., стр. 7.

которых исследователей, предложения с условным наклоном более четко выражают целевое значение, чем предложения с изъявительным наклоном. Этому способствует «само соslagательное (условное) наклонение, модальное значение которого семантически сближается со значением придаточного цели»¹⁴.

В предложениях с формами условного наклонения в зависимой части сказуемое господствующей обычно выражается глаголом прошедшего времени — аористом или имперфектом, в редких случаях — перфектом.

и посылашА къ немуо едины отъ фарисЕи и иродиЕны. да и бу облыслили словомъ (Мар. 163).

и мьножицеЮ I въ огонь вьврже. Iвъ водУ да и би погубиль (Мар. 150, Остр. 133).

I народи искаахУ его. и приДУ до него I дръжаахУ и да не би отъшелъ отъ нихъ (Мар. 209, Остр. 89).

се же решА искоушаЮште и. да бу имЕли на нь что глати (Мар. 347).

онъ же отъвещавъ рече отъцю своему ... I мьнЕ николи не даль еси козылАте. да съ другы моими вьзвеселилъ сА бимъ (Мар. 270).

Засвидетельствованы случаи, когда в одной и той же конструкции в различных частях евангелия употребляется то условное, то изъявительное наклонение. По поводу этого В. Вондрак замечает, что условное наклонение необходимым здесь еще не было, поэтому оно нередко чередуется с *ind.*¹⁵.

Сравни: ПриношаахУ же къ немуо и младенъца да бы сА ихъ коснуль (Мар. 280).

приношаахУ къ немуо дЕти. да Я коснетъ (Мар. 154).

В некоторых примерах целевое значение сочетается с объектным. В качестве сказуемого господствующей части используется глагол *молити*, выступающий в форме прошедшего времени.

и се весь градъ изиде. противУ иісови и видЕвьше молишА. да бы прЕшьль отъ прЕдЕль ихъ (Остр. 65, Мар. 25).

молЕаше и бЕсьновавы сА. да би съ нимъ былъ (Мар. 132, Остр. 99).

егда же приДУ самарЕне къ немуо молЕахУ и да би прЕбыль оу нихъ (Мар. 328, Остр. 32).

МолЕаше же и единъ отъ фарисЕи да би Ель съ нимъ (Мар. 224, Остр. 222).

Сказуемое зависимой части может выражаться и изъявительным наклоном.

¹⁴ А. Н. Стеценко. Конструкции сложных предложений с придаточными цели в древнерусском языке, стр. 223.

¹⁵ В. Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис, стр. 55.

І се етеръ пристУпъ рече емоу. оучителю блага. что благо сътвориЮ. да имамъ животъ вЕчьны (Мар. 67, Остр. 76).

Въ врЕМА оно. възведъ ись очи свои. и видЕвъ яко мъногъ народъ идетъ къ нему. гла Филипоу чимъ коупимъ хлЕбы да ЕдАтъ си (Остр. 34, Мар. 335).

В предложении со сказуемым в форме изъявительного наклонения отмечены соотносительные слова.

азъ на се родихъ сА и на се придъ въ вьсь миръ. да съвЕдЕтельствоую о ИстинЕ (Мар. 391, Остр. 182).

Здесь два соотносительных слова, выраженных указательным местоимением **се**. Зависимая часть «да съвЕдЕтельствоую о ИстинЕ» раскрывает содержание соотносительного слова **се**, которое выполняет функцию указания на цель действия, выраженного сказуемого господствующей части.

В конструкциях, в которых еказуемое выражено изъявительным наклонением, да встречается в сочетании с **како**.

Еко юже три дьни присЕдАтъ мънЕ. І не имУтъ чесо Ести. и отъпустити ихъ не Едышь не хоштУ. да не како ослабЕЮтъ на пУти (Мар. 54, Остр. 70).

В данном случае сильно выступает и причинный оттенок значения. Сочетание **да не како** имеет значение «чтобы не».

Союз **да** в отрицательных конструкциях выступает и в сочетании с **егда**.

писано бо есть Еко агглomъ своимъ заповЕсть о тебЕ и на рУкоу възмУтъ тА. да не егда прЕтъкнеши о камень ноги твоея (Мар. 8, Остр. 261).

II. Предложения цели с **како**

Предложения цели, в которых зависимая часть присоединяется к господствующей при помощи **како**, немногочисленны. В таких предложениях значение цели выражено довольно отчетливо.

Сказуемое зависимой части может выражаться глаголом в форме изъявительного наклонения.

они же слышавъше въздрадовашА сА. І обещашА емоу сьребрьники дати. и искааше како и въ подобно врЕМА прЕдасть (Мар. 172, Остр. 230).

БЕ же пасха и опрЕснъци по дъвою дъноу. І искаахУ архiereй и кнѣжъници како и лестью емъше оубиЮтъ (Мар. 171, Остр. 229).

ФарисЕи же ишедъше съвЕтъ сътворишА на нь. како погубАтъ (Мар. 38, Остр. 245).

Последнее предложение можно рассматривать и как предложение с объектной зависимой частью.

Сказуемое зависимой части выражается и условным накло-
нением.

І искаахУ архиереи и књижьници како и бУ оубили. боЕахУ
бо сА людии (Мар. 296).

І абие ишедъше фарисЕи съ ІродиЕны съвЕтъ творЕхУ на
нъ. како и бУ погоубили (Мар. 124).

Последнее предложение также может быть отнесено как к
разряду целевых, так и объекта.

III. Предложения цели с еда (еда како)

В нескольких случаях в предложениях со значением цели
отмечен союз еда (еда како). И. И. Срезневский для данного
союза указывает целевое значение «что если», «как бы не»¹⁶.
С таким значением выступает он в следующем предложении:
хощеши ли оубо да шедъше исплЕвемъ Я. онъ же рече ни.
еда вѣстрѣгаЮще плЕвель. вѣстрѣгнете коупно съ нимъ пше-
ницУ (Мар. 44—45).

В Остромировом евангелии в данном случае имеем сочетание
еда како:

... еда како всѣстрѣзующе плЕвелы. вѣстрѣгнете съ нимъ
и пшеницУ (Остр. 241).

Перевод: Хочешь ли, чтобы мы пошли и выбрали их. Он
сказал: «Нет, что если, выбирая плевелы, вы выдергаете вме-
сте с ними пшеницу».

Сочетание еда како может выступать в значении «чтобы
не»:

повели оубо оутвѣрдити гробъ до третияго дъне. еда како
пришедъше оученици его ноштиЮ оукрадУтъ І рекУтъ людемъ
(Мар. 111, Остр. 195).

Перевод: Прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы
ученики его, придя ночью, не украли его и не сказали на-
роду...

глахУ же нъ не въ праздникъ. еда како бУдетъ мльва лю-
демъ (Мар. 171, Остр. 229).

Союз еда отмечен в сочетании с когда.

Внемлете же себЕ. еда когда отАжаЮтъ срдца ваша обЕ-
даниимъ и пьЕньствомъ. І печальми житейскими (Мар. 296,
Остр. 120).

Перевод: Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не
отягчались объеданием и пьянством и житейскими заботами.

¹⁶ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского язы-
ка, т. 1—3, М., 1958, стр. 808.

IV. Предложения цели с Еко

Для выражения целевых отношений в исследуемых памятниках используется также Еко, которое обычно употребляется в сочетаниях с инфинитивом, например:

ВстанУть во лъжи хрсти и лъжи прорци и дадАть знаменія веля и чоудеса яко прЕльстити. аще есть възможно и избраныЯ (Остр. 145, Мар. 89).

Посредством инфинитива с Еко «обозначается действие, являющееся целью другого действия, названного господствующей глагольной формой»¹⁷.

В приведенном примере во внутрь зависимой части вставляется другое предложение: «аще есть възможно».

Зависимая часть, начинающаяся с Еко, может находиться в середине господствующей.

оутроу же бывъшоу съвЕть сътворишА вси архиереи и старьци людьсти на иіса. яко оубити и и съвАзавъше и ведошА. и прЕдашА и. поньтскоумоу пилатоу игемоноу (Остр. 163, Мар. 105).

Здесь также наблюдаются колебания между предложением цели и объекта, поскольку в господствующей части выступает глагол «сътворишА» в сочетании с существительным «съвЕть».

Еко встречается в сочетании с да. Для сочетания Еко да И. И. Срезневский дает значение «чтобы»¹⁸.

Сказуемое зависимой части в таких предложениях выражено глаголом будущего времени.

Рече же молЮ тА оубо отъче. да и посълеши въ домъ отца моего. Імавъ бо пАть братриЕ. Еко да засъвЕдЕтельствоуоутъ имъ. да не и ти придУть на мЕсто се мУчьное (Мар. 274, Остр. 97).

Перевод: Тогда сказал он: «Прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо я имею пять братьев, чтобы он засвидетельствовал им, чтоб и они не пришли в это место мучения».

Зависимая часть «Еко да засъвЕдЕтельствоуотъ имъ» зависит от предложения «да и посълеши въ домъ отца моего», которое отделено от зависимой еще одним предложением «імавъ бо пАть братриЕ». Кроме того, к зависимой части относится предложение с объектным значением.

Одним примером представлена конструкция, в которой зависимая часть с данными союзами вставляется в середину господствующей.

архиереи же и старьци и съборъ весь искаахУ лъжа съвЕдЕтельства на иіса. яко да оубиЮть и. І не обрЕтУ (Остр. 179, Мар. 103).

¹⁷ К. А. Тимофеев, Инфинитивные конструкции с союзом *яко* в древнерусском языке, стр. 3.

¹⁸ И. И. Срезневский, Материалы для словаря ..., стр. 622.

Употребление двух целевых союзов в одной синтаксической конструкции может быть объяснено, как пишет Г. Качевская, во-первых, многозначностью **Еко**, когда для уточнения логических отношений между предложениями, для подчеркивания целевых отношений вводится дополнительный показатель этих отношений — союз **да**. Во-вторых, то обстоятельство, что в предложениях с союзом **да** выражение цели часто переплетается с выражением долженствования или повеления, могло обусловить введение другого союза **Еко**¹⁹.

Несомненно, что наличие в одном предложении нескольких подчинительных союзов является результатом «недостаточной выразительности их значения и недостаточной отработанности структуры сложноподчиненного предложения в целом»²⁰.

Рассмотрение сложных предложений со значением цели позволяет сделать некоторые выводы:

1. В предложениях с целевым взаимоотношением господствующей и зависимой частей наиболее употребительно служебное слово **да**. По степени зависимости своих частей такие предложения неоднородны. **Да** в предложениях цели по своему значению может приближаться к частице «пусть», и тогда части предложения приобретают некоторую самостоятельность. **Да** может употребляться в значении подчинительного союза «чтобы». В таких случаях целевые отношения выступают отчетливее.

2. Кроме **да**, в предложениях цели используются и другие служебные слова: **како**, **еда** (**како**), **Еко** (**Еко да**). Но данные предложения представлены немногочисленными примерами.

3. Чаще встречаются предложения цели с формами изъявительного наклонения в зависимой части. Менее употребительны предложения с формами условного наклонения, которые, по словам А. Мейе, возникли на славянской почве.

4. Среди рассматриваемых предложений встречаются такие, в которых зависимая часть может иметь как целевое, так и объектное значение.

5. Крайне редко (всего два случая) целевое значение зависимой части подчеркивают соотносительные слова. В качестве соотносительного слова выступает указательное местоимение **се**. Оно встречается в предложениях, в которых зависимая часть присоединяется к господствующей при помощи **да**.

¹⁹ См. Г. А. Качевская, К истории сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XVI века. Канд. дисс., стр. 345—346.

²⁰ Э. И. Коротаева, Союзы, выражающие отношения причины, цели и следствия, стр. 77—78.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ФОРМАМИ ГЛАГОЛА В РУССКОМ ГОВОРЕ ИЙЗАКУ ЭСТОНСКОЙ ССР

Х. И. Хейгер

Изучение современного состояния островного говора дает возможность выявить те общие черты, по которым этот говор можно считать частью структурного целого — одноименного диалектного языка, а также те его особенности, на основе которых он выделяется среди других материковых говоров. Кроме того, при синхронном описании островного говора можно проследить явления разных уровней языковой системы, которые обусловлены контактированием двух генетически неродственных языков, а также те сдвиги и изменения, возникшие за время его изолированного существования и носящие внутренний характер. Учет всех диалектных особенностей, в том числе и реликтовых явлений, и целого ряда конкретных условий существования говора (степень изолированности от влияния соответствующего нормированного языка и характер языкового окружения) дает возможность правильно понять закономерности развития говора.

Русский говор Ийзаку в течение столетий (начиная с XII—XIII вв.) развивался в полной изоляции от материковых русских говоров и русского литературного языка, в условиях непосредственного контактирования с неродственным эстонским языком. Процессы взаимовлияния между двумя группами иноязычного населения отражаются в структуре каждого из взаимодействующих языков. В результате контактирования с эстонским языком в русском говоре Ийзаку обнаружены значительные изменения, которые в первую очередь проявляются в фонетической и лексической системе.

В настоящей статье дается описание словообразовательных классов, форм инфинитива и личных форм глагола с целью выявить то общее, по которому говор Ийзаку можно считать частью русского диалектного языка, и то частное, специфическое, на основе которого он выделяется среди других русских говоров.

1. Продуктивные и непродуктивные классы глаголов

Все глаголы в говоре Ийзаку, как и в русском литературном языке, делятся по их продуктивности-непродуктивности на ряд словообразовательных классов и групп, с которыми связываются особенности образования спрягаемых и именных форм глагола. Продуктивные явления характеризуются определенной системой, правильностью, единообразием и массовостью спрягаемых форм.¹ Непродуктивные явления представляют собой ограниченный круг отклонений от общей системы, некоторые из них в силу своей употребительности сохраняют архаические формы.

Руководствуясь принципом деления глаголов по продуктивности и непродуктивности, предложенным в «Грамматике русского языка I»², а также А. В. Исаченко³, в говоре Ийзаку можно выделить следующие классы и группы глаголов.

А. Продуктивные классы

К I классу, более многочисленному в говоре Ийзаку, так же как и в литературном языке, относятся глаголы на *-ат* (*-'ат*) или *-ет* и в 3-м лице множественного числа настоящего (будущего) времени на *-айут* (*-'айут*), *-ейут*. Например: а) *св'атат*, *прий'еж'ат*, *намал'ачиват*, *скрив'ат*, *убив'ат*, *сл'ухат*, *пр'эт'аг'ат*, *управл'ат*, *зажиг'ат*, *угав'ариват*, *памаг'ат*, *палук'ат*, *убир'ат*, *кид'ат*, *тр'ан'ат*, *убир'ат*, *зарабат'ат*, *чит'ат*, *дел'ат*, *вставл'ат*, *наклад'ат*, *купл'ат*, *сграб'ат*, *нагрев'ат*; б) *красн'ет*, *желт'ет*, *талст'ет*, *бледн'ет*, *им'ет*, *влад'ет*, *жал'ет*, *ум'ет*, *чарн'ет*.

Относительно глаголов подкласса на *-ат* следует отметить, что особой продуктивностью обладает суффикс *-а-*, ср.: *пр'эт'аг'ат*, *зарабат'ат*, *наклад'ат*, *склад'ат*, *купл'ат*, *сграб'ат*. Названный суффикс *-а-* употребляется в основном вместо суффикса *-ива-*.

Для всех глаголов I продуктивного класса характерно постоянное неподвижное ударение: оно находится или на суффиксе, или на тематическом гласном основы: *купл'ат*, *купл'айу*, *купл'ала*; *св'атат*, *св'атайу*; *д'умат*, *д'умайу*, *д'умала*; *убив'ат*, *убив'айу*; *бледн'ет*, *бледн'ела*; *жал'ет*, *жал'ела*.

Ко II классу относятся глаголы с основой инфинитива на *-ават* (*-еват*) и в 3-м лице мн. ч. настоящего (будущего) времени на *-уйут*, например: *начев'ат* — *нач'уйу*, *вайев'ат*, *арганиза-*

¹ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, Морфология, II, Братислава, 1960, стр. 40.

² Грамматика русского языка, I, изд. АН СССР, М., 1953.

³ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, Морфология, II.

ва́т, рисава́т, маблизава́т, зави́дава́т, тре́бзва́т, савет́зва́т, ремантава́т, патанцава́т, фармаирава́т.

К этому же классу относятся, как и в литературном языке, глаголы *жева́т, клева́т, кава́т, плева́т*. В этих глаголах элемент *-ова (-ева)* является не суффиксом, а частью самой основы.

В акцентологическом отношении все глаголы этого класса характеризуются неподвижным ударением или на суффиксе — на последнем слоге в инфинитиве: *начева́т, начу́йу, ремѣнтава́т, патанцава́т, патанцу́йу, валнава́т*, или же на корневой части основы: *зави́дзва́т, зави́дзуйу, тре́бзва́т, тре́бзуйу, савет́зва́т, савет́зуйу, пра́знава́т, пра́знуйу, про́бзва́т, про́бзуйу.*

Образований с суффиксами *-ировать, -изировать* в говоре не зафиксировано.

К III классу принадлежат глаголы с суффиксом *-ну-* в инфинитиве, сохраняющимися в формах прошедшего времени, например: *кри́кну́т, тр'ахну́т, верну́т, абману́т, застегну́т, загла́ну́т, пл'у́нут.*

Суффикс *-ну-* в приведенных глагольных образованиях придает значение однократности, мгновенности действия, определяя таким образом их принадлежность к совершенному виду.⁴ Исключение среди глаголов III класса представляют *т'ану́т, тану́т, гнут*, в которых не выделяется суффикс *-ну-*, им не свойственно также значение однократности, мгновенности. Это — глаголы несовершенного вида. Они относятся к старым, непроизводным глаголам и составляют таким образом непродуктивную группу среди глаголов III класса. Все глаголы этого класса в говоре Ийзаку характеризуются постоянным ударением в формах настоящего времени: *кри́кну, кри́кнеш, обману, абманеш; загла́ну, загла́неш; т'ану, т'анеш; но верну́, верн'ош; застегну́, застегн'ош; тр'ахну́, тр'ахн'о, т. е. ударение находится или на основе, или на суффиксе, причем в группе глаголов с подвижным ударением в литературном языке типа *загла́ну́т, абману́т, тану́т* в исследуемом говоре последовательно наблюдается неподвижное ударение на основе (в формах настоящего-будущего времени): *абману, абманеш, т'ану, т'анеш, тону, тонеш*. В формах прошедшего времени наблюдается 2 акцентологических типа, как в формах инфинитива: *кри́кнул, пл'у́нул, верну́л, загла́ну́л, абману́л.**

К IV классу относятся многочисленные глаголы на *-ит* (в форме 3-го лица мн. ч. на *-а́т (-ат)*), например: *бро́сит, ве́рит, гавари́т, карми́т, каси́т, л'уби́т, малати́т, на́сит, тапи́т, хад́ит, плати́т, кр'апи́т, бели́т, суши́т, пасади́т, пра́вит, ко́нчит, руби́т, наста́вит.*

Все глаголы IV продуктивного класса относятся ко II спряжению.

⁴ Грамматика русского языка, I, стр. 542.

Среди глаголов IV класса различаются: 1) глаголы, характеризующиеся чередованием конечных согласных основы, при образовании личных форм настоящего (будущего) времени, и 2) глаголы с постоянной основой, с отсутствием чередования. Это глаголы, основы которых оканчиваются на шипящие, -й и мягкие согласные. Например: *гавар'у, гавар'а; стайу, стайа; сјушу, сјушиши; кончу, кончиши; дел'у, дел'иши*. Тип с чередованием согласного основы (с || џ) зафиксирован в следующих случаях:

а) основа содержит губной согласный: *купит, купл'у; накапит, накопл'у; рубит, рубл'у; любит, любл'у; карзебит-карзебл'у; настаивит, настаивл'у; прибавит, прибавл'у; лавит, лавл'у; кармит, кормл'у;*

б) основа содержит зубной согласный: *платит, плочу; кип'атит, кип'ачу; ходит, хожу; посадит, посажу; гладит, глажу; чистит, чйшу; йездит, йежу; прасит, прошу; касит, кошу.*

Личные формы глаголов IV продуктивного класса говора Ййзаку характеризуются наличием двух акцентологических типов: тип I — с неподвижным ударением на основе, и тип II с неподвижным ударением на окончании. Целиком отсутствует тип с подвижным ударением.

I тип с неподвижным ударением на основе: *ставл'у, ставиши; чйшу, чйстиши; вер'у, вериши; вар'у, вариши; хожу, ходиши; вожу, водиши; ложу, ложиши; плочу, плотиши, купл'у, купиши* и т. д.

II тип с неподвижным ударением на окончании: *гавар'у, гавариши; дар'у, дариши; сажу, садиши; пил'у, пилиши* и др.

В формах прошедшего времени глаголов с ударяемым *и* в инфинитиве ударение падает на тематический гласный: *хадил, варил, вадил, купил, платил, насил*.

Б. Непродуктивные классы

К I непродуктивному классу относятся глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на -ат, а в настоящем (будущем) времени на -и (-у), -е(т) (а не -аю, -аеши). Это глаголы I спряжения, которые в большинстве случаев характеризуются чередованиями согласных в основе: *писат — пишу, пишеши; в'азат — в'ажу, в'ажеши; сказат — скажу, скажеши; резат — режу, режеши; тап'ат — топчу, топчеши; спр'атат — спр'ачу, спр'ачеши; искат — ишу, ишеши; свистат — свишу, свишеши; плакат — плачу, плачеши; капат — копл'у, копл'еши; сипат — сипл'у, сиплеши.*

Отдельную подгруппу I непродуктивного класса составляют: 1) глаголы *брат, зват, драт*, характерной особенностью которых является чередование гласных в основе настоящего времени: *беру, бер'ош, заву, зав'ош, деру, дер'ош*; 2) односложные глаголы на -ат без чередования в основе: *врат — вру, вр'ош*;

ждат — *жду*, *жд'ош*; *ткат* — *тку*, *тк'ош*; *рват* — *рву*, *рв'ош*. Глаголы рассматриваемой группы имеют в говоре Ийзаку неподвижное ударение, которое падает или на корневой гласный основы, или на суффикс в инфинитиве и на окончание в личных формах глагола. Например: *спр'атат* — *спр'ачу*, *спр'ачеш*; *брат* — *бер'у*, *бер'ош*; *сас'ат* — *сас'у*, *сас'ош*; *зват* — *зав'у*, *зав'ош*.

В отличие от литературного языка в говоре наблюдается большая группа глаголов, которые при ударяемом суффиксе в инфинитиве в формах настоящего (будущего) времени имеют неподвижное ударение на корневом гласном: *пис'ат* — *пишу*, *пишеш*, *пишу* (III л. мн. ч.), *в'аз'ат* — *в'ажу*, *в'ажеш*; *иск'ат* — *ишу*, *ишеш*; *пах'ат* — *пашу*, *пахеш*; *тапт'ат* — *топчу*, *топчеш*; *чес'ат* — *чешу*, *чешеш*.

В формах прошедшего времени женского рода глаголы типа *ждат*, *брат* сохраняют постоянное ударение на корне: *жд'ала*, *бр'ала*, *сabr'ала*, *зв'ала*, *назв'ала*, *павз'ала*, *тк'ала*, *рв'ала*, *сарв'ала*.

Ко 2-ой непродуктивной группе относятся глаголы, которые в инфинитиве имеют *-ат* (*-'ат*) или *-ет*, а в настоящем времени окончания II спряжения *-иш*, *-ат* (*-'ат*). Например: *стай'ат* — *стай'у*, *стай'иш*; *леж'ат* — *леж'у*, *леж'иш*; *держ'ат* — *держ'у*, *держ'иш*; *слих'ат* — *слиш'у*, *слиш'иш*; *драж'ат* — *драж'у*, *драж'иш*; *гнат* — *гон'у*, *гон'иш*; *спат* — *спл'у*, *спиш*; *видет* — *виж'у*, *видиш*; *гар'ет* — *гар'у*, *гар'иш*; *бал'ет* — *бал'и*; *кип'ет* — *кип'и*; *терп'ет* — *терпл'у*, *терп'иш*; *гл'ад'ет* — *гл'аж'у*, *гл'ад'иш*; *сид'ет* — *сиж'у*, *сид'иш*; *гуд'ет* — *гуд'и*; *шум'ет* — *шум'и*.

Все глаголы 2-го непродуктивного класса, за некоторым исключением, имеют неподвижное ударение на конечном слоге, например: *леж'ат* — *леж'у*; *стуч'ат* — *стуч'у*, *стуч'иш*; *шум'ет* — *шум'и*; *кип'ет* — *кип'и*; *лет'ет* — *лет'и*; *гл'ад'ет* — *гл'ад'и*; *сид'ет* — *сид'и*.

Глаголы *диш'ат*, *слих'ат*, *держ'ат*, *гнат* во всех формах настоящего времени характеризуются постоянным ударением на гласном основы: *диш'у*, *диш'иш*, *слиш'у*, *слиш'иш*, *гон'у*, *гон'иш*, *держ'у*, *держ'иш*. Такой же тип ударения зафиксирован в глаголах на *-ет*: *видет* — *виж'у*, *видиш*; *верт'ет* — *верч'у*, *вертиш*; *сметр'ет* — *смотр'у*, *смотриш*; *терп'ет* — *терпл'у*, *терп'иш*.

В III непродуктивный класс входят глаголы с суффиксом *-ну-* в инфинитиве, утрачивающие *-ну-* в формах прошедшего времени. Например: *м'орзнут* — *м'орз*, *м'орзла*; *исч'езнут* — *исч'ез*, *исч'езла*; *в'ис'эхнут* — *в'ис'эх*, *в'ис'эхли*; *паг'ибнут* — *паг'иб*, *паг'ибла*; *паг'аснут* — *паг'ас*, *паг'асла*; *прам'окнут* — *прам'ок*, *прам'окла*; *ут'ихнут* — *ут'их*, *ут'ихла*; *асл'епнут* — *асл'еп*, *асл'епла*; *акр'епнут* — *акр'еп*, *акр'епла*; *зав'анут* — *зав'ан*; *аст'инут* — *аст'ил*, *'остыл*.

Ударение в глаголах данного класса постоянное, всегда находится на слоге, предшествующем суффиксу *-ну-*.

К IV классу относим глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на *-ст*: *нест, принёст, вест, привёст*. Среди глаголов с инфинитивом на *-ст* можно выделить две подгруппы. К первой подгруппе (А) относятся глаголы, у которых основа инфинитива и основа настоящего времени совпадают. Характерной чертой глаголов этой группы является отсутствие суффикса *-л-* в формах прошедшего времени мужского рода. В эту группу входят глаголы: *нест (несу́, нес'ош, н'ос, несла́), лезт (лёзу, лёзеш, лёзла), траст (тр'асу́, тр'ас'ош, тр'ас, тр'асла́), гризт (гризу́, гриз'ош, гриз, гризла́)*. К этой же группе относим глагол *рост 'расти' (расту́, раст'ош, рос, расла́)*. Непродуктивным в говоре является глагол *везти*, вместо него употребляется *вест*. Ко второй подгруппе (Б) относятся глаголы, основа настоящего времени которых оканчивается на *т* или *д*, выпадающие в формах прошедшего времени. Мужская форма прошедшего времени оканчивается на *-л*. В эту группу входят глаголы: *вест (веду́, в'ол, велá); мест (мету́, м'ол, мелá), цвест (цвет'о́, цв'ол, цвелá); класт (кладу́, клал, клáла); краст (краду́, крал, кра́ла); пр'аст (пр'аду́, пр'ал, пр'áла); сест (с'áду, сел, сéла), паств (паду́, пал, пáла)*.

Образования на *-ст* возможны и от глаголов на *-т*: *в'аст 'вязать', вест 'весить', в'заст 'взять'*.

Все глаголы 4-го непродуктивного класса имеют неподвижное ударение при спряжении или на окончании, *несу́, нес'ош, несла́, несли́*, или на основе: *лёзу, лёзеш, лёзла*. Глаголы *класт, пр'аст, паств, краст, сест* в формах прошедшего времени имеют ударение на основе: *клáла, пр'áла, упáла*.

В V непродуктивный класс включаются глаголы, инфинитив которых образуется посредством суффикса *-ч*. В говоре Ийзаку данный суффикс, как и все остальные суффиксы инфинитива, характеризуется отсутствием палатализации. Основа настоящего и прошедшего времени этих глаголов оканчивается на заднеязычные *г* или *к*. Например: *берéч — берегу́, бер'ог; жеч — жегу, жог, жгла; запр'áч — запр'агу́, запр'ág, запр'агла́; стерéч — стереги́, стер'ог, стерегла́; помóч — помагла́, памóг; леч — л'áгу, л'ог, легла́; (моч) — магу́, мог, магли́; печ — пеку́, п'ок, пекла́; сеч — секу́, сек, секла́; теч — теку́, т'ок, текла́; стрич — стригу́, стриг, стрíгла*.

Отличительной чертой для данного класса глаголов является отсутствие чередования заднеязычных *г* и *к* с шипящими *ж* и *ч* в формах настоящего времени, как это наблюдается в русском литературном языке: *пеку́, пек'ош; берегу́, берег'ош; жегу, жг'ош; магу́, маг'ош; л'áгу, л'áгеш*. Это широко распространенное в русских говорах явление и представляет собой

результат тенденции к проведению во всех формах глагола того вида основы, которая содержится в исходной его форме — в I-м лице. ед. ч. настоящего времени⁵. Так формы *пеку́, тку́, жгу́* и др. повлекли за собой *пек'ош, тк'ош, жг'ош*. В исследуемом говоре от глагола *мочь* возможно и образование с *ж* в формах настоящего времени: *мо́жу, мо́жеш, мо́жем*, а также *памóжу, памóжеш*.

За пределами приведенных пяти непродуктивных классов остается незначительное количество глаголов, которые составляют более мелкие непродуктивные группы. Среди этих групп выделяются глаголы на *-ават, -айу*: *дава́т, дайу́*, и производные: *а́тдава́т, пра́дава́т*. К этой же группе относятся глаголы, образованные от основы *-знават, -стават*: *узнава́т, узнайу́; встава́т, встайу́; уставáт, устайу́*. Как и в русском литературном языке, основы *дава-, -знава-, -става-* имеются в инфинитиве и в формах прошедшего времени, в формах настоящего времени суффикс *-ва-* выпадает: *дайу́, дайош, дава́л, дава́ла; встайу́, встайош, вставáл, вставáла, вставáли, узнайу́, узнайош, узнава́л, узнава́ла, узнава́ли*. Однако, в говоре Ийзаку, наверное, по аналогии с формами инфинитива и прошедшего времени, возможны и *дава́йу, дава́е, вставáйе*.

Значительную группу составляют глаголы на *-ат ('ат)* с носовым согласным н или м в основе настоящего времени: *жат — жму, жм'ош, жал, жа́ла, жми; жат (жнат) — жну, жн'ош, жал, жа́ла, жни; м'ат — мну, мн'ош, м'ал, м'áла, мни; нача́т — начну́, начн'ош, нача́л, нача́ла, начини́*.

К этой же группе примыкают *вз'ат* и глаголы на *-н'ат*: *зан'áт, прин'áт, сн'áт, нан'áт, пан'áт, падн'áт*. Парадигма данных глаголов представлена следующими формами: *займу́, займ'ош, за́н'ал, за́н'ала, займи́; пайму́, пайм'ош, по́н'ал, по́н'ала, по́н'али, пайми́; прыму́, прымеш, пры́н'ал, пры́н'ала, прыми́; вазму́, вазм'ош, вз'ал, вз'áла, вз'áли, вазми́*. Для всех этих глаголов характерно, как и в литературном языке, образование форм презенса от корня с элементом *-м-*. В отличие от литературного языка ударение неподвижное, бывает или на основе или на окончании. Для форм прошедшего времени характерно ударение на приставке: *по́н'ал, пры́н'ала*. Постоянное ударение имеется и в глаголах *вз'ат, сн'ат — вз'áла сн'áла*. Формы повелительного наклонения оканчиваются на *-и*.

Группа глаголов с *-оло-, -ере-* в корне в говоре Ийзаку меньше, чем в литературном языке. Нами зафиксированы глаголы *терéт* и его производные *стерéт, вiтерет* и др.; *умерéт, намерéт, заперéт; калóт, налóт, малóт*.

⁵ С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, М., 1953, стр. 100. Такое же явление широко распространено в соседних гдовских и псковских говорах. См. Русская диалектология, стр. 288, 289.

Парадигма этих глаголов имеет следующий вид: *тру, тр'ош, т'ор, т'орла; умр'у, умр'ош, ўмер, ўмерла*, возможно и *пам'ор, пам'орла; к'ол'у, к'олеш, кал'ол, кал'ола; м'ел'у, м'елеш, мал'ол, мал'оли*. Формы презенса характеризуются постоянным ударением или на основе, или на окончании. Формы прошедшего времени имеют ударение, одинаковое с инфинитивом (*мал'ол, кал'ол*), или же оно находится на основе (*т'ор, т'орла, пам'ор, пам'орла*) или на приставке (*ўмер, ўмерла, з'апер, з'аперла*).

Глаголы с односложной основой типа *бит, лит, шит, пит*, а также *вит* — *во'у, крит* — *к'ро'у, мит* — *мо'у, рит* — *ро'у* не имеют отличий от литературного языка, за исключением одного слова *петь*, которое в говоре Ийзаку употребляется в виде *п'ейат* и относится таким образом к глаголам I непродуктивного класса на *-ат*.

Особую группу, как и в литературном языке, составляют т. н. разномыряемые глаголы, у которых одни формы образуются по I спряжению, а другие — по II спряжению. Из таких глаголов отметим *бежать* и *хотеть*. Они имеют следующую парадигму: *беж'у ~ беж'у, беж'иш, беж'и, беж'им, беж'ите, беж'у ~ беж'а, (по)беж'ал ~ (по)б'ог; наб'огши; хач'у ~ хач'у, х'очеш, х'оче, хат'им, хат'ите, хат'а, хат'ел, хат'ела*.

Воздействием одних форм на другие, проведением исконной основы настоящего времени не от 1-го л. ед. ч., а от 2-го и 3-го л. ед. ч. объясняются формы презенса типа *беж'у, йан'и беж'а*. Подобные новообразования наблюдаются на территории окающих говоров, где тип спряжения со смягчением заднебных является исконным и где поэтому имелась почва для появления новых образований указанного типа.⁶

Настоящее время глагола *быть* в говоре Ийзаку представлено формой 3-го л. ед. ч. — *йе*. В говоре она широко употребляется для утверждения наличия чего-либо, а также в качестве связки. Например: *йон йе на пл'аце 'на площади', вайн'а йе; в йой там земл'а йе; йе пр'азах'йу 'духовка' п'иражк'ий спеч м'ожна; лап'ата йе так'а, с даск'и с'делана; што эта сег'одн'а йе; йон йе каммун'ист; в йой син йе; в йой йе син; в мен'а йе ачк'и; в д'бчери йе не так'и; в бал'ниц'и йе л'ошад; в йой так'а бал'ест йе*.

Будущее и прошедшее время образуются от основы *бу-*: *б'уду, б'удеш, б'удем, б'удете; бул, б'ула, б'ули*. Такая же основа *бу-* в соответствии с *бы-* наблюдается и в других образованиях: *бу'вала, заб'ул, заб'ута, забу'вайу*.

Отдельную непродуктивную группу составляют два глагола древнего нетематического спряжения: *дать* и *есть*. В говоре Ийзаку они образуют следующую парадигму:

⁶ С. П. Обнорский, Очерки по морфологии, стр. 104.

Единственное число

1-е л. йем, дам	
2-е л. йеш ~ йёстиш	да́стиш ~ даш
3-е л. йёст'а	да́ст'а

Множественное число

1-е л. йёстим ~ йедім	да́стим ~ дадім
2-е л. йёстите ~ йедите	да́стите ~ дадите
3-е л. йед'а дадú	

Приведенные глагольные формы представляют собой результат контаминации форм древнего тематического спряжений и глаголов продуктивных классов, являясь, таким образом, своего рода новообразованием. Аналогичные формы глаголов *есть* и *дать* зафиксированы и в соседних гдовских говорах.⁷

2. Формы инфинитива

Неопределенная форма в говоре Ийзаку образуется посредством моделей *-т, -ст, -ч*. Все эти модели инфинитива характеризуются отсутствием палатализации. Названную черту можно связать с общей тенденцией отвердения согласных в говоре Ийзаку. Среди форм инфинитива большее распространение имеют формы с суффиксом *-т*: *прийе́жайт жени́х теб'а́ св'атат; тада́ йаво́ ста́ли чеса́т; не́чем дете́й карма́т; ста́ли хле́ба свай-о́ва нама́лачива́т; када́ он (Ленин) скри́лса, тада́ йаво́ и мо́г л'убо́й уби́т; в йаво́ и реч та́ бу́ла, слúхат интере́сна; харашо́ умел гавари́т реч; а йёсли кто́ бу́де сверх брата́, то пло́ха бу́де; йёсли бу́дем на зако́ну жит, всим бу́де харашо́; керёнский гавари́л, что вайну́ на́да прѣт'ага́т да́л'ше; пайе́хали в дýму, ле́нин стал гавари́т, что ла́стѣчка стал пет; и стал ле́нин пра́вит; на́да бу́ла дво́р та забра́т; гавари́т, бу́дим карма́л'зва суди́т; кама́ндир не разре́ша́йт ви́хадит из акóп'эв; на́ш'му команди́ру да́ли разре́ше́ние управл'а́т вси́ми палка́ми; хате́ли нас атпра́вит; держа́т не мо́гу (не могут); эсто́нци свай палки́ ста́ли фарми́рава́т; а тепе́р наш полк стал виган'а́т тех, кто к нам не при-сѣйеди́лса; он обма́нств'эм хате́л вз'ат; команди́р гавари́, что нас при́каз ра́стрел'а́т.*

Общеизвестны формы инфинитива на *-ст* в соответствии с ударенным *-сти* в литературном языке. Например: *на́да бу́ла свест к то́хтеру (к доктору); на́да приве́ст; на́да бо́рову снес́т; на́да ви́вест вон; йана́ ско́л'ки ма́г'о вест; на ло́шади на́да бу́ла свест в та́рту и приве́ст дамо́й; ма́ма шла пѣрас'о́нка нест с де-*

⁷ Русская диалектология, стр. 287. Т. Г. Строганов, К характеристике русских говоров Северо-Запада, стр. 141.

рэвни; не б́уде рост; в друго́м ме́сте не хат'а́ рост; как сирéни б́уду цвeст; как ой, харашо́; вс'о б́уде тр'аст.

Образования с моделью *-ст* возможны и от глаголов на *-т*: *лúчише в'аст* (вязать), *скóл'ка маг'б вeст* (весить).

Суффикс *-ч* зафиксирован в глаголах V непродуктивного класса *печ, леч, стерéч, стрич*; *чем же бох памóже, чем йон мóже памóч; на́да сперва́ спeч; на́да сéпики печ.*

Никаких других разновидностей формы инфинитива на *-ч* в говоре Ийзаку не зафиксировано.

Из явлений в области образования инфинитива остановимся еще на одном его типе, усложненном вторичным флективным элементом *-т*. Этот тип представлен соответствующим образованием от глагола *идти*, выступающим в форме *итít*. Такое новообразование наблюдается почти во всех производных от этого глагола формах. Например: *пешкóм на́да итít; гавар'а, на́да итít б́лиже к расcúск'эй граници; кудá паслáли, на́да б́ула итít; йемú л'óка прайтít; на́да сварít пайéст, на́да в пóле итít с афц'ам; двум дéт'ам нéкуда б́ула итít; вор не смей притít б́лизка; врém'а ужé прашóци, йей нúжна б́ула рáн'ше вítит вон; стáр'эй та мáтке на́да рáн'ше вítит вон, а на пагóде йей не дас'тáт вítит; тадá рой дóлжен малéнка прабúт врém'а бóл'ше; а йа сам себе дúмайу то, что мне нéкуди итít; за кл'úквэй прид'óтса зайтít; не магú итít их йeст; на́да тудú ка итít, там йе; дарóги не найтít б́ула.*

Подобного типа образования со вторичным суффиксом *-т* возможны и от глаголов, в исходной форме имеющих суффикс *-ти*: *цветét, кветét, пасúт* (пасти) *запрестít*. Например: *рош б́уде цветét; харашо́ б́уде квétет; пашóл в пóле карóв пасúт; на́да б́ула запрестít.*

По модели *-ст* инфинитив образуется от глаголов IV непродуктивного класса. Например: *вс'о самúм на́да б́ула пр'аст и ткат; н'а папáст б́ула х'ранít; пазвóл' вз'аст кавó хачú; кадá начинáйу дéлат без прóволоки мóже упáст нá зен; им нéкуди м'од класт, патамú что мáла сетн'áгу; на́да м'од йeст; йон дал пайéст и начевáт; заплатú сóрак адún руб, чтоб в сер'óдку папáст; пашлá в кустú йáгади йeст — пабúли; éтак маг'бш упáст и умерét. Такая же система, включающая три модели образования инфинитива *-т, -ст, -ч*, распространена в говорах западной зоны⁸.*

3. Личные формы глагола

По характеру словоизменения в настоящем (простом будущем) времени глаголы в говоре Ийзаку делятся на два основных типа спряжения. Эти два спряжения различаются между

⁸ Русская диалектология, стр. 148.

собой: 1) начальным гласным в окончаниях личных форм: I спряжение характеризуется гласной фонемой *e* с ее соответствующими фонетическими изменениями во 2-м и 3-м лице единственного числа и в 1-ом лице множественного числа; глаголы же II спряжения имеют фонему *и* в том же положении; и 2) гласными в окончании 3-го лица множественного числа: фонема *у* для I спряжения и *а* для II спряжений.

Единственное число

I спряжение

1-е л. нес' -ў
2-е л. нес' -бш
3-е л. нес' -б

II спряжение

гавар' -ў, пил' -ў
гавар -йш пил -йш
гавар -й пил -й.

Такое же распределение между I и II спряжением имеют глаголы с безударными окончаниями в формах не 1-го лица единственного числа.⁹

I-е спряжение объединяет три продуктивных и все непродуктивные группы глаголов за исключением II непродуктивного класса.

В 1-м лице единственного числа глаголы I и II спряжения всегда представлены окончанием *-у* (*-'у*): *в церкву хожу, бора признаў, прошу, пакажу, каров загон'у, пасмóт'ру, напишу, иду, встаў, дайў, н'асў, б'арў, атберў, саш'йў, живу, вазмў, зав'ў, сайдў, пайў, дастайў, уйдў, прив'азў, гавар'ў, кричў, стайў, дел'ў, дёржу, плóха слйшу, пёйу* (пою), *купл'айу, сграбайу*.

Во 2-м лице ед. ч. глаголы I спряжения как с ударенными, так и с безударными окончаниями имеют окончание *e* (или *o*). Например: *кудá пайд'бш в лёси; кадá в агарóд ид'бш; сайд'бш на другой ден; кадá спат ид'бш, вазмй лóжк'й, вазм'бш; у йой там дóйдеш; что ти хочеш, скáжеш; бóдеш вставл'ат; вадй нал'йбш, наклад'бш в пасўду*.

В 3-м лице единственного числа глаголы I спряжения характеризуются постоянным отсутствием конечного *t*: *картóшка гнийó, дажá мнóга бóла; прайд'ó врем'а; учйтел' св'ад'ó впер'од; пчóлка йанá дóгла не жив'ó; адйн раз адйн пайó, другой раз два-три пайў; ésta не пчелавóд, кто гóл'й ид'ó; как тóл'ка мáтка папад'ó тадá йанй вси скóра пайдў; йанá мóже упад'ó; йанй дўмали, что в м'ан'á там раст'ó чтó-нибудь; вот ésta пóчка дайó тóже жарў; катóра нóси писмóв'йа, принес'ó; кто что дайó; йон скóра прийéде; атéц гóй'вву с гóр'зда прив'аз'ó; а эстóнец йон пайд'ó, рукóй махн'ó; мóже прайд'ó п'адис'ат лет, тадá ésta сдéлана бóде; вот тут малóд'й лес раст'ó; ид'ó нарóд с петра-*

⁹ В говоре Ийзаку в заударном положении сохраняется различие фонем *e* и *и*.

градскѣй старани; вѣлнава наро́ду не живѣо; а друго́й раз ваз-
мѣо за уха да в ѱгал да на калѣшки да; йон всим раскѣже; с
малаком пакип'ати, тада атайдѣо; йон не пише; йон гараз бал'-
ной; так что ничѣва бол'ше не принима́е в серѣдку.

1-е и 2-е лицо мн. числа: зѣм'у отберѣом ат памѣшиктѣв, сал-
дѣтам дадѣм, наро́ду дадѣм; ѱтрѣм встайѣом; заводи атберѣом,
наро́ду дадѣм; са свежева то́же саб'йѣом, да долга ган'ат на́да;
ми завѣом гар'анки; ми ско́ра пайѣдем; нагрѣе́ем, перерѣ́жем;
када не му́чайе, тада рѣзат не бу́дем; ви пр'ама идѣте; где ви
жит бу́дете, када пайѣдете.

В 3-м лице множественного числа глаголы I спряжения име-
ют фонему *у* без наличия конечного *т*: тут мхи бал'шийе идѣ;
када невѣстина барѣтства в'адѣ, папрѣбу́йу, грузной ли сундѣк;
ба́би п'акѣ пираги; пришѣл брѣной автѣмабил', йавѣ ну́ли не
б'арѣ; хто пабага́че, наб'арѣ баб бол'ше памага́т; дѣчки живѣ;
када б'арѣ, то то́же дѣн'ги плѣту; на рѣнак ѣсен'йу с'вадѣ; борѣ-
ва уб'йѣ, м'аса прада́йу; друго́й раз прин'асѣ мно́га кой-чѣво;
тада саберѣу капѣй паг'ажелѣй и бросѣйу в падѣл ѣей; тада на
здарѣв'йе вино п'йу; када жени́х ѣѣде за невѣстѣй, дарѣгу за-
кривѣйу; сайдѣу в какой дом да и танцѣйу, гармо́шку игра́йу,
танцѣйу; баравики́ йани расту́ бол'ше в ѣел'н'агу; кто там рабо-
та́е, тамѣу и даставл'а́йу ло́шад; нав'архѣ ко́жуху снимѣйу,
аб'йада́йу, ахѣту дѣла́йу; ставл'а́йу; йани ни напада́йу; а с две-
рѣй нас не випу́шайу; йани лета́йу спако́йна; держѣт не мо́гу;
л'ѣн в'ажу в снапѣ, семенѣ атрѣжу.

II спряжение объединяет глаголы IV продуктивного класса
на *-ит* и II непродуктивного класса на *ат*, *-ет*.

Глаголы II спряжения в формах 2-го и 3-го лица единствен-
ного числа и 1-го и 2-го лица множественного числа во флек-
сии имеют гласную фонему *и*.

2-е лицо единственного числа: чѣрез стеклѣо паг'адѣиш, в
серѣдки не паг'адѣиш, на́да в серѣдинѣ паг'адѣт; шали́ш, ста́иш
на гарѣхе али со́ли; се́на варѣтили, суши́ли; хѣдиш, прѣсиш,
астѣвиш.

3-е лицо единственного числа II спряжения, как и I спря-
жения, представлено отсутствием конечного *т*: ма́тка хѣди, па-
ста́ви в аднѣу йа́мачку, то в друго́у; йана́ хѣди па д'арѣвни;
йана́ прѣси, не вихѣди; да́йте мне сто́лки вайскѣу с петраг'ра-
да, а то фронт не вѣдержѣи; паста́й немно́га; йон ча́ста ѣѣзди
дамѣй; за йѣй б'ажѣи; керѣнский в петраг'ради сидѣи, карни́лгѣв
дѣвѣжетса; када йон жи́дкий, йон до́лше ста́и; по ра́дио гаварѣ,
что ѣта пабалѣзни; са мно́й гаварѣи; неде́лу паста́и; мала-
ко б'ажѣи, вси ѣедави́; в бал'ни́ци лежи́.

1-е и 2-е лицо множественного числа: ста́йм, ста́йм, смѣт-
рим в акнѣ: ми, гаварѣи, вайни́ ни хати́м; сун от бли́ц ми не

йедім, не хатім; сушіли баравікі і падасінавікі; ми, када вайну кінчым, сперва раздэлім зэмлі, народу дадём; салдатам дадём, пасмотрім, каму дат, каму не дат; недэл'ку стай, смэнім ваду; што вы смётрыце; не хатіце; сідзіце.

В 3-м лице множественного числа глаголы II спряжения имеют окончание -а без конечного т: тада пасол'а; м'аса жара'а; в жир палёжа, см'атані палёжа; йані хат'а т'опла; другі не хат'а, старух н'а л'уб'а; йані моца; женіх падаркі дайб, тада прапуста ва двор; ход'а рука за руку; з горба йезд'а, ход'а машін'я; йих рост'а, корм'а, вбза в лес картёфки да пасад'а; зимой так и ход'а по лесу; скапівши пэгавар'а; дэти крича гаубдни; вёши на шафреи л'ажа; два лос'а стайа на дороги; б'ажа жёнщины с нёвскай старані, крича, ваши в публіку стрел'айу.

В говоре Ийзаку можно услышать также параллельные формы 3-го лица единственного числа с конечным -т: приходим в казарми, а там тока кашевари в каструлях мехайут; суп пайёли, а кашу н'асут; нада купит, дарём не дадут; с клевера мала дастайут цвет глубок; хто распродал, из жалъван'я вазмут, — но они представляют собой только единичные явления и встречаются в речи людей, длительное время живших до 1917 года в России (служба в царской армии).

Иногда глаголы II спряжения с безударными окончаниями (а иногда и с ударными) могут образовать форму 3-го лица единственного и множественного числа по образцу I спряжения или наоборот. Например: лесаві свін'яи копл'у в землі корни да лесаві да саснови да; вот када черніка кветі; тепера в каво забалёе, фаршел'а привед'а; пригатов'у.

Таким образом появляются смешанные парадигмы, где формы I спряжения переплетены с формами II спряжения. Но всем таким глаголам со смешанным словоизменением в настоящем (простом будущем) времени характерно сосуществование параллельных форм того спряжения, к которому глагол относится. Такие парадигмы со смешанным словоизменением известны в северных и переходных говорах.

Отсутствие -т в 3-м лице ед. и мн. ч. — это явление очень широкое и значительное в русских говорах. Оно представлено в большей части современной Новгородской области, в более широком виде наблюдается в крайнем северном, Поморском крае¹⁰. Ареал распространения без -т охватывает русские говоры всего Северо-Запада, преимущественно гдовские и псков-

¹⁰ С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, стр. 133.

ские говоры¹¹. В пределах южнорусского наречия формы без -т отмечены на территории, примыкающей к Белорусии.

Как показывают многие исследователи, чаще формы без -т наблюдаются в 3-м л. ед. ч. глаголов I спряжения и во множественном числе II спряжения. В говоре Ийзаку формы без -т в 3-м лице представлены последовательно, независимо от спряжения, форм единственного или множественного числа и места ударения (на основе или окончании). Такое же явление, очень существенное и последовательно проведенное, зафиксировано Т. Г. Строгановой на территории «Гдовского острова»¹². Формы 3-го лица без -т в единственном и множественном числе глаголов I и II спряжения, независимо от места ударения в слове, наблюдается и в говорах Северного Приволжья¹³, а также в южном Приладожье и Прионежье¹⁴.

Исследователями установлено, что формы 3-го лица без -т встречаются уже в древнейших памятниках письменности¹⁵, и полагают, что формы 3-го лица без -т в современных говорах представляют глубокий архаизм. Образование форм 3-го лица на -т было явлением вторичным, сложившимся на основе первоначальных форм без -т¹⁶.

Можно полагать, что сохранение и последовательное употребление форм 3-го л. без -т в говоре Ийзаку свидетельствует о более древнем состоянии глагола на этой территории, изолированной в течение длительного времени от нормирующего влияния русского литературного языка и тем самым дальше от общей тенденции к отмиранию форм без -т, как это наблюдается в современных русских говорах.

Наряду с относящимися к I и II спряжениям глаголами в говоре Ийзаку различаются группы глаголов с основой на Гй (гласный + й (ай-, ей-)) типа *думать, играть*, которые в формах 2-го и 3-го лица единственного числа и 1-го и 2-го лица множественного числа перед окончанием не имеют й. В этой группе глаголов произошла утрата интервокального й с после-

¹¹ В. А. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, стр. 293; Русская диалектология, стр. 161; Т. Г. Строганова, К характеристике русских говоров Северо-Запада, стр. 141; З. В. Жуковская, О типе говоров к югу от Гдова. — Псковские говоры, I, Псков, 1962, стр. 20; Е. П. Луппова, Об употреблении глагольных форм 3-го лица без -т в настоящем и будущем простом времени в северно-русских говорах. — Вопросы языкознания, Л., 1963, стр. 359—368.

¹² Т. С. Строганова, указ. соч., стр. 141.

¹³ Е. П. Луппова, Об употреблении глагольных форм 3-го лица без -т, стр. 366.

¹⁴ З. В. Жуковская, О типах говоров южного Приладожья и Прионежья. — Ученые записки Псковского пединститута, Псков, 1961, вып. VII, стр. 68.

¹⁵ С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, стр. 131—133.

¹⁶ Там же, стр. 135.

дующим уподоблением и стяжением гласных. Однако процесс стяжения гласных в глагольных формах в изучаемом говоре не завершен, поэтому полной ассимиляции гласных *a* и *e* не встречаем. Утрату *й* наблюдаем во всех глагольных формах, кроме 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа в том случае, если ударение падает на слог, предшествующий *й*. Например: *пачемú аб'аздѣлства не випалн'аеш; тахтерá гавар'а, что эта памагáе; йон маг'о дѣлает, но не сабираѣтса; наkáзивали, кадá недббре сдѣлаеш; ми сáми эстóнци, а на эстóнски не знам; снимáеш; рабóтаеш; брасáе; не смѣеш, умѣш, кто знáе, не знáе, знáеш, накупáеш, ви знáете, сабираѣте, думáете, мучáете.*

Стяжение гласных в говоре возможно и во 2-ом лице множественного числа, что обуславливается, видимо, отвердением согласного *t* перед конечным гласным переднего ряда¹⁷. Вообще стяжение во 2-м лице множественного числа в большей части северных говоров редкое явление.

В говоре Ийзаку группа глаголов с основой настоящего времени на Гй (гласный + й) не может рассматриваться как отдельное III спряжение, как это известно во многих северных и среднерусских окающих говорах. В говоре Ийзаку глаголы названной группы с основой на Гй отличаются от глаголов I спряжения только утратой интервокального *й* (*знáеш, знáе, знáем, знáете*), представляя собой, таким образом, промежуточную стадию процесса, конечным результатом которого и являются формы III спряжения со специфическими окончаниями (*игра-ш, игра-т, игра-м*). Кроме того, в говоре Ийзаку возможны также параллельные формы с *й* (*принимáйеш, дѣлаѣем*), тех же глаголов с утратой интервокального согласования элемента: Таким образом, формы с утратой *й*, представляя собой сосуществующее явление, промежуточную ступень фонетического процесса, не могут рассматриваться как элементы морфологической системы, как формы отдельного III спряжения.

Кроме вышеуказанных различий в фонемном составе окончаний, связанных с делением глаголов на I и II спряжение, многие глаголы характеризуются еще чередованиями конечных согласных основы при образовании личных форм. Как и во всех русских говорах, так и в говоре Ийзаку имеются глаголы I и II спряжения с постоянной основой, с отсутствием чередования. Это основы, оканчивающиеся на шипящие, *й* и мягкие согласные. Кроме того, глаголы I спряжения в говоре Ийзаку характеризуются типом чередования твердого согласного (*c*) с парным мягким (*c'*) — (*c* || *c'*).

¹⁷ Об этом же явлении в русских говорах см.: Т. С. Коготкова. Стяжение гласных в русских говорах в его отношении к различным морфологическим категориям. — Материалы и исследования по русской диалектологии, вып. II, М., 1961, стр. 94.

Тип I с отсутствием чередования: *ш'йу, ш'йош; дайу; дай-ош; надевайу, надевайеш, раскажу, раскажеш; саб'йу, саб'йош; хватайу, хватайеш; режу, режем; пишу, пишеш; уб'йу, уб'йош; прадайу, прадайош; брасайу, брасайеш; п'йу, п'йош; выпушайу, выпушайеш; летайу, летайеш; гнийо, гнийош; выпалн'айу, выпалн'айеш; смейу, смейеш; накажу, накажеш; купл'айу; купл'айеш; п'ейу, пейеш, вставайу, вставае.*

Тип II с чередованием с || с': *упаду, упадош; иду, идош; живу, жив'ош; св'адош; вазму, вазм'ош; сайду, сайдош; атберу, атбер'ош; заву, зав'ом, пайду, пайдош; в'аду, в'адош; бару, бар'ош; прин'асу, прин'ас'ош; расту, раст'ош, прив'азу, прив'аз'ош; махну, махн'о.*

К этому же типу в говоре Ййзаку относятся глаголы с чередованием задненебного согласного с мягким его вариантом: *п'аку, п'ак'ош; теку, тек'о; тку, тк'ош; жгу, жг'ош; абажгу, абажг'ош; л'агу, л'аг'еш; магу, маг'ош, маг'о, маг'ом.*

Последний глагол может образовать личные формы и без чередования при основе на ж: *йа не мбжу, мбжеш, йон мбже, мбже бут; йа мбгу, йани мбгу.* Такое же образование форм без заднеязычного элемента находим при изменении глагола бежать: *йа б'ажу, б'ажу, йани б'аж*¹⁸. По спрягаемым формам этот глагол следует отнести ко II спряжению. Совмещение чередований основ на твердые парные согласные и задненёбные в одном типе с || с' характерно и для западных говоров.¹⁹

По соотношению форм с изменением: неизменением согласного в исходе основы глаголы II спряжения составляют два типа: тип I с постоянной основой (без чередования согласного) и тип II с чередованием зубных согласных с шипящими: с || ш, з || ж, т || ч, д || ж, ст || ш, зд || ж; и губных с сочетаниями с л: б || бл; п || пл; в || вл; м || мл. Этот тип чередования отметим с || щ. Приведем примеры на оба типа II спряжения. Тип I с постоянной основой: *гавар'у, гавар'а; стайу, стайш; с'ушу, с'ушш; видержу, видержшш; лежа, лежи; смотр'у, смотриш, кончу, кончшш; раздел'у, разделшш; моча, мочиш; смён'у, смёншш; крича, кричш; жар'а, жаршш; палбжа, палбжшш; б'ажа, б'ажу.*

Тип II с чередованием с || щ представлен глаголами: *кип'а-тиш, кип'ачу; л'уб'а, л'убл'у, куп'а, купл'у; накоп'а, накопл'у; гл'адшш, гл'ажу; ход'а, хожу; пробшш, пробу; йезд'а, йежу; сиди, сижу; хатим, хат'а, хачу; пасад'а, пасажу; корм'а, кормл'у; при-*

¹⁸ Подобные новообразования С. П. Обнорский относит к окающим говорам. См. С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, стр. 104.

¹⁹ Русская диалектология, стр. 155.

báv'a, pribáv'l'y; víd'a, vížu; nastáv'a, nastáv'l'y; núst'a, núst'u;
spróc'a, spróšu; sp'a, spl'u; plótiш, plóчу, rúb'a, rúbl'u.

Спорадически в говоре Ийзаку можно встретить формы без чередования с || *č* конечного согласного основы, например, *кип'ат'у, кип'ат'иш; не год'уc'a* (не го^жуcь), *л'уб'у, л'убиш; йéзд'у, йéздиш*²⁰, *плóт'у, плóтиш; нóс'у, нóсиш; кóс'у, кóсиш.*

По приведенному выше материалу по образованию личных форм глаголов и типов чередования согласных основы настоящего времени говор Ийзаку можно отнести к группе северо-западных говоров с типичными для них севернорусскими, среднерусскими особенностями, характерными для переходных говоров, и специфическими западными чертами с некоторыми южнорусскими элементами (факты нечередования конечных согласных типа *кип'ат'у*).

Парадигмы личных форм глаголов в русском языке и говорах могут быть представлены несколькими типами ударения. Говор Ийзаку в этом отношении отличается наличием 2-х типов ударения: тип I — с неподвижным ударением на основе и тип II с неподвижным ударением на окончании.

К II типу с неподвижным ударением на основе, общеизвестному во всех говорах и в литературном языке (а), в говоре Ийзаку относится также группа глаголов с подвижным ударением (б) в формах настоящего (и будущего простого) времени в литературном языке, причем часть из них может принадлежать также к типу с неподвижным ударением на окончании. С отсутствием типа с подвижным ударением увеличивается, таким образом, мощность как I типа с неподвижным ударением на основе, так и II типа с неподвижным ударением на основе по сравнению с литературным языком.

I тип с неподвижным ударением на основе. Примеры: а) *йéзд'у, йéзд'а; кúшай'у, кúшайем, жáр'а; нагрéй'у, нагрéйеш; смéй'у, смеш; забалéй'у, забалéйеш; памагай'у, памагайеш; л'áгу, л'áгеш; гул'áй'у, гул'áе; слíш'у, слíшиши; накидай'у, накидайеш; с'йéду, с'йéде, пакупáй'у, пакупáйеш; с'йéду, с'йéде; м'ан'áй'у, м'ан'áйе; стáвл'у, настáв'а; памáжу, памáжеш; вéр'у, вéриш; летáй'у, летáйе; випушáй'у, випушáйеш, вáр'у, вáриш.*

б) *хóжу, хóд'а; кóрм'л'у, кóрм'а; вóжу; пасáжу, пасáдиш; пакáжу, пакáжэш; кúпл'у, кúп'а; кóпл'у, кóп'а; прóшу, прóсиш; загóн'у, гóниш; пасóл'у, пасóл'а, палóжу, палóжа; лóжу, лóжут; плóчу, плóтиш; заплóчу, заплóтиш; кóс'у, кóсиш; кúр'у, кúриш; рúбл'у, рúбиш; св'áжем; памóгу, памóже; мóгу, мóжэш; брóшу брóс'а; прагóн'у прагóниш; л'убл'у, л'уб'а; слúжу, слú-*

²⁰ Формы без слияния конечного согласного С. П. Обнорский считает характерным для южновеликорусских говоров, в особенности для Юго-Западной диссимлятивно акающей группы. См.: С. П. Обнорский. Очерки ... стр. 112, 116.

жиш; н^ос'у, н^осиш; напишу', напишут, пише, загляши; пасм^от-
р'у, см^отриш; н^ос'у, н^оси; см^ен'у, см^ениш; вар^очу, вар^отиш; ка-
л^очу, кал^отиш, аткал^отиш;

II тип с неподвижным ударением на окончании: признай^у, признай^ош; приведу', привед'а; абажг^у, абажг'ош, б'аж^у, б'аж'а; гавар'у, гавар'а; кричу', крич'а; кип'ач^у, кип'ат'а; гл'аж^у, гл'а-
д^иш; заву', зав'ош; н'ас^у, н'ас'ош; ид^у, ид'ош; прив'аз^у, при-
в'аз'о; жив^у, жив'о; уйд^у, уйд'ош; вазм^у, вазм'ош; встай^у, вста-
й^ош; сиж^у, сид'а; п'й^у, п'йо; п'ак^у, п'ак'ош; дай^у, дай^ош; а так-
же л'аж^у, л'аж'а; дар'у, дар^иш; маг^у, маг'ош; саж^у, са-
д^иш; пил'у, пил^иш.

По характеру ударения говор Ийзаку можно отнести к груп-
пе северо-западных говоров с типичными севернорусскими
особенностями (постоянное ударение на окончании при отсут-
ствии класса глаголов с подвижным ударением). Интерес пред-
ставляет тот факт, что постоянное ударение в образовании лич-
ных форм глаголов совмещается, как правило, с чередованием
зубных и губных согласных в исходе основы (пр^обу, пр^осиш;
х^ожу, х^одиш; л'у^бл'у, л'у^биш).

На основе рассмотренных глагольных категорий можно ука-
зать на следующие закономерности и особенности в системе гла-
гола говора Ийзаку.

1. В русском говоре Ийзаку глаголы образуют единую си-
стему форм, различающую те же грамматические категории,
что и литературный язык. Различия, встречающиеся в говоре,
касаются лишь форм выражения тех или иных категорий.

2. Среди форм инфинитива преобладают формы на -т без
палатализации в конце слова: пр^авит, забр^ат, держ^ат, вз'ат,
чес^ат. Встречаются также образования со вторичным -т: ит^ит,
прайт^ит, зайт^ит, найт^ит, запрест^ит, пас^ит, цвет^ет.

3. 3-е лицо ед. ч. и мн. ч. обоих спряжений характеризует-
ся последовательным отсутствием флексии -т.

4. В формах 2-го и 3-го лица ед. ч. и 1-го и 2-го лица мн. ч.
глаголов I спряжения наблюдается утрата интервокального *й*
с последующим уподоблением и стяжением гласных: зн^аеш,
зн^аам.

5. Наряду с типичными для литературного языка чередова-
ниями согласных в основе, в говоре встречаются чередования зад-
ненебного с мягким его вариантом (с || с') типа п'ак^у, п'ак'ош;
жгу, жг'ош, а также формы без чередований: м^ожу, м^ожеш;
б'аж^у, б'аж^иш; н^ос'у, н^осиш; к^ос'у, к^осиш; л'у^бу, л'у^биш.

6. В говоре представлены 2 акцентологических типа — с не-
подвижным ударением на основе или на окончании. Отсутст-
вует подвижный тип ударения.

Типы ударения и чередований согласных в исходе основы,
наличие стяженных форм, а также отсутствие конечного -т в
3-м лице ед. ч. и мн. ч. указывают на севернорусское проис-

хождение этих явлений в говоре. Из черт южнорусского происхождения можно отметить: 1) наличие форм инфинитива на *-ст*: *привéст*, *нест* и др., 2) встречающиеся иногда формы без чередований конечного согласного основы: *кúп'у*, *йéзд'у*, *плóт'у*.

Из приведенных особенностей специфически «ийзаковским» можно считать отвердение суффиксов инфинитива, которое может быть обусловлено общей тенденцией отвердения согласных в говоре. Оно объясняется сильным влиянием фонетической системы эстонского языка. Характерным для исследуемого диалекта является также наличие целого ряда новообразований по аналогии. Воздействием одних форм на другие объясняются: *бежú*, *бежиши*, *йанí безá*; *жну*, *жн'би*, *жнат* (инф.), *живú*, *жив'бл*; *пéйат* (инф.), *пéйу*, *пéйеш*, *пéйал*; *вставáт*, *вставáйу*, *вставáйе*; *сграбат*, *сграбáйу*; *йон даст* ~ *дáст'а*, *дáстиш*, *дáстим*, *нá да дáстит*; *йон йéст* ~ *йéст'а*, *ти йéстиш*, *ми йéстим*; *памóжу*, *памóжеш*; *мóжу*, *мóжеш*; *дуб цвет'о*, *цвет'бл*, *запрестú* — *запрестúли*.

На основе проделанного анализа можно заключить, что говор Ийзаку, несмотря на длительное изолированное существование, проявляет удивительную устойчивость, что особенно видно в его морфологической системе, и до сих пор сохраняет свой исконно русский характер.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АФФРИКАТ В РУССКОМ ГОВОРЕ ИЙЗАКУ В ЭССР

Х. И. Хейтер

В системе консонантизма говора Ийзаку внимание исследователя своими особенностями привлекает вопрос об употреблении аффрикат.

В изучаемом диалекте фонемы *ц* и *ч* представлены глухими твердыми аффрикатами, не различающимися по твердости-мягкости и глухости-звонкости. Например: *ноч*, *п'еч*, *проч*, *р'еч* *час*, *чэрн'ика*, *чэтвера*, *чэр'ес*, *мач'ыл'и*, *пач'итал*, *дачка*, *бчка*, *п'ечн'ик*, *кнч'илас'а*; *цэрк'ѳ*, *пт'йца*, *цар*, *цэнá*, *эстнц'й*, *тан'ц'и*, *самц'й*, *ушбц'и*, *нашбц'и*.

В позиции перед *и*, как видно из примеров, обе аффрикаты *ч* и *ц* аккомодируют последующему звуку *и* и произносятся полумягко: *ч'йста*, *мач'ыл'и*, *пт'йц'и*, *канц'й*, *ф калбц'и*. Подобное произношение полумягких аффрикат перед *и* соответствует дистрибутивным нормам говора Ийзаку.¹

Различение твердых аффрикат широко распространено на территории современных западных говоров.² Твердая аффриката *ч* сложилась, как полагает В. Г. Орлова³, на основе твердого цоканья в процессе перехода к различению *ц* и *ч*; *ч* в этих говорах стало усваиваться как твердая аффриката. Часто в таких говорах сохраняются элементы твердого цоканья. И в говоре Ийзаку нередко наблюдаются случаи произношения *ц* в соответствии с *ч*. Например: *дал'ецэ*, *дачка*, *пт'йцка*, *п'ец*, *п'ецка*, *пэц* (инф.), *мац'йт* 'мочить', *брусн'йцн'ик*, *цв'етбцк'и*, *м'ест'ецка*, *ушбц'и*, *н'е хбцэ*, *хбцэш* и пр.

В определенной группе слов прослеживается произношение

¹ О фонеме *и* в говоре Ийзаку и различиях в произношении согласных в сочетании с *и* см. Х. Хейтер, Диспалатализация в русском говоре Ийзаку как следствие взаимодействия с эстонским языком. — Советское финно-угроведение, № 3, 1968, стр. 170.

² Русская диалектология, изд. АН СССР, М., 1965, стр. 83. В. Г. Орлова, История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров, М., 1959, стр. 58 и след.

³ В. Г. Орлова, ук. соч., стр. 58, 59. Русская диалектология, стр. 83.

ц' «мягкого» в соответствии с ц «твердым». Например: бл'иц'а 'гриб', кър'ица, кър'иц'у, в ац'а, ац'у, пр'и ац'у, к ац'у, на ац'у, с ац'ом, ац'ова мат, ац'ов-и ац'и, ац'обск'и дом, з двариц'у, на другом канц'у. Произношение мягкой свистящей аффрикаты в соответствии с этимологическим ц в говоре Ийзаку дает возможность для предположения о реликтовом сохранении в нем мягкого цоканья — самой древней ступени неразличения аффрикат.

Помимо вышеуказанных особенностей, свидетельствующих о сохранившемся в говоре арханчлом произношении аффрикат, в нем прослеживаются некоторые фонетические явления, употребление которых лексически ограничено в виде отдельного слова или небольшой группы слов. Так, в позициях, в которых в славянских языках, во всех или частично произошло смягчение заднеязычных, в говоре наблюдаются формы без подобного изменения.

1. В говоре Ийзаку параллельно с формами на ц сохраняется заднеязычный согласный в слове *цвет* 'цвет' и производств: *кв'ат'и*, *кв'ет'и*, *кв'ет'б*, *кв'ет'у*, *кв'ату*, *кв'алб*, *кв'ат'эл*. *кв'ет* можно услышать в речи коренных жителей старшего поколения. Как известно, в восточнославянских языках сочетание *кв-* перед гласными переднего ряда перешло в *ц* вследствие II палатализации. В западнославянских языках заднеязычный элемент в сочетании *кв-* сохранился: польск. *kwiat*, чешск. *květ*. Изменения представлены у южных и восточных славян, в языках которых произошло смягчение заднеязычного элемента. Однако, в восточнославянских языках переход *кв-* > *ц* совершился непосредственно: в ураинском и белорусском языках смягчение хотя и произошло, но представлено не повсеместно: укр. *квіти*, *квіткі*, *квітнути*, белорусск. *цвет*; в русских говорах северо-западной территории, а также в псковских говорах сочетание *кв-* в начале слова держится довольно устойчиво.⁴ Можно было бы допустить, что слово *цвет* с заднеязычным элементом в сочетании с *в* — это заимствование из белорусского (или даже польского) языка, тем более, что в последнее время некоторые авторы высказывали мысль о том, что сочетания *кве-*, (*зве-*) сохранились у восточных славян только в древнем киевском диалекте; *цвет* в более северных районах — это результат миграции из древних киево-польских говоров⁵. Учитывая значительное распространение слов с *кве-* в северо-западных говорах, С. М. Глушкина приходит к выводу, что *кве-* (*зве-*) — это исконное явление в северо-западных говорах, «след общей до-

⁴ С. М. Глушкина, О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке. — Псковские говоры II, Псков, 1968, стр. 31; Л. И. Царева, Говоры юго-западной части Псковской области (Фонетика и морфология), к/д, Л., 1954, стр. 229.

⁵ G. I. Shevelov, A prehistory of slavic, New York, 1965, p. 301.

письменной изоглоссы, объединившей северо-западные говоры славян с западнославянскими диалектами».⁶

2. В говоре Ийзаку встречаются случаи произношения заднеязычного согласного вместо *ц* и в начале корня перед гласным переднего ряда. Такое произношение зафиксировано в словах: к'ед'йт, 'цедить', к'ед'ылка 'цедилка' и к'эфка 'цевка'. Такие же корни с начальным *к* перед *e* ($e < oi$) широко представлены и в современных северо-западных говорах. Как полагает С. М. Глушкина, сохранение заднеязычного *к* в начале корня перед передним гласным *e*, а также в сочетании *кв-* (квет) представляет собой исконное звуковое явление в северо-западных говорах и свидетельствует об отсутствии второй палатализации заднеязычных на Северо-Западе.⁷ Такой аномалии, как полагает С. М. Глушкина, могли способствовать тесные контакты с западнофинскими языками, в звуковой системе которых были возможны сочетания заднеязычных согласных с передними гласными.⁸

В русском говоре Ийзаку образования с несмягченным заднеязычным вместо свистящей аффрикаты в сочетании *кв-* и в корнях слов представляют собой несомненный архаизм. Наличие таких древних фонетических закономерностей в говоре указывает на языковую общность с территорией, которой они были исконно свойственны, т. е. с бывшей Новгородско-Псковской землей. Действительно, по данным археологии⁹ нам известно, что в XI—XII вв. в незаселенные окрестности Ийзаку проникла волна переселенцев с северо-западной части Новгородской земли. Они и принесли с собой формы без смягчения заднеязычных, которые, по данным древней новгородской письменности, в XI—XII вв. были свойственны живой речи русского Северо-Запада. Формы со второй палатализацией стали появляться в более поздних новгородских грамотах (XIV—XV вв.)¹⁰ Как показывают данные археологии и истории, за период до XVI века заметных изменений в этническом отношении в северном Причудье не произошло. И только со второй половины XVI века (в период Ливонской войны) и в последующие годы можно наблюдать за увеличением русского населения в Северном Причудье в связи с переселением русских крестьян из-за Наровы и Чудского озера — в основном из Новгородской и Псковской земель. Исходя из сказанного, можно предположить, что формы без II палатализации заднеязычных сохранились с самого начала формирования говора Ийзаку, т. е. с XI—XII вв. Наличие образований с элементом *к* в

⁶ С. М. Глушкина, ук. соч., стр. 33.

⁷ Там же, стр. 27, 33.

⁸ Там же, стр. 35, 42.

⁹ Х. А. и А. Моора, Из этнической истории води и ижоры. — Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений, Таллин, 1965, стр. 65.

¹⁰ С. М. Глушкина, ук. соч., стр. 22—28.

нескольких словах и группах слов в современном говоре можно, наверное, объяснить контактированием с эстонским языком, в фонетической системе которого подобные сочетания звуков вполне возможны.¹¹

3. В говоре Ийзаку нередко можно услышать произношение заднеязычного в слове *месяц*: *два м'эс'ака, за стар'и м'эс'ак, скол'к'и м'эс'акэф*, в *ма́йу м'эс'аку* и пр. Подобное же произношение с *к* вместо *ц* в слове *месяц* отмечено также в псковских говорах.¹² Кроме того, в изучаемом говоре известны параллельные суффиксы *-ика/-ица* в словах: *брусн'ика, брусн'ица; земл'ан'ика, земл'ан'ица, чэрн'ика, чэрн'ица, журав'ика, журав'ица ' клюква'*.

Такой же параллелизм в использовании суффиксов с элементами *к* и *ц* известен и в северо-западных говорах.¹³ Хотя история этих суффиксов во многом неясна, вполне убедительной представляется точка зрения С. М. Глускиной, считающей более исконным суффикс с элементом *к*; второй вариант с *ц* мог появиться в результате влияния других русских диалектов и книжного языка, и став более продуктивным, начал вытеснять формы на *к*.¹⁴

Эти формы с несмягченными заднеязычными в суффиксах представляют собой также глубокий архаизм и, как полагает С. М. Глускина, свидетельствуют об отсутствии «третьей» палатализации в северо-западных говорах.¹⁵ Таким же архаизмом представляются вышеуказанные суффиксы с *к* в говоре Ийзаку, примыкающем к Северо-Западу по своим языковым особенностям.

Таким образом, на основе имеющихся в нашем распоряжении данных можно заключить, что говор Ийзаку с самого начала своего развития не знал ни II, ни III палатализации заднеязычных и не пережил изменения $k > c$ в позициях, в которых оно происходило в других восточнославянских диалектах. В своем развитии говор прошел те же этапы в употреблении аффрикат, которые являются закономерными для территории северо-западных говоров. Сохранение древних фонетических закономерностей в говоре объясняется периферийным, изолированным его положением, иноязычным (эстонским) окружением, а также длительным отсутствием влияния нормирующего языка.

¹¹ В эстонском языке со значением цевка (диал. кев(ка) употребляется слово *käiv*. По-видимому, это славянское заимствование в эстонском языке, которое было перенесено из северо-западных русских диалектов до осуществления в них II палатализации заднеязычных (XI—XII вв. или раньше).

¹² С. М. Глускина, Ук. соч., стр. 39.

¹³ Там же, стр. 38.

¹⁴ С. М. Глускина, Ук. соч., стр. 38.

¹⁵ Там же, стр. 39.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

(Метафора и эмоциональность)

Э. А. Вайгла

Как известно, вопрос об эмоциональной лексике в составе современного русского языка еще не получил в лингвистической литературе однозначного решения.

На наш взгляд, эмоциональная лексика представляет собой особый пласт слов в современном русском языке, слов, «призванных» выражать эмоциональное отношение говорящего к явлениям окружающего мира. Следовательно, речь идет о словах, объективно несущих эмоциональную нагрузку, что определяется или может быть определено в словарном порядке.

Одним из наиболее действенных источников оценочности, образности и т. п. в языке является метафоризация. «Взаимодействие основного (прямого, конкретно-предметного) и производного значений видоизменяет и усложняет номинативную функцию слова: оно уже служит не только средством наименования того или иного предмета, но также (и в этом специфика метафоры) средством выражения субъективной оценки предметов и явлений действительности со стороны говорящего. Эта оценка формируется на основе сравнения одного предмета (или явления) с другими, сходными с ним в том или ином отношении: понятия, далекие друг другу, связываются между собой третьим, имеющим общее и с первым, и со вторым; выявлением этого общего создается психологическая основа метафоры, которой определяется и характер общего семантического элемента».¹

Но в отличие от индивидуально-стилистической метафоры, всегда выполняющей ту или иную оценочную функцию,² обыч-

¹ Е. Т. Черкасова, Опыт лингвистической интерпретации тропов. «Вопросы языкознания», 1968, № 2, стр. 35.

² См., например: Б. Мейлах, Вопросы литературы и эстетики, Л., 1958, стр. 205.

но сопряженную с эмоциональной окраской, языковые метафоры не всегда несут эмоциональную информацию.³ Не говоря о большинстве стертых (мертвых, лексикализованных и т. д.) метафор⁴, объективная эмоциональность (т. е. выражение эмоционального отношения) присуща также не всем тем языковым метафорам, в которых ощущается переносность и которые выполняют характеризующую функцию. Примеры: *горячий* (спор), *окаменелый* (взгляд), *стальные* (мускулы), *железный* (характер), *золотые* (листья), *серебряный* (звон). и т. п. Конечно, переносные значения этого типа в зависимости от контекста сравнительно свободно приобретают эмоциональную окраску, что во многом обусловлено самой природой образности [вследствие чего между образностью (живостью, изобразительностью и т. д.) и эмоциональностью во многих работах ставится знак равенства], но эта потенциальная эмоциональность не переводит подобные слова в пласт эмоциональной лексики; изучение таких явлений — объект стилистики речи.

Впрочем, в некоторых общезыковых переносных значениях, по-видимому, содержится эстетическая оценка явлений [ср. *золотые* (листья), *серебряный* (звон), *шелковые* (ресницы) и т. п.]. Возможна она и в прямых значениях слова, о чем свидетельствуют, например, интересные результаты психолингвистических экспериментов Н. Ф. Пелевиной (слова *алый*, *лазурный* большинством информантов воспринимаются как обозначения «красивого» цвета, т. е. как содержащие эстетическую оценку явления).⁵

Здесь представляется уместным еще раз подчеркнуть необходимость отграничения явлений языковых от явлений стилистических.

Это касается в равной степени как эмоциональных, так и образных, экспрессивных (а, по-видимому, и эстетически-оценочных) и т. д. моментов, присущих самому слову (или его узуальным значениям) и подлежащих изучению в лексикологии, в отличие от эмоциональных, образных, экспрессивных, эстетических (часто взаимосвязанных) моментов и явлений семантического осложнения, приращений и т. п., возникающих в более узком или широком контексте, вплоть до контекста художественного произведения как целого.⁶ Более того, само

³ Конечно, граница между языковой и индивидуально-стилистической метафорой не во всех случаях может быть четко проведена.

⁴ Впрочем, среди стертых метафор есть и такие, единственная функция которых — выражение «чистой» эмоциональной оценки чего-либо (*дорогой*, *редной*, *чудесный*, *прелесть* и т. п.).

⁵ См.: Н. Ф. Пелевина, Способы определения структуры значений. В кн.: «Теория речевой деятельности», М., 1968, стр. 185.

⁶ См.: Ю. М. Лотман, Лингвистическое и литературоведческое понятие структуры. «Вопросы языкознания», 1963, № 3, стр. 49; Е. В. Невзглядова, Явление семантического осложнения в потической речи. «Известия ОЛЯ», т. XXVIII, вып. 2, 1969, стр. 148—154.

явление эмоционального и эстетического в стилистике понимается — и правомерно — иначе (учитываются такие моменты, как эмоциональное и эстетическое воздействие на воспринимающего речь, эстетическая оценка самой речи, т. е. выбора речевых средств и т. п.).

Итак, возникает вопрос, при каких обстоятельствах языковая метафора оказывается эмоциональной узуально. Это вопрос о том, имеется ли какая-либо взаимосвязь между характером трех компонентов, взаимодействующих в метафоре (составляемые, сравниваемые явления и основа сравнения, то общее, что делает возможным перенос значения), и обязательной эмоциональностью языковой метафоры.

Давно замечено, что в русском языке (и не только в русском) широко вовлекаются в процесс метафоризации названия, относящиеся к животному миру. Абстрагируются и переносятся на человека, на его действия и т. п. качества, действия и т. п., относящиеся к животным или характерные для них.⁷ Примеры: *белка, стрекоза, лиса, змея, медведь, осел, орел, пресмыкаться, ползать, скулить* и т. п. Но, хотя «анимализация» и является одним из источников наиболее яркой, образной характеристики, тем не менее, не все метафоры, образованные этим способом, несут обязательную эмоциональную нагрузку и, следовательно, принадлежат к эмоциональной лексике. Например, слова *белка, стрекоза, лиса, медведь, хамелеон* могут употребляться в качестве образных обозначений-характеристик человека, без выражения эмоционального отношения к высказываемому со стороны говорящего (хотя, без сомнения, подобные слова в речи обычно легко обрастают различными эмоциональными красками, в зависимости от того, как оценивает говорящий в каждом конкретном случае качества, дающие повод для образной характеристики человека).

С другой стороны, в любом контексте являются эмоционально-оценочными такие метафоры, как *орел* (возможно и иронически), *осел, змея, слизняк* и др.

В данных случаях основой сравнения, абстрагируемыми качествами являются признаки, которые, будучи перенесены на человека, характеризуют его с положительной или отрицательной стороны. Но определяющую роль при возникновении эмоциональной метафоры в этих случаях играет не то обстоятельство, что общий момент при переносе значения здесь — тот или иной объективно отрицательный или положительный признак, отсутствующий в таких метафорах, как *белка, стрекоза* (живость, подвижность в этом смысле качества «нейтраль-

⁷ См., напр., интересные наблюдения над этим явлением в книге: А. И. Ефимов, *Стилистика русского языка*, М., 1969, стр. 116—119, а также: Х. Касарес, *Введение в современную лексикографию*, М., 1958, стр. 124—127.

ные»). Можно назвать человека гордым, смелым, глупым, упрямым, безвольным, бесхарактерным, грубым и т. д., и это может быть абсолютно нейтральной с эмоциональной точки зрения характеристикой, констатацией факта (степень объективности самой даваемой характеристики — особый вопрос). Но качества, объективно присущие тем или иным явлениям, могут интерпретироваться различно, с выражением различного эмоционального отношения к ним. Так, например, слово *слизняк* употребляется как презрительное обозначение слабого, безвольного человека, хотя слабость и безволие могут вызывать и иное эмоциональное отношение (сочувствие, жалость и т. п.).

Метафоризация, как известно, усиливает характеризующий момент именно своей образностью.

Наличие же эмоциональной оценки в метафоре обусловлено характером «первого компонента» метафоры, т. е. свойствами, природой явления, которое обозначается прямым значением слова и представлением о котором присутствует в сознании говорящих при использовании слова в переносном значении. Эмоциональное отношение к различным признакам и их носителям формируется и выражается посредством выбора именно данного явления в качестве «представителя» другого явления, сопоставляемого с первым. Иными словами, посредством определенным образом построенного сравнения явление интерпретируется как вызывающее к себе то или иное эмоциональное отношение.

«Слово *орел*, обозначая «царя птиц», связано с представлением о властном, гордом, царственном. Именно эти признаки абстрагируются, образуя стилистическое ядро переносного значения», пишет А. И. Ефимов.⁸ Посредством весьма «неприятного», резкого сравнения выражается интенсивная отрицательная эмоциональная оценка человека или его действий в словах *осел* (о глупом человеке), *змея* (о злом, хитром, коварном человеке), *слизняк* (о бесхарактерном, беспринципном человеке), *пресмыкаться*, *ползать* (унижаться, раболепствовать), *скулить* (плакаться, ныть) и др.

Ср. такие метафоры, как *лиса* (о хитром человеке), *хамелеон* (о человеке, легко меняющем свои взгляды, убеждения) и др., в которых эмоциональная оценка является факультативной именно по той причине, что само сравнение более «нейтрально», менее резко (ср. *лиса* и *змея*).

Наряду с «анимализацией», которая, впрочем, в большинстве случаев является средством выражения интенсивной эмоциональной оценки (чаще отрицательной), в процесс метафоризации, как известно, широко вовлекаются и другие семантические группы слов.

⁸ А. И. Ефимов, *Стилистика русского языка*, М., 1969, стр. 111.

Так, например, в качестве метафорического обозначения человека функционируют и наименования конкретно-предметного характера: *тюфяк* (о вялом, апатичном человеке), *слякоть*, *сопля* (о слабом, жалком человеке), *сморчок* (о старом, морщинистом человеке). Последний пример интересен тем, что признак, интерпретируемый посредством метафоры с отрицательной эмоцией, сам по себе, объективно, является нейтральным.

Возникают эмоциональные моменты и при других видах метафорического переноса — с обозначения конкретных явлений, действий и т. п. на абстрактные, из одной семантической сферы в другую и т. д. [*мертвечина* (о чем-либо лишенном жизни, движения), *стряпать* (сочинять, писать и т. п.), *стряпня* (сочинение, пьеса, картина и т. п.), *сусолить* (терять время в лишних разговорах)].

При этом разнообразными по степени конкретности, ясности и т. д. оказываются сами признаки, лежащие в основе переноса. Так, в метафоре *осел* общим, характерным признаком является глупость или упрямство. Более сложной оказывается, например, семантическая структура метафоры *слизняк*. Конкретные свойства моллюска — неопределенность формы, отсутствие позвоночника — дают основание называть «слизняком» человека безвольного, бесхребетного. Здесь налицо как бы «двойная» переносность — сам признак при переносе приобретает переносный характер. При этом возрастает резкость, интенсивность эмоциональной оценки. «Расстояние увеличивается, когда абстрагируются материальные или физические свойства предмета, такие, как жесткость, мягкость, гибкость, кислотность, сладость и т. д., выступающие в качестве символов моральных свойств или качеств людей».⁹

Так, например, слово *свинья* может метафорически обозначать человека грязного, неопрятного, а также подлого, поступающего низко, грязно (в переносном значении). В последнем случае эмоциональная оценка оказывается более резкой.

Ассоциации, делающие возможным сопоставление семантически весьма отдаленных друг от друга явлений, могут быть очень оригинальными и неожиданными (*сапог* — о невежественном человеке).

От грубости, резкости сопоставления зависит также степень стилистической сниженности метафоры (ср. след. переносные обозначения глупого человека: *азиат*, *болван*, *бревно*, *дубина*, *идиот*, *кретин*, *осел*, *сапог*, *чурбан*).¹⁰

⁹ Х. Касарес, Введение в современную лексикографию. М., 1958, стр. 125.

¹⁰ См. также: Л. И. Рахманова, О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка. «Вопросы стилистики». Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора К. И. Былинского. Изд. МГУ, 1966, стр. 111.

Посредством метафоры может оформляться как эмоциональная, так и интеллектуальная оценка людей, предметов, явлений.¹¹ Но здесь нельзя не отметить, что по-видимому, в целом ряде конкретных случаев не так легко определить, какая — интеллектуальная или эмоциональная — оценка содержится в слове, тем более, что в контексте на интеллектуальную оценку легко наслаивается эмоциональная окраска (особенно в стилистически сниженных словах), исходящая от говорящего.¹² В качестве примеров, можно, по-видимому, привести следующие: *безродный* (порвавший связь со своим народом, страной), *вязать* (вовлечь, впутать), *разболтаться* (стать своевольным), *расхлябанный* (неорганизованный, недисциплинированный) и др.¹³ Отсутствие обязательной эмоциональной оценки обусловлено характером сопоставления [ср. *стряпать* (сочинять, писать и т. п.), *лезть* (вмешиваться) и др.]

Своеобразное соотношение интеллектуальной и эмоциональной оценки наблюдается в переносных значениях иронического характера. Основа оценки здесь, по-видимому, интеллектуальная (несоответствие явления каким-либо нормам, требованиям)¹⁴, которая осложняется эмоциональным моментом (насмешка). Примеры: *богадельня* (о бездеятельном коллективе и т. п.), *вельможа* (также: *сановник*) (о зазнавшемся работнике), *ветхозаветный* (старомодный, отживший), (светский) *лев*, *священнодействовать* (делать что-либо торжественно и важно) и т. п.

Своеобразие метафорических значений шуточного характера в том, что в них (как вообще в шуточных словах, а также в неочечных «высоких») нет отрицательной или положительной эмоциональной оценки. Посредством шуточного, комического сопоставления различных явлений передается определенное настроение говорящего; его шуточное отношение к высказываемому. Примеры: *ворковать* (нежно разговаривать), *каланча* (о человеке высокого роста), *сватать* (усиленно предлагать), *све-*

¹¹ Интеллектуально-оценочные слова в лексике современного русского языка мы выделяем вслед за Е. Ф. Петрищевой. См.: Е. Ф. Петрищева, Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке. (Опыт лингвистического эксперимента). В кн.: «Развитие лексики современного русского языка», М., 1965, стр. 39—50; она же, Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени. В той же книге, стр. 51—74.

¹² См. об этом также: Л. Г. Барлас, Об отношении стилистической окраски и эмоциональных оттенков слова к его лексическому значению. «Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка», изд. Ростовского ун-та, 1968, стр. 148.

¹³ В словаре С. И. Ожегова эти слова снабжены пометой *неодобр.*

¹⁴ См.: Е. Ф. Петрищева, Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени. В кн.: «Развитие лексики современного русского языка», М., 1965, стр. 54.

топреставление (беспорядок и т. п.), *спрыснуть* (ознаменовать успех или приобретение выпивкой), *хламида* (длинная нескладная одежда).

Имеются метафоры и среди «высоких» слов. Сравнение, на котором строится метафора, «улучшает», «повышает» называемое переносно явление: *артерии* (о путях сообщения), *бич* (бедствие, несчастье), *брат* (товарищ, единомышленник), *будить* (вызывать, возбуждать), *вахта* (самоотверженная работа в ознаменование чего-либо), *светило* (прославленный деятель), *светоч* (о том, кто несет просвещение, свободу и т. п.).

При рассмотрении «высоких» метафорических значений на первый взгляд не всегда ясно, почему в некоторых случаях из ряда синонимов именно данный начинает употребляться метафорически, приобретая «высокий» характер (*бич*, а не *кнут*, *плеть*; *артерия*, а не *жила*; *вахта*, а не *дежурство* и т. д.). Причины этому, очевидно, различны: сфера употребления слова (*вахта* это дежурство на корабле и связано с представлением о бушующем море, капитанском мостике, непоколебимом штурвальном и т. п.); книжные слова легче приобретают «высокую» окраску (*артерии*); иногда, возможно, играет роль и внутренняя форма слова (*бич* — от *бить*) и т. п.

Своеобразный случай, на наш взгляд, представляют слова-оценки метафорического характера, в которых уже трудно определить, какие именно признаки лежат в основе переноса. Сюда относятся, прежде всего, бранные слова типа *гад*, *скот*, *скотина*, *дьявол*, *собака*, *сука* и т. п. В отличие от слов, приведенных выше (см. стр. 185), которые также употребляются в качестве бранных, но в которых сохранилось предметно-логическое содержание (*азиат*, *осел* и др. как обозначения глупого человека), бранные слова типа *гад*, *скот*, *собака* и т. д. служат только для выражения «голой» оценки, «для выражения недовольства в грубой форме».¹⁵

Аналогичные метафоричные значения слов с очень неясными контурами признаков, лежащих в основе переноса, имеются и среди слов положительной эмоциональной оценки (*ангел*, *душа* /*моя*/).

Эмоциональная оценка в словах этого типа базируется, скорее всего, на привычном представлении о «первом компоненте» метафоры (*гад*; *душа* /очевидно, представление о чем-то самом сокровенном/, *ангел*), а иногда на традиционном отношении к нему (*собака*, *сука*). Такие слова употребляются для выражения «чистой» эмоциональной оценки, без указания в их семантической структуре на конкретные причины высказываемого отношения, без конкретной характеристики [в некоторых слу-

¹⁵ О. С. Ахманова, *Словарь лингвистических терминов*, М., 1966, стр. 68.

чаях возможен лишь довольно неопределенный намек на качества того, по чьему адресу высказывается оценка (*ангел, голубка; сатана, скотина, собака*). Думается, что здесь нет метафоры в обычном смысле: поскольку исчезает или делается исчезающе малым, неуловимым один из обязательных компонентов метафоры — основа переноса —, то это приводит к распаду метафоры.

Это не единственная причина возможного распада метафоры. «Самый процесс метафоризации — это исторически развивающаяся и изменяющаяся категория».¹⁶ Если, с одной стороны, расширяется круг слов, вовлекаемых в этот процесс, то, с другой стороны, прямое значение слова может отходить на задний план, забываться, устаревать, переносное же значение продолжает функционировать в языке, причем может сохраниться и его эмоциональное содержание. Таковы, например, многие бранные слова, восходящие к неупотребительным, отошедшим или отходящим в пассивный запас прямым значениям (*аспид, висельник, сволочь, стерва* [ср. *стервец, стервоза*], *супостат* и др.).

Своеобразное явление представляют из себя случаи переносных значений, где с точки зрения современного языка утрачена психологическая мотивация переноса и «невооруженному глазу» не так легко восстановить ассоциации, лежавшие в основе переноса. Почему, например, именно сапожник — «представитель» неумелых, неискусных работников? С точки зрения носителей современного русского языка это абсолютно условно. Ср. также *шляпа* (о неловком, вялом человеке), *колпак* (о простоватом человеке), где в основе переноса лежат своеобразные ассоциации метафорического и метонимического характера, установление которых — дело этимологии, так как с точки зрения современного русского языка мотивация переноса фактически утрачена. Как нам кажется, и здесь можно говорить лишь о метафорическом происхождении значений слов, но не о метафоре в собственном смысле.

Выводы, могущие быть сделаны на основании изложенных выше наблюдений, сводятся, в основном, к следующему.

1. Образность, возникающая в результате метафоризации, сама по себе не ведет к возникновению эмоционального значения слова. Не всякая языковая образная метафора эмоциональна.

2. Основную роль при возникновении и функционировании эмоциональной метафоры играет исходное слово в его прямом значении, т. е. явление, с которым сравнивается другое, характеризующее явление. Именно от его качеств, свойств (а иногда от привычного представления о нем, от традиционного к нему от-

¹⁶ А. И. Ефимов, *Стилистика русского языка*, М., 1969, стр. 114.

ношения) зависит характер самой эмоции, ее интенсивность, а также стилистическая окраска переносного значения.

Для сравнения, сопоставления и т. д. выбирается явление, позволяющее интерпретировать характеризуемое как вызывающее именно такое эмоциональное отношение. На наш взгляд, этому не противоречат даже языковые факты, когда одно и то же слово приобретает в переносном значении различную эмоциональную окраску, так как при этом абстрагируются и переносятся различные его качества, свойства (*теленочек* /о простодушном, глуповатом или слишком тихом человеке/, *дубина* /о человеке высокого роста или глупом/, *разбойник* /насилник и шутило — *озорник, сорванец*/).

3. Поводом, «причиной» эмоциональной оценки могут быть различные признаки, качества, свойства: внешний вид, действия, поведение, интеллектуальные качества человека и т. п., причем их эмоциональная оценка — независимо от их отрицательности или положительности с объективной точки зрения — может быть различной (ср. *птенец, сопляк, сосун, щенок*).

4. Для образования эмоциональной метафоры (а также для характера эмоции) в принципе безразлично также перемещение значения из одной семантической сферы в другую (животное — человек, конкретный предмет — человек, конкретное действие — абстрактное действие и т. д.). Ср., например, о человеке: *пешка* — без эмоции, *тряпка* — пренебрежительно, *каланча* — шутило. Более резкая эмоциональная оценка имеет место, по-видимому, в случаях «двойного переноса», т. е. когда внешние, материальные и т. п. признаки переносятся на моральные качества человека.

5. Эмоциональная оценка может сопровождать предметное содержание переносного значения (*баба* — о нерешительном мужчине, *кисель* — о слабовольном человеке, *телятина* — о глухом или беспомощном человеке и т. д.) или быть его единственным содержанием (*ангел, голубка, лебедь; гад, сука* и др. /хотя в подобных случаях вследствие неопределенности основы переноса уже, по-видимому, трудно говорить о метафоре в собственном смысле/; а также: *бесценный, божественный* и т. п.).

6. Посредством языковой метафоры выражается само различное эмоциональное отношение к окружающему — презрение, пренебрежение, ирония, ласка и т. п. — от весьма грубо выраженных эмоциональных оценок окружающего до шутило к нему отношения, а также оттенки лиричности, торжественности, содержащиеся в «высоких» словах.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ЭПИТЕТА В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА XIX в.

(на материале произведений А. Марлинского)

Х. Д. Леэметс

Литературный язык представляет собой систему взаимодействия функциональных языковых стилей, отличную для каждой эпохи.

Язык писателя строится на базе общелитературного: он включает нормы общелитературного языка + индивидуальные правила пользования этими нормами. Язык писателя включает, таким образом, большое количество отношений: например, отношение индивидуальных средств к средствам общелитературного языка данной эпохи, к средствам «школы», к разговорному языку и т. п.

Язык писателя рассматривается нами как «словесное искусство» (по определению В. В. Виноградова), для которого общелитературный язык является «фоном».¹

Строя фразу в процессе общения, любой человек, говорящий на данном языке, постоянно производит мысленный выбор нужного слова. Выбор этот всегда зависит от условий акта коммуникации. Человек выбирает нужное слово, чтобы лучше, яснее передать свою мысль. Искомое слово в фразе бывает обусловлено 1) семантически, 2) стилистически и 3) грамматически. Грамматические правила соединения слов составляют синтагматическую ось выбора. Семантические и стилистические правила обуславливают выбор слова на парадигматической оси.² В обычном коммуникативном процессе человеком строятся правильные фразы, т. е. соблюдаются правила соединения слов на обеих осях, закрепленные языковым узусом.

¹ См. В. Д. Левин, Некоторые задачи изучения языка Пушкина. Известия АН СССР, ОЛЯ, 1963, т. XXII, вып. 6, стр. 466.

² См. об этом: Р. О. Якобсон, Выступление, в кн. «IV международный съезд славистов», Материалы дискуссии, т. 1, М., 1962, стр. 619—620.

Писатель, строя фразу, имеет иную цель. Нарушая некоторые запреты соединения слов, он делает фразу «неправильной», но сама эта «неправильность» обусловлена авторским замыслом. Для писателя важно не только то, что говорится, но и то, как говорится, хотя в конечном счете второе всегда бывает подчинено первому. Наиболее распространенным нарушением для начала XIX века является несоблюдение правил соединения слов на парадигматической оси, т. е. нарушение семантической и стилистической сочетаемости слов. Нарушения грамматических правил вошли в структуру словесного искусства позднее.

Распространенными формами проявления нарушений нормативной сочетаемости являются тропы, в частности, метафора. Единичное, взятое вне контекста, слово не может быть метафоричным. Метафора всегда предполагает определенный контекст и взаимодействие с ним. Сумма семантически отмеченных контекстов слова составляет семантическое поле этого слова. Перенесение слова из одного семантического поля в другое, т. е. соединение его с другим контекстом, в котором это слово в обычной, непоэтической речи не встречается, на основе сравнения — «скрытого» или явного, но грамматически не выраженного — есть метафора. Семантика строит отношение текста с внетекстовым миром. В зависимости от того, как строится метафора, мы можем судить о семантической структуре мира писателя.

С этой целью предпринята попытка исследовать метафорический эпитет в творчестве А. Марлинского. Характер построения и использования тропов входит в структуру писательского видения мира. Мы согласны с замечанием В. Д. Левина, что «употребление любого языкового факта в литературном произведении в принципе художественно мотивировано».³

Выделяя лишь троп как предмет исследования, мы считаем его структурным элементом всей системы писательского языка. Необходимость исследования системы тропов для изучения языка отдельных писателей признается в научной литературе последних лет.⁴

Подчеркнуто важное место занимают тропы в системе художественных средств в творчестве писателей, объединяемых литературным направлением романтизма. На это справедливо указывает Л. Н. Натан: «Романтику не нужен язык в качестве средства воссоздания в литературе образа человека как всесторонне раскрытой личности. Поэтому у него нет интереса

³ В. Д. Левин. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX вв., М., 1964, стр. 9.

⁴ О. С. Ахманова, Л. Н. Натан, А. И. Полторацкий, Ф. И. Фатющенко, О принципах и методах лингвистического исследования, Изд. МГУ, 1966, стр. 144—149.

к языку как к объекту, нет конкретно-ситуативных мотиваций языковых фактов. Голос романтика — это голос представителя человечества <...>. Зато в языке романтических произведений увеличивается значение тропов и фигур речи. Особенно велико значение метафоры как средства перевоссоздания, романтического преобразования действительности».⁵

Значение исследования тропов и фигур в творчестве писателей-романтиков еще усиливается, если учесть, что не существует «чистых» романтиков и «чистого» романтизма. Романтизм объединяет писателей, во многом различающихся индивидуальной творческой манерой.

Можно предположить, что структура, роль и количество метафор в творчестве писателей-романтиков иные, чем в творчестве писателей-реалистов. Для доказательства сказанного требуется тщательное изучение соответствующего материала.

В настоящей статье рассматривается метафорический эпитет на материале произведений А. Марлинского⁶, известного метафоричностью своего стиля. Мы оставляем здесь в стороне полемику о художественной ценности «блесток» Марлинского. Для нас важно подчеркнуть, что метафоричность органически присуща творчеству Марлинского.

Эпитет часто называют простейшим из тропов. В то же время нельзя не согласиться с А. Н. Веселовским, писавшим: «Если я скажу, что история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании, то это не будет преувеличением».⁷ Эпитет характеризуется им как «одностороннее определение слова, либо подновляющее его нарицательное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета».⁸ В зависимости от указанных функций Веселовский делит эпитеты на «тавтологические»: *красна девица, белый свет* и на «пояснительные», разделяемые в свою очередь на «эпитет-метафору», который строится на параллелизме впечатлений (*черная тоска, мертвая тишина*), и «синкретический» (*зеленый шум* и т. д.).

Б. В. Томашевский при определении эпитета исходит из противопоставления «поэтического определения» «логическому». «Поэтическое определение повторяет признак, заключающийся в самом определяемом слове, и имеет целью обращение внимания на данный признак или выражает эмоциональное отношение говорящего к предмету. <...> Поэтическое определение

⁵ Там же, стр. 59.

⁶ Повести: «Лейтенант Белозор», «Испытание», «Мореход Никитин».

⁷ А. Н. Веселовский, Из истории эпитета. Собрание сочинений, т. 1, СПб., 1913, стр. 58.

⁸ Там же, стр. 59.

называется эпитетом».⁹ Среди прочих видов эпитета Томашевский выделяет и метафорический.

Нами рассматривается метафорический эпитет в «узком смысле» (по Томашевскому), т. е. только «определение при существительном».¹⁰ Метафорический эпитет мы определяем как словосочетание из двух слов (определение + определяемое слово), в основе которого лежит либо сдвиг семантики, т. е. некоторое смысловое несоответствие определения определяемому слову, либо стилистическое несоответствие. Общим требованием к двум указанным признакам является присутствие «скрытого сравнения». Только тогда семантическое или стилистическое несоответствие соединяемых слов будут рассматриваться как метафорические.

Термин «скрытое сравнение» (у Веселовского — «параллелизм впечатлений») кажется нам очень удачным, потому что часто бывает трудно выявить предмет (реалию) сравнения (у Потебни — *tertium comparationis*). Если в случае *жемчужные зубы* предмет сравнения выявить несложно: *зубы как жемчуг*, то гораздо труднее это сделать в случаях, где соответствующая реалья отсутствует: *пылкий взор, глубокая истина, мертвая тишина, обглоданная жизнь*.

Определение при определяемом слове в метафорическом эпитете может быть выражено по-разному. В сферу нашего рассмотрения не вошли словосочетания типа: определение + определяемое слово, состоящее более чем из 2 слов, например: *микроскопического роста амуры, малорослый сын великой нации* и др., а также метафорические эпитеты, являющиеся составной частью более сложного метафорического сочетания, которые нельзя отделить, не разрушив метафоричности всего сочетания: *просеять сквозь судебное решето, алмазные цветы стекол, ядовитые раны ненависти, фосфорное пламя любви* и т. п.

Весь исследованный нами материал распадается на две большие подгруппы: 1) метафорический эпитет (*позолоченная испорченность, карманная добродетель*) и 2) метафорическая перифраза (*четвероногая идиллия* = баран; *жидкое забвение* = водка и т. п.).

Рассматриваемый нами эпитет состоит из определения (прилагательное или причастие) и определяемого слова (существительное). Обозначим первое знаком А, второе — N. Тогда любое из рассматриваемых словосочетаний мы можем записать как AN. N разобьем на следующие семантические подгруппы: N_s — существительные, обозначающие конкретные предметы и явления неживой природы; N_v — существительные, относящи-

⁹ Б. В. Томашевский, Теория литературы, М.-Л., 1927, стр. 35.

¹⁰ Там же, стр. 35.

еся к группе одушевленных. Там, где это необходимо, мы будем различать N_v , — существительные, обозначающие человека; N_{v_2} , — существительные, обозначающие животный мир, исключая человека. N_s и N_v вместе составят группу N_k , где «к» значит «конкретное». Все остальные существительные обозначим как $N_{\bar{k}}$, т. е. обозначающие неконкретные явления. Обозначить их как абстрактные мы не можем по следующей причине: семантическое понятие абстрактного очень сложноопределимо, а грамматическим (абстрактные существительные не имеют множественного числа) мы не можем пользоваться, так как тогда придется отнести к разным группам слова: *мечта, счастье, испорченность, ум, чувство* и т. п.

A_s пусть будет логическим определением к N_s ; A_v , к N_v ; A_{v_2} , к N_{v_2} ; $A_{\bar{k}}$ к $N_{\bar{k}}$. Обыкновенно сфера A шире, чем быть определением только к одной из групп существительных. Есть определения, одинаково пригодные для всех N , обозначим их как $A_{sv\bar{k}}$. Это, как правило, определения, относящиеся к сфере человеческих оценок окружающего мира (положительное — отрицательное, большое — маленькое и т. п.). Есть A , могущие быть определением лишь к части названных существительных, например: A_{v_2s} — обозначения цвета, A_s вкуса и т. д. Необходимо отметить, что часть A обладает ограниченной сочетаемостью, т. е. может быть A_s , которое определяет не все N_s ; A_v , определяющее не все N_v , и т. д. Мы будем обозначать это символами $A_{(s)}$, $A_{(\bar{k})}$ и т. д.

Мы утверждаем, что 1) нарушения сочетаемости по формулам $A_s N_s$, $A_v N_v$, $A_{\bar{k}} N_{\bar{k}}$ всегда воспринимается как «неправильность» того или иного рода; 2) соблюдение правил сочетаемости по указанным формулам еще не свидетельствует о «правильности» фразы. Есть словосочетания, которые можно записать как $A_s N_s$, $A_v N_v$, $A_{\bar{k}} N_{\bar{k}}$, но которые все же будут «неправильными». В таких случаях нужны дополнительные дифференциальные признаки. Они могут быть: 1) стилистическими (соединение поэтического с непоэтическим, высокого — с низким или грубым и т. п.); 2) семантическими: а) общее — часть; б) назначение предмета; в) материал — изделие; г) антоним и др.

Нарушения, записанные нами в виде формул, были замечены давно. Б. В. Томашевский писал: «Для метафоры характерны следующие частные случаи сближения прямого и переносного значения: 1) предметы и явления мертвой природы называются словами, выражающими живые явления <...>. Такое сближение явлений природы с живыми поступками человека называется антропоморфизмом. 2) Отвлеченное заменяется конкретным; явления порядка нравственного и психи-

ческого — явлением порядка физического $\langle \dots \rangle$ »¹¹. Еще раньше у Ломоносова находим: «Метафора есть перенос речений от собственного знаменования к другому ради некоторого обоих подобия, что бывает, 1) когда речение, к бездушной вещи надлежащее, переносится к животной, например: *твердый человек вместо скупой*; $\langle \dots \rangle$ 2) когда речение, к одушевленной вещи надлежащее, переносится к бездушной: *угрюмое море* $\langle \dots \rangle$; *необузданные ветры*; 3) когда слово от неживотной вещи к неживотной же переносится $\langle \dots \rangle$; 4) когда речения переносятся от животных к животным вещам $\langle \dots \rangle$ ».¹² Необходимо более детально рассмотреть нарушения или «переносы» типа $A_s N_k$; $A_k N_s$; $A_s N_v$; $A_v N_s$; $A_v N_k$; $A_k N_v$; в особенности же установить характер нарушений, не охватываемых приведенными общими формулами в метафорическом эпитете на материале прозы Марлинского.

Среди рассмотренных словосочетаний очень четко выделяется группа $A_v N_s$, т. е. AN, где предметы и явления неживой природы имеют определения, относящиеся к живым существам. Они распадаются на $A_v N_s$ — *влюбленная нота, юное утро, доброе солнышко, ревнивая ткань, жеманные кофейники, осанистые кувшины, строптивное бревно, безмолвномертвые тундры*; $A_v N_s$ — *рыскающие волны*; $A_v N_s$ — *алчное море, голодная пучина*.

При еще более подробном рассмотрении оказывается, что наиболее заметными и нетрафаретными являются $A_v N_s$, где N_s — обозначения предметов бытовых (*ревнивая ткань, жеманные кофейники, осанистые кувшины*), в отличие от обозначений природных явлений: *юное утро, доброе солнышко, голодная пучина*. Видимо, дело здесь в традиционном причислении обозначений явлений природы к поэтической лексике. Соединение этих слов с человеческими характеристиками не создает заметных нарушений, если соблюдено требование: злые силы природы обозначать негативными человеческими качествами. С одной стороны — *голодная пучина, алчное море* и с другой — *доброе солнышко, юное утро*. По тем же причинам соединение явлений природы с определениями, которые обычно относятся к животным, создает семантическое нарушение более заметное: *рыскающие волны*.

Самой многочисленной группой семантических нарушений в метафорическом эпитете Марлинского являются словосочетания типа $A_{(s)} N_k$, т. е. писатель чаще всего употребляет конкретное определение к неконкретному определяемому: *праздничный язык, переслащенные комплименты, холодное сомнение, теплая*

¹¹ Б. В. Томашевский, Указ. соч., стр. 30—31.

¹² М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7, М.—Л., 1952, стр. 216.

мольба, обглоданная жизнь, засмоленное приветствие, изношенное красноречие, кровавые предрассудки, черные мысли, блестящие слова, пламенные нелепости, зажигательные известия, глубокая истина, позолоченная испорченность, золотой век, карманная добродетель, семимильный рассказ, сладкий сон, огневая мысль и т. д. Логические определения типа названных чаще всего не могут охватывать всю группу N_s , а лишь какую-то часть. Например, *сладкий* может быть (логически, или, что то же самое, при обычной лексической сочетаемости) определением лишь к той части N_s , которые обладают вкусовыми качествами; *холодный* — к предметам, имеющим термическую характеристику; *золотой* — ко всем предметам, кроме вещественных, и т. д. Еще менее, разумеется, эти А могут быть определениями к неконкретным понятиям. Будучи самой многочисленной, эта группа включает наименее индивидуальные эпитеты.

Эпитеты типа *сладкое заблуждение, сладкий сон, золотой век, холодное сомнение, теплая мольба, пламенные (пылкие) взгляды, глубокая истина*, встречающиеся у Марлинского чаще остальных (эпитетов с вариантами *пламенный, пылкий* — 6, *сладкий, сладчайший* — 9), характерны и для других писателей конца XVIII — начала XIX в.в. В этой группе встречаем наибольшее количество так называемых «стертых» («словарных», «языковых») метафор. Языковая метафора — это «привычные», «признанные» нарушения, которые почти не воспринимаются как таковые. Для романтической литературы того времени был характерен целый ряд языковых метафорических эпитетов, составлявших как бы определенный законченный слой поэтической фразеологии. Типичны определения *сладкий, золотой, теплый, пламенный, горячий* с антонимичными — *горький, холодный* и рядом других в соединении с отвлеченными понятиями. На материале эпитетов этой же группы можно проследить стремление Марлинского к «подновлению» или «актуализации» стершихся метафор. Индивидуальная метафора возникает при взаимодействии второго пласта правил построения художественного текста (т. е. «норм, обеспечивающих правильность с точки зрения законов «здорового смысла») с более высокими уровнями.¹³ У Марлинского это выражается в стремлении сделать определения еще более конкретными. Вместо определения, обладающего широкой сочетаемостью, берется определение с более ограниченной сочетаемостью (того же семантического поля). Наряду с А *пламенный, пылкий, зажигательный, горячий* встречаем *брандскугельный (пылкое воображение, зажигательные известия, брандскугельные послания)*; наряду со *сладкий* — *переслащенный (переслащенные комплименты)*; наряду с *пустой, мелкий* —

¹³ См. об этом: Ю. М. Лотман, Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста. Уч. зап. ТГУ, вып. 236. Труды по знаковым системам, IV, Тарту, 1969, стр. 212.

миниатюрный, микроскопический (миниатюрная политика, микроскопические красоты); наряду с горький — желчный (горькая мысль, желчная ревность). К этой же группе относится ряд «синкретических» метафорических эпитетов: *цветистые грезы, черные мысли*.

В группе $A_{(s)}N_{\bar{k}}$ можно выделить несколько индивидуальных метафор, в которых определением является причастие: *засмоленное приветствие* (т. е. грубое), *обглоданная жизнь, изношенное красноречие*.

Интересную группу составляют сочетания A_sN_v . Сюда входят эпитеты $A_{(s)}N_{v_1}$; (*горячий патриот, пылкий друг, просоленный моряк* и др.). Наибольший интерес в этой группе, однако же, представляют выражения, которые на основе принятых нами обозначений на первый взгляд дают формулу A_sN_s и, тем не менее, ярко метафоричны: *яхонтовые очи, сафьянное лицо, пергаментное лицо, ледяная рука, вытянутое лицо, зажигательные глазки, кисло-сладкие лица, зимняя рука, рассеянная голова, русская спина, русская физиономия, голландское сердце*. При ближайшем рассмотрении оказывается, что семантически части человеческого тела ведут себя в данной ситуации как сам человек. Эти эпитеты следует записать формулой $A_{(s)}N_s = A_{(s)}N_v$.

Немногочисленна группа эпитетов $A_{\bar{v}}N_{\bar{k}}$, где определения, характерные для живых существ, относятся к отвлеченным понятиям: *мертвая тишина, юное воображение, слепое счастье, буйная молодость, кудрявый рассказ, юная литература, холодной XIX век, гордая холодность*.

Метафоричны эпитеты $A_{\bar{v}_1}N_{v_1}$ — *доморощенный ориенталист*. Единичны случаи нарушения семантического соединения слов $A_{\bar{k}}N_s$, всегда сопровождаемые нарушениями стиля: *прагматические пуговицы, романтические покровки* и др.

Приведенная классификация включает большинство метафорических словосочетаний AN у Марлинского. Оставшиеся случаи требуют рассмотрения более подробного. Это AN , где нарушены соотношения а) общего — части; б) материала и изделия; в) стилем; г) синонимичности — антонимичности. Эпитеты с нарушениями группы а) могут быть записаны как $A_{(sv\bar{k})}N_{\bar{k}_2}$, где $N_{\bar{k}_2}$ выражают общечеловеческие чувства, которые не могут быть определяемы $A_{\bar{k}_1}$ (по правилам нормативной лексической сочетаемости): *голландский ум, французская самоуверенность, европейская веселость, литературная совесть* и др. К этой группе примыкают (несколько отличаясь) эпитеты $A_{\bar{k}_1}N_{\bar{k}_2}$: *бемольный тон, бемольная память*, где общее определение *грустный* заменено частным термином из области музыки. Эпитеты группы б), типа *свежепросольный мундир* соответственно записываются как $A_{s_1}N_{s_2}$. В них нарушена сочетаемость материала и изде-

лия, явления и его физической природы и т. п. Эпитеты *огненное облако, огненные тучи* можно рассматривать двояко: либо 1) *тучи цвета огня*, — в таком случае это не метафора; либо 2) *тучи как огонь* (куда включается, конечно, и цвет). Во втором случае нарушено правило сочетаемости понятий по их физической природе. Стилистические нарушения (группа в) могут сопровождать приведенные семантические нарушения, но могут от них и не зависеть: *благословенная бородаща, величественные зевки* и др. *Благословенным*, равно как и *величественным*, может быть что угодно (A_{svk}), кроме предметов низких, непоэтических.

Другую группу метафорических эпитетов Марлинского составляют метафорические перифразы, которые нуждаются, как правило, в расшифровке иногда менее сложной, из контекста, иногда более сложной, требующей знания литературы соответствующего периода: *нравственное солнце* = мысль; *казацкое солнышко* = луна; *алмазные цветы* = звезды; *серебряные колося* = волны, разрезаемые кораблем; *песчаное море* = пустыня; *огненный водопад* = шквал; *соленая купель* = море; *пловучая почва* = борт куттера; *духовное око* = мысль; *зыбкая стихия* = море; *свинцовая монета* = пуля и др.

Как правило, метафорический эпитет Марлинского ироничен. Ирония возникает за счет всех возможных нарушений. В метафорических перифразах прослеживаются очень сложные связи. Например, в словосочетании *четвероногая идиллия* = баран. При чтении нужно знать, что *овца* — атрибут идиллической литературы. Далее идет обычное нарушение A_v, N_k с характерной для Марлинского конкретизацией (здесь — *четвероногая*). Можно привести целый ряд примеров аналогичных, должных шокировать современников (что, вероятно, и входило в авторские намерения) перифраз: *словесная пирожица* = мадам де Сталь; *гербовый злодей* = француз; *доморощенный Жомини* = персонаж — хвостун; *жидкое забвение* = водка; *трехгранные доказательства* = штыки; *двуногая табакерка, двуногая треска* = Гензиус, персонаж, очень худой, педантичный человек, часто нюхающий табак; *таможенная мышеловка* = Монтань, таможенный чиновник, очень недалекий, но служащий с большим рвением; *бородатые собаки* = пленные русские в сознании англичанина; *угнетенная невинность* = поросенок.

Нами не рассматривались здесь так называемые постоянные эпитеты типа *зелено вино, добрый конь, удалая голова, добрые люди, белый свет, красный товар* и т. д. Это устойчивые словосочетания в рамках народно-поэтического творчества, которыми Марлинский пользуется для создания колорита народной речи. Из 11 отмеченных случаев 10 встречается в «Мореходе Никитине», повести, ярко стилизованной под народную.

Мы описали механизм семантических нарушений лишь на частном случае метафоры — метафорическом эпитете, в самых общих чертах. Трудность подобных описаний зависит от сложности исследуемого материала: семантика до сих пор остается самой труднодоступной и малоисследованной областью лингвистики. Нужно учесть и то, что при изучении семантической структуры языка писателя приходится сталкиваться с взаимодействием семантики чисто языковой и особых задач словесного искусства, что отнюдь не упрощает задач исследователя.

ИЗ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(I половина XIX века)

С. В. Смирнов

Конец XVIII — начало XIX века в России характеризовались быстрым развитием различных областей знания, выделением новых научных дисциплин. В связи с этим актуальной задачей становится создание специальной терминологии, способной более точно выражать новые научные понятия. В. В. Веселитский, анализируя историю отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX века, отмечал, что для ее развития характерны две черты. «Это, во-первых, интенсивность пополнения основных групп отвлеченной и специальной лексики — философской, естественнонаучной, общественно-политической, социально-экономической, литературоведческой и др. Во-вторых, это чрезвычайная вариантность средств выражения новых понятий и сопутствующие ей процессы дифференциации и вычленения наиболее адекватных и однозначных единиц».¹

Если при анализе развития общеупотребительной лексики в большинстве случаев невозможно установить автора того или иного слова, то в терминологии дело обстоит иначе. Основную роль в создании специальной лексики играют ученые. И здесь всегда можно выяснить, в чьем труде впервые встречается тот или иной термин. Однако применительно к XIX веку, учитывая обилие выходившей научной литературы, сделать это уже нелегко. Практически только массовые обследования могут более или менее гарантировать точность вывода. В таком случае очень важное значение приобретают свидетельства авторов и их современников, для которых каждое новое и удачное слово было открытием и в науке, и в языке.

¹ В. В. Веселитский, Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX века, М., 1964, стр. 156.

В исследованиях уже отмечалось, что значительную роль в создании русской естественнонаучной терминологии сыграл М. А. Максимович. Например, в его трудах 20-х гг. XIX века впервые встречаются в новом терминологическом значении слова *клетка* и *клетчатка*.² Однако этими примерами не ограничивается вклад М. А. Максимовича в развитие специальной (ботанической) лексики, о чем будет рассказано ниже.

Михаил Александрович Максимович родился 3 сентября 1804 года в Полтавской губернии в небогатой дворянской семье. Первое образование он получил в доме дяди Ильи Федоровича Тимковского, бывшего профессора Харьковского университета, автора «Опытного способа к философическому познанию русского языка» (Харьков, 1811). В 1819 году М. А. Максимович поступил на словесное отделение Московского университета, но через два года перешел на физико-математический факультет. В 1823 году он окончил университет со званием кандидата, а в 1827 г. защитил магистерскую диссертацию «О системах растительного царства». Через два года М. А. Максимович был назначен адъюнктом и в 1833 г. ординарным профессором по кафедре ботаники в Московском университете. В 1828 году он издал книгу «Основания ботаники, I», имеющую большое значение как в истории естествознания, так и истории русского языка.

М. А. Максимович придавал большое значение языку науки. В одной из работ он писал: «Словесность для науки то же, что образование для учения; и для успешнейшего распространения ботаники в России (кроме тех условий, от коих наиболее сие зависит), необходимо еще *сроднить* науку с языком нашим³».

В области терминологии М. А. Максимович опирался на труды проф. И. А. Двигубского и отчасти И. И. Мартынова. Но многие слова были созданы им самим. Об этом он пишет следующее: «К сему я был побужден следующими причинами. Некоторые слова не были еще приняты нашими писателями: из таковых я избирал очень немногие, выражающие существенную особенность органа, употребляемые в практике Декандо-лем и след. необходимые к уразумению его классических сочинений; таковы слова *carpellum*, *torus* и проч. Иногда писатели, коим я следовал, принимали латинские слова в смысле обширнейшем либо более ограниченном против прежнего: в таком случае и прежние оных переводы должно было заменить словами другими сообразно значению, ибо *слово для мысли*⁴».

В «Основаниях ботаники» встречаются следующие новые термины, созданные М. А. Максимовичем.

² Там же, стр. 147.

³ М. Максимович, Систематика растений, М., 1831, стр. VI.

⁴ М. Максимович, Основания ботаники, М., 1828, предисловие.

Завиток. Если волоконца свиваются спирально, либо в отдельные кольца, то из сего происходят *завитки* (стр. 4). *Завитки* или спиральные сосуды <...> суть тонкие завитые волокна, составляющие таким образом трубочки, проводящие воздух (стр. 8).

Приемничек. *Приемнички* <...> суть расширения межклетников, содержащие в себе собственные соки (стр. 8).

Стан. Под именем *стана* (сogmus) разумеем совокупность органов возрастания, т. е. тех, в кои развивается зародыш до цвета (стр. 26).

Донце. *Донце* (Iecus) или сплюснутое круглое основание луковицы, издающее вверх листы и стрелку, а вниз корни (у гиацинта, тюльпана), есть не иное что, как весьма короткий стебель (стр. 31).

Распуколька (*распуколка*). Цветочная почка или *распуколька* (alabastrum Link, по-франц. bouton) есть неразвившийся цветок (стр. 59).

Ростец. Слияние органов возрастания, особенно у грибов, коростов и печеночных мхов, называется *ростцом* (стр. 63).

Полог. *Полог* (perigonium) составляют оболочки, окружающие половые части и принадлежащие к цветку собственно, а не к прицветникам (стр. 79).

Насест. Плод земляники состоит из многих зерновок, погруженных в мясистом на оси утвржденном и спадающем с оной *насесте* (стр. 123).

Поскольку в большинстве своем это узкотерминологические слова, то в толковых словарях I половины XIX века они или приводятся только в общеупотребительном значении, или совсем опускаются. Исключение составляет слово *распуколка*, которое встречается уже в словаре 1847 года (ср. *Распуколка — распустившаяся почка*, т. IV, стр. 51). Но они широко представлены в «Словаре главнейших терминов, употребляемых при описании растений» (СПб., 1874), составленном П. Волкенштейном.

Введенные М. А. Максимовичем новые термины были действительно удачными. Недаром проф. К. В. Лебедев после выхода «Оснований ботаники» писал: «Г. Максимович первый, следуя знаменитым по сей части писателям, начертал терминологию ботаническую в истинном ее виде; его описания определенительно рисуют то, что находится в самой природе. От сего терминалогия его имеет большую занимательность». И далее он снова продолжает: «Что касается до нововведенных терминов и вообще ботанического языка, Максимович превзошел в этом всех своих предшественников⁵».

⁵ «Московский вестник», 1829, ч. 6, стр. 116—117.

На какой же основе создаются М. А. Максимовичем новые слова? Ответ на этот вопрос мы находим у самого автора. В «Основаниях ботаники» он пишет: «Вводимые мною слова я старался приискивать в русском языке, предпочитая всегда коренное наше слово, если только оно выражает предмет, всякому насильственно сложенному и буквально переведенному; посему-то называю: *perigonium* *полог*, *gynophorum* *насест*, *lecus* *донцо*, *alabastrum* *распуколка*, *vasa spiralia* *завитки* и проч. Таким же образом я старался и для названий родовых отыскивать народные и заменять оными или от них произведенными слова переводные, если сии последние не совсем удачны: так *redicularis* называется *мытник*, *scilla* *ряст*, *melampyrum* называю *марьянником* (от Иван-да-Марья) и проч. Но латинские родовые названия особенно растений иностранных, из низших классов или часто в садах встречаемых, могут быть удерживаемы и на нашем языке, если только оные ему не противны, если нет коренного или уже вкоренившегося названия русского.

При сих правилах я старался еще, чтобы слова были сколько можно короче, благозвучнее, живописнее и способнее к составлению из них имен прилагательных, что весьма важно и необходимо в ботанике⁶).

Действительно, большинство терминов образовано из общенародных слов путем придания им терминологического значения (*завиток*, *стан*, *донце*, *полог*, *насест*), и только некоторые за счет словообразовательных средств (*приемничек* — от *приемник*, *распуколка* — от *распукиваться* и др.).

При создании новых слов М. А. Максимович учитывал также типы словообразования в русском языке, их системность, продуктивность, а также возможность создания других производных слов. Например, ряд растений назван по именам великих естествоиспытателей: Магнола, Лобелия, Гиппократ, Линней. Названия соответствующих родов растений по-русски передавались двояко: а) *магнолиевые*, *лобелиевые*, *иппократовые* и б) *магнолянки*, *лобелианки*, *иппокртки*. По мнению М. А. Максимовича, родовые названия должны быть *магнолия*, *лобелия*, *гиппократия*, *линнея*. По этому же образцу и из русских имен можно образовать названия типа *крашенинниковия*, *соболевская*, *демидовия*, *разумовския* и т. д. Из подобных слов легко образуются также названия семейств при помощи *-ный*: *магнолийные*, *лобелийные*, *гиппократейные* и под. Такие новообразования легко входят в русский язык, так как соответствующая словообразовательная модель довольно продуктивна (ср. *шея* — *шейный*, *свая* — *свайный*, *хвоя* — *хвойный* и т. д.).

В 1831 году М. А. Максимович издает новую книгу под названием «Систематика растений», которая также явилась важ-

⁶ М. Максимович, Основания ботаники, предисловие.

ным вкладом в развитие и уточнение ботанической терминологии. Часть специальных слов он заменяет здесь новыми, которые представляются ему более точными, напр., вм. *внутриродные* вводит *средоростные*, вм. *внеродные* — *кругоростные*, вм. *рыльце* — *устье*, вм. *тор* — *подвенечник* и др. В некоторых случаях М. А. Максимович раньше употреблял два однозначных термина, теперь остается только один. Например, здесь он употребляет термины *явноцветные*, *тайноцветные*, *губоцветные*, в то время как в первой книге, наряду с этими, используются также *явнобрачные*, *тайнобрачные* и *губастые*. М. А. Максимович уточнил перевод некоторых латинских терминов. *Analogia* обычно передавалось через слово *сходство*, он же предложил более точный вариант — *подобие*. *Species* переводилось как *вид* и *природа*, а *varietas* — *разность* и *выродок*. М. А. Максимович считает первый вариант более правильным. Вот его рассуждения по этому поводу: «Породами называются по-русски не особые виды (*species*), но только постояннейшие и определенные разности (*varietates*) какого-либо вида — те разности, что у французов называются *gases* (по латыни *stirps*). Так собственно лошадь (*equus caballus*) есть вид; но важнейшие разности ее — лошади *арабские*, *персидские*, суть породы; ... Поелику же *varietas* (разность) объмлет собою не только случайные и переходные формы, но и определенные, постоянные и даже наследственные (т. е. породы), то и нельзя ее называть словом *выродок*, означаящим случайное уклонение⁷».

Особого рассмотрения заслуживает термин *особь*. Еще, по видимому, в XVIII в. русским языком было заимствовано слово *индивидуум*. Но поскольку для создателей первых лексикографических работ были характерны пуристические тенденции, то впервые оно приводится только в «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (вып. 1—2, СПб., 1845—46) Н. Кирилова. Однако потребность выражать данное понятие появилась гораздо раньше. Поэтому уже в конце XVIII — нач. XIX вв. возникло слово *неделимое*, представляющее собой кальку с латинского *individuum*. Правда, наряду с этим, существовали и такие варианты, как *единица*, *нераздельное*, *особое*, *особенное*, *особность*, *особа*, а также *индивидуум* и *индивидуу*. Например, в «Основах русской словесности» А. Никольского мы читаем: *individuum*, *нераздельное* или *особенное* — «все, что не составляет свойства другой вещи, но имеет собственное свое бытие и свои свойства⁸».

В 30-е гг. XIX века в этом значении начинает употребляться слово *особь*, созданное М. А. Максимовичем. Интересно отме-

⁷ М. Максимович, Систематика растений, стр. VII—VIII.

⁸ А. Никольский, Основания русской словесности, ч. I, СПб., 1807, стр. 4.

тить, что в «Основаниях ботаники» он пользуется еще традиционными терминами, выражающими значение *individuum*. Ср. «Жизнь, облекшаяся в вещественные формы, т. е. действительное оной явление называется экземпляром (*индивидуум, особым, неделимым*)» (стр. V). Слово *особь* впервые появляется в «Систематике растений». Вот что пишет об этом сам автор:

«*Individuum*. — В русском языке нет еще слова, которое удобно заменяло бы сей термин, во всех его значениях. Обыкновенно переводят его прилагательным именем *неделимое*; другие пишут просто *индивидуум, индивидуу*; иные называют его *единицей*; потом стали употреблять ближе к предмету слова: *особое, особность, особа*. Последнее слово могло бы совершенно заменить *individuum*; но *usus tyrannus* так усвоил его одним людям, притом знатым и важным, что лошадь, дерево, камень — невозможно назвать *особами*. Однако ж корень сего слова именно тот, от коего должно производить русское существительное имя для выражения *individuum*, и от коего есть очень выразительные русские слова, напр. *особняк, особить-ся*. — Мне кажется, что для сего можно употребить слово *особа* усеченно — *особь*, как в народном русском языке слово *молва* сокращается в *молвь*, употребленное Пушкиным. С таким двояким окончанием употребляются и другие славянские имена, без перемены и с переменою их значения: *постель* и *постеля, сушь* и *суша, гречь* и *греча, сечь* и *сеча, вонь* и *воня, корь* и *кора, злоба* и *зლობь*. Таким же образом и в глаголах, окончания *сти, ся*, сокращаются в *сть, сь*; равно сокращаются некоторые союзы и наречия: *или* — *иль, уже* — *уж, особо* — *особь* (в Евангелии *особь едины*; и теперь говорится *особь статья*). Почему слово *особь*, уже употребляемое как наречие, будет и существительным именем, так, как многие предлоги, наречия суть вместе и имена. Имя *особь* будет согласно с глаголом русским *особить-ся*, как *дробь* и *знобь, (зазноба)*, с глаголами *дробить* и *знобить*.

Таким образом, слово сие *правильно* в отношении грамматическом, *согласно* с понятием своим, почему я и называю: *individuum* — *особь*; *individualitas* — *особность* (а не *особенность*), *individualis* — *особный* и *особый*, и т. д.⁹.

Очевидно, сначала и самому М. А. Максимовичу новое слово казалось несколько необычным. Поэтому, употребляя его, он неоднократно поясняет его значение старыми терминами. «По аналитическому способу высшие степени составляются из низших: начинаем с *особей (неделимых)*; из их сходства выводим понятие о виде» («Систематика», стр. 36). «Вид, переходя в действительное или вещественное явление, производит *особи (неделимые)*, из коих и составляется видимая природа»

⁹ М. Максимович, Систематика растений, стр. VIII—IX.

(«Систематика», стр. 36). «Каждое особое растение, в такой определенной форме вырастающее, называется *особью* (individuum)» («Систематика», стр. 53).

Современники очень высоко оценивали новаторство М. А. Максимовича в создании научной терминологии. В частности, Г. Е. Шуровский писал ему в приветственном письме: «Ботаника явилась, благодаря Вам, в первый раз на Руси в своем современном состоянии, со всеми исследованиями тогдашних представителей науки, Декандоля, Линка, Мирбеля и других. В то же время она заговорила изящным языком. Вместо прежних насильственно составленных терминов мы услышали тут коренные русские названия, которые до того были удачны, что тотчас вошли во всеобщее употребление. И можно ли не принять таких названий, как, например: *полог* (perigonium), *распуковка*, *стан*, *подвенечник*, *завитки* и проч. и проч.? Всех названий, введенных Вами в науку, пересчитать невозможно. Я укажу еще на одно, употребляемое ныне всеми, название *особь* (individuum), которым Вы заменили прежние неблагозвучные названия: *неделимое*, *индивидуум*, *индивидуи* и т. п. Но многие ли из нынешних ботаников и зоологов знают, что этим названием они обязаны Вам? В одной из самых недавних диссертаций на степень доктора зоологии было напечатано: «Русское слово *особь* несравненно лучше выражает понятие индивидуальности, чем *индивидуум*; не знаем, кем введено оно, трудно найти более счастливое слово¹⁰».

Научная деятельность М. А. Максимовича в области естествознания продолжалась недолго. В 30-е гг. у него появляется страстное желание переехать в Киев. Тут сказались и тоска по родине, и потеря матери, и потребность в лучшем климате в связи с ухудшением здоровья. Такая возможность возникла в 1834 году. В связи с открытием университета св. Владимира М. А. Максимович был переведен на кафедру русской словесности. Одновременно в 1834—35 гг. исполнял обязанности ректора университета. Такое назначение не было странным. К этому времени М. А. Максимович уже опубликовал два сборника украинских народных песен, получивших высокую оценку Пушкина, Гоголя, Дельвига и Гнедича, критический разбор перевода Вельтмана «Слова о полку Игореве», статью о поэме Пушкина «Полтава», издал несколько книг альманаха «Денница», в котором были помещены произведения Пушкина, Вяземского, Дельвига, Баратынского, Языкова и др.

После переселения в Киев М. А. Максимович от естествознания перешел к историко-филологическим исследованиям. Он опубликовал несколько сотен работ по истории русской лите-

¹⁰ Цит.: А. Чаев, Михаил Александрович Максимович. «Русский архив», кн. 2, № 12, 1874, стр. 1059.

ратуры, русскому языку, древностям, этнографии, истории и педагогике. Из его лингвистических работ наиболее важное место занимают следующие: «Критико-историческое исследование о русском языке» (1838), «Русская речь в сравнении с западно-славянскою» (1845), «Начатки русской филологии» (1847) и др.

По свидетельству С. Пономарева, в этот период М. А. Максимович создает такие новые слова, как *своевременный*, *согласовка*, *тоговременный* и *темнословный*. Последние два слова в русском языке не удержались. М. А. Максимович является создателем и такого важного лингвистического термина, как *полногласие*¹¹.

В 1841 году М. А. Максимович вышел в отставку по состоянию здоровья. И только временно с 1843 по 1845 г. преподавал по найму в университете. После этого он жил в деревне, лишь изредка появляясь в Москве или Киеве. Умер М. А. Максимович 10 ноября 1873 года.

¹¹ См. С. Пономарев, Михаил Александрович Максимович. Биографический и историко-литературный очерк. ЖМНП, 1871, ч. CLVII, октябрь, стр. 190.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. М. Гаспаров. Опыт теории синтаксических связей (на материале современного русского языка)	3
Б. М. Гаспаров. Построение модели формальных классов слов современного русского языка	63
П. С. Сигалов. О прилагательных с суффиксом -к-	96
П. С. Сигалов. «Чередование» и/ш в русских демиинутивах	110
Е. И. Гурьева. Предложения со значением причины и следствия в старославянском языке	130
Е. И. Гурьева. Предложения со значением цели в старославянском языке	148
Х. И. Хейтер. Из наблюдений над формами глагола в русском говоре Ййзаку Эстонской ССР	158
Х. И. Хейтер. Некоторые особенности употребления аффрикат в русском говоре Ййзаку в ЭССР	177
Э. А. Вайгла. Некоторые наблюдения над эмоциональной лексикой современного русского языка (метафора и эмоциональность)	181
Х. Д. Лезметс. К вопросу о семантической структуре метафорического эпитета в русской прозе начала XIX в. (на материале произведений А. Марлинского)	190
С. В. Смирнов. Из истории естественнонаучной лексики в русском языке (I половина XIX века)	200

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ XVII

Серия лингвистическая

На русском языке

Ответственный редактор С. Смирнов

Корректор Н. Чикалова

Тартуский государственный университет

ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Сдано в набор 8/V 1970 г. Подписано к печати 1/IV 1971 г. Бум. фабрика «Кохила», типографская № 2, 60 × 90. 1/16. Печ. листов 13,0. Учен.-издат. листов 13,8. Тираж 500 экз. МВ 03584. Зак. № 2865.

Цена 1 руб. 10 коп.